

rocketbook

МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ

Унесенные ветром
Том 2

Унесенные ветром

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 2

«ЭКСМО»

1936

Митчелл М.

Унесенные ветром. Том 2 / М. Митчелл — «Эксмо»,
1936 — (Унесенные ветром)

Согласно легенде создание романа «Унесенные ветром» началось с того, как Маргарет Митчелл написала главную фразу последней главы: «Ни одного из любимых ею мужчин Скарлетт так и не смогла понять и вот – потеряла обоих». Последующая работа над произведением продолжалась около десяти лет и потребовала от писательницы огромной самоотдачи и напряженного труда. Стремясь проникнуть в самый дух эпохи, Митчелл кропотливо изучала историю родной Атланты, использовала газеты и журналы середины XIX века. На страницах ее рукописи оживали рассказы очевидцев Гражданской войны и семейные предания. Некоторые сцены Митчелл переписывала по четыре-пять раз, а что касается первой главы, писательницу удовлетворил лишь 60-й вариант! Роман, вышедший весной 1936 года, имел беспрецедентный успех и сразу побил все рекорды по популярности и тиражам во всей истории американской литературы. А одноименная экранизация с Вивьен Ли и Кларком Гейблом в главных ролях завоевала 10 премий «Оскар» и стала одной из самых знаменитых лент в истории мирового кинематографа.

© Митчелл М., 1936

© Эксмо, 1936

Содержание

ЧАСТЬ IV	5
Глава 31	5
Глава 32	16
Глава 33	26
Глава 34	36
Глава 35	51
Глава 36	67
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 2

ЧАСТЬ IV

Глава 31

Стоял холодный январский день 1866 года. Скарлетт сидела в кабинете и писала письмо тетушке Питти, в десятый раз подробно объясняя, почему ни она, ни Мелани, ни Эшли не могут вернуться в Атланту. Она торопилась, прекрасно понимая, что тетя Питти прочтет лишь самое начало и тут же возьмется за ответ, жалобно причитая, что ей так страшно жить одной!

Руки у нее замерзли; отложив перо, Скарлетт потеряла озябшие пальцы и поглубже зарылась ногами в старое одеяло. Подошвы ее туфель совсем износились, она залатала их кусочками ковра, чтобы не касаться пола голыми ступнями, но это не спасало от холода. Утром Уилл отправился в Джонсборо подковать лошадей. Скарлетт с мрачной усмешкой подумала, что дела совсем плохи, раз уж приходится заботиться о подковах для лошадей, когда люди ходят босиком, как дворовые псы.

Она снова взялась за перо, но тут же отложила его, заслышав шаги Уилла у черного хода. Его деревянная нога простучала в холле и затихла у двери в кабинет. Скарлетт немного выждала, но Уилл так и не появился. Тогда она сама позвала его. Уилл вошел и остановился, глядя на нее. Уши у него горели от холода, рыжеватые волосы растрепались, на губах играла легкая, чуть насмешливая улыбка.

– Сколько у вас, мисс Скарлетт, наличных денег? – спросил он.

– Ты что же это, Уилл, хочешь на мне жениться по расчету? – притворно рассердилась Скарлетт.

– Нет, мэм. Просто мне надо знать.

Она вопросительно посмотрела на него. Уилл не выглядел озабоченным – впрочем, озабоченным он не выглядел никогда, – но Скарлетт почувствовала: случилось что-то недоброе.

– У меня осталось еще десять долларов золотом из денег янки, – ответила она.

– Что ж, мэм, этого не хватит.

– Для чего не хватит?

– Чтоб заплатить налоги.

Он доковылял до камина, наклонился и протянул к огню покрасневшие от холода руки.

– Налоги? – переспросила Скарлетт. – Уилл, побойся бога! Мы уже уплатили все налоги.

– Да, мэм. Но они говорят, этого мало. Я сегодня в Джонсборо узнал.

– Ничего не понимаю, Уилл. О чем ты?

– Мисс Скарлетт, мне, конечно, жаль вас тревожить, у вас и без того забот хватает, но я обязан сказать. Говорят, заплатить вам нужно много больше, чем уже уплачено. Налог на Тару подняли до небес, уж поверьте мне, это самый высокий налог во всем округе.

– Но не могут же они заставить нас заново платить налог, когда мы уже уплатили все сполна!

– Мисс Скарлетт, вы не часто бываете в Джонсборо, и это даже хорошо. Теперь там не место для леди. А вот если б бывали, тогда знали бы, что там сейчас всем заправляет кучка мерзавцев: республиканцы с прихлебателями да «саквояжниками». Они бы вас до чертиков разозлили. А еще нефы нагличают, белых господ с тротуаров спихивают и...

– Да, но при чем тут наши налоги?

– Как раз к тому и веду, мисс Скарлетт. Эти мошенники, уж не знаю почему, решили взвинтить налоги на Тару, будто с нее тысячу кип хлопка получить можно. Я, как прослышал это, сразу кинулся собирать сплетни по салунам и вот что узнал: кто-то хочет купить Тару за гроши, когда ее за долги на шерифских торгах выставят, если вы новый налог не уплатите. А что уплатить вам не по силам, это всем хорошо известно. Не знаю только, кто именно зарится на Тару, не сумел выяснить. Но, думаю, Хилтон – тот трусливый тип, что женился на мисс Кэтлин, – знаете: уж больно недобро он смеялся, когда я его расспрашивал.

Уилл опустил на диван и принялся растирать обрубок ноги. По холодной погоде культи ныла, а ходить на плохо обитом деревянном протезе было тяжело. Скарлетт устала на него в ярости. Как он может так спокойно рассуждать о потере Тары? Продажа с молотка? А им всем куда прикажете деваться? Отдать Тару в чужие руки? Нет, об этом даже думать нельзя!

Скарлетт так увлеклась возрождением Тары, что и думать забыла о происходящем вокруг. Если надо было съездить по делам в Джонсборо и Фейетвилл, она отправляла туда Уилла или Эшли, а сама совсем перестала выезжать из поместья. И точно так же, как раньше она не слушала разговоров отца о готовящейся войне, так и сейчас пропускала мимо ушей все, что Уилл и Эшли говорили о начале Реконструкции.

Конечно, она знала, что прихлебатели – это южане, ради выгоды переметнувшиеся к республиканцам, а «саквояжники» – небогатые янки, подобно стервятникам слетевшиеся на Юг после капитуляции, уместив все свои пожитки в один кодовый саквояж. Ей уже доводилось несколько раз сталкиваться с Бюро содействия свободным гражданам, и опыт оказался не из приятных. Еще она слыхала, будто некоторые негры стали слишком нахальными, но у нее это в голове не укладывалось: за всю свою жизнь Скарлетт не видела ни одного нахального негра.

О многих вещах Эшли и Уилл сговорились ей не рассказывать. Реконструкция лишь усугубила беды, принесенные войной, однако мужчины решили умалчивать в домашних разговорах о наиболее тревожных деталях. А Скарлетт если изредка и прислушивалась к их разговорам, у нее все равно в одно ухо влетало, а из другого тут же вылетало.

Она слышала, например, слова Эшли о том, что к Югу относятся как к завоеванной территории и что политикой завоевателей движет в основном месть, но решила, что ее это совершенно не касается. Политика – это для мужчин. Уилл тоже как-то раз говорил, что Север ни за что не даст Югу подняться из руин. Что ж, подумала Скарлетт, мужчины вечно забивают себе голову всяким вздором. А что до нее самой, считала Скарлетт, раз уж янки не удалось побить ее однажды, значит, это им не удастся и теперь. Главное – работать как вол и выбросить из головы глупости о правительстве янки. В конце концов, война-то кончилась!

Скарлетт даже не догадывалась, что правила игры изменились и что честным трудом теперь нельзя заработать ни цента. По сути, Джорджия оказалась на военном положении. Янки разместили свои войска по всей ее территории, Бюро содействия свободным гражданам творило произвол и повсеместно устанавливало удобные себе правила.

Бюро, созданное федеральным правительством для трудоустройства празднующихся и бунтарски настроенных бывших рабов, тысячами переселяло их с плантаций в поселки и города. Бюро обеспечивало их едой, пока они бездельничали, и настраивало их против бывших хозяев. В местном представительстве Бюро главным был Джонас Уилкерсон, бывший управляющий Джералда, а в помощниках у него ходил Хилтон, муж Кэтлин Калверт. Эти двое усердно распространяли слухи, будто южане и демократы выжидают удобного случая, чтобы снова сделать негров рабами, и что единственный шанс избежать нового рабства – встать под защиту Бюро и республиканской партии.

Уилкерсон и Хилтон внушали неграм, что те якобы ничем не хуже белых и что будто бы вскоре будут разрешены браки между черными и белыми, а собственность их бывших владельцев поделят, и каждый негр получит по сорок акров земли и мула в придачу. Они поддер-

живали недовольство среди негров историями о жестокости белых хозяев, и старые добрые отношения между рабами и их хозяевами уже стали вытесняться ненавистью и подозрениями.

В своей работе Бюро опиралось на поддержку военных, а военные издавали множество противоречивых указов о том, как следует себя вести жителям завоеванных территорий. Под арест можно было попасть даже за непочтительное отношение к чиновникам Бюро. Были изданы военные указы о школах, о чистоте и порядке, о том, какие следует носить пуговицы на сюртуках, о торговле предметами потребления и практически обо всем на свете. Уилкерсон и Хилтон получили право вмешиваться в любые сделки Скарлетт и назначать собственные цены на все, что она захотела бы продать или поменять.

К счастью, Скарлетт почти не приходилось сталкиваться с этими проходимцами: Уиллу удалось ее убедить, что ей лучше заниматься плантацией, а с торговыми делами он прекрасно справится сам. Со свойственной ему мягкостью Уилл уже уладил без ведома Скарлетт много подобных трудностей. При необходимости он умел ладить и с прихлебателями, и с янки. Но новая проблема оказалась ему не по зубам. О повышении налогов и угрозе потерять Тару Скарлетт следовало дать знать немедленно.

Глаза Скарлетт яростно вспыхнули.

– Чертовы янки! – воскликнула она. – Мало того, что они вытрясли из нас все и довели до нищеты, так теперь еще и этих подлецов натравили?

Война закончилась, объявлен мир, а янки все еще могут ограбить ее, уморить голодом, выгнать из собственного дома. И до чего же она была глупа, полагая, что нужно лишь продержаться до весны, а все остальное уладится само собой. Сокрушительная новость, принесенная Уиллом, пришлась на самую тяжелую пору и стала последней каплей: весь год Скарлетт работала не разгибая спины, жила одной лишь надеждой и вот – дождалась.

– Ох, Уилл, а я-то думала, война кончилась, а с ней и все наши беды!

– Нет, мэм. – Он поднял свое простодушное деревенское лицо с лошадиной челюстью и посмотрел ей прямо в глаза. – Наши беды только начинаются.

– Сколько же они хотят с нас еще налогов?

– Триста долларов.

Ее будто оглушили. Три сотни долларов! Все равно что три миллиона.

– Но как же, – беспомощно забормотала она, – как же... мы должны как-нибудь достать эти триста долларов.

– Да, мэм, а еще радугу и луну в придачу.

– Но, Уилл! Они ведь не могут продать Тару. Как же...

Его светлые и обычно кроткие глаза вспыхнули такой ненавистью и горечью, что Скарлетт даже оторопела: ничего подобного она от него не ожидала.

– Не могут? И могут, и продадут, да еще и удовольствие получат! Мисс Скарлетт, наш край попал в самое пекло, извините за выражение. Эти «саквояжники» и прихлебатели имеют право голоса, а мы, демократы, – нет. Ни один демократ в этом штате не может голосовать, если в шестьдесят пятом в налоговых книгах за ним числится больше двух тысяч долларов. В черный список попадают и ваш па, и мистер Тарлтон, и Макрей, и Фонтейны. Кто во время войны служил в чине полковника, тоже голосовать не может, а в нашем штате, мисс Скарлетт, быюсь об заклад, полковников больше, чем во всей остальной Конфедерации. И кто состоял у правительства Конфедерации на службе, тоже без голоса, стало быть, выпадают все от нотариусов до судей, они теперь все по лесам прячутся! Янки хитрые: так устроили эту свою присягу на верность, что любой, кто до войны был хоть кем-то, сейчас голосовать не может. Словом, отмели всех, кто с мозгами, образованных и богатых.

Я-то, конечно, мог бы голосовать, кабы принял эту чертову присягу. Денег у меня в шестьдесят пятом не было, полковником я уж тем более не был и вообще никем. Да только не стану я им присягать. Ни за что на свете! Вот вели бы себя янки достойно, я бы присягнул,

но теперь – ни за что. Можете включать меня в Союз, но подстраиваться под него я не стану. Не стану я им присягать, даже если меня навек лишат права голоса... а вот такой слизняк, как Хилтон, – он голосует, и проходимцы вроде Джонаса Уилкерсона, да белая шваль вроде Слэттери, да отщепенцы Макинтоши – они могут голосовать. И они теперь всем заправляют. Захотят удушить дополнительными налогами – они хоть дюжину на вас навесят. Захочет негр белого убить – пожалуйста! Его за это не повесят. Или же... – Уилл умолк, смешавшись, и оба они вспомнили, что случилось с белой женщиной на уединенной ферме неподалеку от Лавджоя. – Эти черномазые теперь могут делать с нами все, что им в голову взбредет, Бюро свободных граждан и солдаты поддержат их, а мы ни в выборах поучаствовать не можем, ни поделаться ничего.

– Выборы! – воскликнула Скарлетт. – Выборы! Да разве выборы могут что-то изменить, Уилл? Мы ведь о налогах говорим... Уилл, всем известно, что Тара – отличная плантация. Мы могли бы заложить ее, и нам хватит денег уплатить налог.

– Вот умная вы женщина, мисс Скарлетт, а рассуждаете порой как самая что ни на есть дурочка. Кто даст вам денег под имущество? Кто, кроме «саквояжников»? А они так и так пытаются отобрать у вас Тару! У всех есть земля. И всем земли не хватает. Нельзя отдавать землю.

– У меня еще серьги с бриллиантами остались от янки. Мы могли бы их продать.

– Мисс Скарлетт, неужто вы думаете, что у кого-то здесь есть деньги на сережки? У людей на мясные обрезки денег нет, где им думать о побрякушках! И если у вас есть десять долларов золотом, клянусь богом, вы богаче всех остальных.

Снова повисла тишина. У Скарлетт было такое чувство, будто она бьется головой о каменную стену. Сколько же было за прошедший год таких каменных стен, которые ей пришлось пробивать головой?!

– И что мы делать будем, мисс Скарлетт?

– Не знаю, – пробормотала она и вдруг поняла, что ей все равно. Сил на эту новую стену уже не осталось. Скарлетт почувствовала, как от навалившейся усталости заломило кости. Зачем работать, бороться, изматывать себя, если в конце каждой битвы, словно издеваясь над тобой, уже поджидает поражение? – Не знаю, – повторила она, – но не говори об этом па. Это может его расстроить.

– Не скажу.

– Ты уже кому-нибудь сказал?

– Нет, я сразу отправился к вам.

Ну конечно, подумала Скарлетт, с плохими новостями все спешат прямо к ней, и она уже порядком устала от этого.

– А где мистер Уилкс? Может, он предложит какой-нибудь выход. – Уилл устремил на нее свой кроткий взгляд. Как и в тот первый день, когда Эшли вернулся домой, она почувствовала, что Уиллу все известно.

– В саду, колет дрова. Я слышал его топор, когда привязывал лошадь. Но денег у него уж точно не больше, чем у нас с вами.

– Это еще не значит, что я не могу с ним поговорить, если захочу, не так ли? – огрызнулась Скарлетт, вскакивая и отбрасывая пинком обрывок старого одеяла.

Уилл и бровью не повел, продолжая растирать озябшие руки у огня.

– Вы бы шаль накинули, мисс Скарлетт. На дворе сыро.

Но за шалью надо было подниматься наверх, а ей хотелось поскорее поделиться новостями с Эшли, и она выскочила в чем была.

Хоть бы он был там один! С тех пор как он вернулся, ей ни минутки не удалось побыть с ним наедине. Рядом всегда был кто-то из домашних, вечно за его рукав цеплялась Мелани, словно желая лишний раз удостовериться, что он на самом деле вернулся. Этот жест счаст-

ливого обладания всякий раз рождал в душе у Скарлетт неистовый всплеск ревнивой злобы, несколько притихшей за те месяцы, когда она думала, что Эшли погиб. Теперь она твердо решила встретиться с ним наедине. На этот раз никто не помешает ей поговорить с ним с глазу на глаз.

Скарлетт шла через сад. Голые ветви нависали над головой, ноги промокли в сырой траве. До нее доносился стук топора: Эшли обтесывал выловленные из болота бревна на колья для забора. Восстановление изгородей, которые янки с таким азартом спалили, требовало сил и времени. Все требовало и сил и времени, подумала она устало, и все это ей надоело, опостылело, бесило до чертиков. Ах, если бы Эшли был ее мужем, а не мужем Мелани, какое это было бы счастье – подойти к нему, опустить голову ему на плечо, расплакаться и переложить на него свою ношу: пусть сам улаживает все как знает.

Она обогнула качающую ветвями на холодном ветру рошу гранатовых деревьев и увидела, как Эшли стоит, опираясь на свой топор, и оттирает пот со лба тыльной стороной ладони. На нем были старые, износившиеся серые брюки и одна из рубашек Джералда – та самая, с кружевными манжетами, которую в старые добрые времена ее отец надевал только в суд да на пикник. Новому владельцу она оказалась явно коротка. Работа шла жаркая, и Эшли перебрался через ветку дерева. Когда Скарлетт подошла, он как раз устроил передышку.

Увидев Эшли в обносах, с топором в руке, Скарлетт всем сердцем ощутила горячий прилив любви к нему и негодования на несправедливость судьбы. Больно было смотреть на Эшли – безупречно элегантного, не знающего забот Эшли, – одетого в лохмотья и занятого грубой работой. Его руки не созданы для тяжелой работы, а тело – для простой рабочей одежды. Ему на роду написано носить добротное сукно и тонкое белье, жить в богатом поместье и вести светские беседы с приятными людьми, играть на фортепиано и писать возвышенные, ничего не значащие стихи.

Она не роптала, глядя на своего собственного ребенка в фартуке из мешковины, на своих сестер в старых, застиранных ситцевых платьях, мирилась с тем, что Уилл надрывается, как негр в поле, но видеть не могла, как мучается Эшли. Такая жизнь не для него, он слишком благороден и бесконечно дорог ее сердцу. Уж лучше самой колоть дрова, лишь бы не страдать, глядя, как этим занимается он.

– Говорят, Эйб Линкольн начинал с колки дров, – сказал он, когда она подошла ближе. – Представляете, к каким высотам я могу подняться!

Скарлетт нахмурилась. Он вечно подшучивал над их нелегким положением. Для нее же все имело важность и значение, поэтому его шуточки порой просто бесили ее.

Без подготовки она в двух словах выложила все принесенные Уиллом новости, чувствуя облегчение с каждым словом. Наверняка Эшли что-нибудь придумает. Он не сказал ни слова, лишь накинул ей на плечи свой сюртук, заметив, что она дрожит.

– Что ж, – прервала молчание Скарлетт, – не кажется ли вам, что нам нужно где-то раздобыть денег?

– Да, – ответил он, – но как?

– Это я вас спрашиваю, – ответила она с раздражением.

Чувство облегчения от того, что она поделилась с ним своими трудностями, испарилось. Пусть он не знает, что делать, но почему не утешит ее, почему не скажет... ну хотя бы что-то вроде: «О, мне так жаль»?

Он улыбнулся.

– С тех пор, как я вернулся сюда после войны, мне приходилось слышать только об одном человеке, у которого водятся деньги. Это Ретт Батлер, – сказал Эшли.

Неделю назад тетушка Питтипэт написала Мелани, что Ретт вернулся в Атланту с экипажем, парой отличных лошадей и полными карманами денег. Правда, она намекнула, что эти

деньги достались ему нечестным путем, и поделилась предположением, о котором говорили по всей Атланте: Ретт каким-то образом присвоил мифические миллионы казны конфедератов.

– Давайте не будем о нем, – отрезала Скарлетт. – Этот человек – подлец. Но что же будет с нами?

Эшли опустил топор и отвел глаза. Казалось, его взгляд устремлен куда-то далеко-далеко, куда ей доступ закрыт.

– Хотел бы я знать, – вздохнул он, – что станет не только с нами и с Тарой, а со всем Югом.

Ей хотелось крикнуть ему: «К черту весь Юг! Что с нами будет?» – но она промолчала, ощутив новый прилив усталости. Нет, Эшли ей ничем не поможет.

– В конце концов случится то, что каждый раз происходит при крушении цивилизации. Выживут умные и смелые, остальные отсеются. Зато нам выпало наблюдать *Gottterdammerung*... Это поучительно, хотя и не слишком приятно.

– Что наблюдать?

– Гибель богов. Увы, мы, жители Юга, и впрямь мнили себя богами.

– Господи боже, Эшли Уилкс! Как вы можете нести чушь, когда отсев грозит именно нам!

Казалось, безысходное отчаяние, прозвучавшее в ее усталом голосе, проникло ему в душу и вернуло его на землю: он с нежностью взял ее руки в свои, повернул ладонями кверху и посмотрел на мозоли.

– Вот самые красивые руки, какие мне когда-либо доводилось видеть, – сказал он, легко прикасаясь к ним губами. – Они красивые, потому что сильные, и каждая мозоль – это медаль, Скарлетт, каждый волдырь – это награда за храбрость и бескорыстное, доброе сердце. Эти руки загрубели ради всех нас: вашего отца, девочек, Мелани, ребенка, негров и меня. Моя дорогая, я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете: «Неисправимый и бестолковый идиот несет чушь о мертвых богах, когда живым людям угрожает опасность». Разве не так?

Она кивнула, мечтая лишь о том, чтобы он вечно держал ее за руки, но он отпустил их.

– И вы пришли ко мне, надеясь на помощь. А я ничем не могу помочь.

Эшли с горечью посмотрел на топор и кучу бревен.

– Мой дом разрушен, деньги пропали, а я ведь всегда принимал все это как должное, даже не задумываясь... Сейчас у меня нет ничего. Мне нет места в этом мире, а того мира, в котором я жил, больше не существует. Я ничем не могу помочь вам, Скарлетт. Я могу лишь смиренно учиться, чтобы в конце концов стать никудышным фермером. Но этим Тару не спасешь. Живя здесь за ваш счет, я прекрасно сознаю всю горечь сложившегося положения... да-да, Скарлетт, за ваш счет. Мне никогда не вернуть вам то, что по доброте душевной вы сделали для меня и моей семьи. С каждым днем я осознаю это все яснее. И с каждым днем все яснее вижу, насколько я бессилен перед обстоятельствами. С каждым днем мне все тяжелее принимать новую действительность, а все потому, что меня всегда преследовал этот проклятый страх перед реальностью как таковой. Вы понимаете, о чем я?

Скарлетт кивнула. Она понятия не имела, о чем он говорит, но, затаив дыхание, ловила каждое слово. Впервые Эшли заговорил с ней о том сокровенном, что занимало его мысли в те самые минуты, когда он казался таким далеким. Она взволнованно затрепетала, словно в ожидании некоего откровения.

– Мое нежелание смотреть в глаза неприкрытой реальности – это проклятие. До войны жизнь для меня была не более реальной, чем театр теней. Меня это устраивало. Мне не нравится, когда вещи обретают ясную форму. Я предпочитаю видеть мир слегка размытым и туманным. – Он замолчал и едва заметно улыбнулся, дрожа от холодного, проникающего под тонкую рубашку ветра. – Иными словами, Скарлетт, я трус.

Разговор о тенях и туманных формах не имел для Скарлетт никакого смысла, а вот последние слова были сказаны на понятном ей языке. Это неправда, она-то знала. В нем не было трусости. Его стройное тело всеми своими благородными линиями говорило о стоявших

за ним поколения храбрых и отважных мужчин, к тому же Скарлетт знала все о его боевых заслугах.

– Нет, это неправда! Разве трус мог бы вскочить на ствол орудия при Геттисберге и повести за собой людей? Разве сам генерал написал бы Мелани письмо о трусе? И...

– Это не храбрость, – устало возразил Эшли. – Сражение – это как шампанское: одинаково ударяет в голову и трусам, и героям. Любой дурак может стать храбрецом в бою, когда выбор невелик: не будешь храбрым, быть тебе убитым. Я о другом. Моя трусость значительно хуже, чем если бы я бежал с поля боя, заслышав первые залпы орудий.

Он говорил медленно и с трудом, словно каждое слово причиняло ему боль, казалось, он со скорбью в сердце слушает себя со стороны. Будь на его месте любой другой, Скарлетт презрительно пресекла бы подобные речи, приписав их ложной скромности и попытке напроситься на комплименты. Но Эшли, похоже, знал, о чем говорил, а в его взгляде читалось нечто непонятное: не страх, не сожаление, но обреченная покорность некоей силе – неизбежной и неодолимой. Зимний ветер дохнул холодом на ее промокшие лодыжки, и она снова задрожала, но скорее не от ветра, а от страха, порожденного словами Эшли.

– Но чего же вы боитесь, Эшли?

– Этому нет имени. Есть такие вещи, которые покажутся очень глупыми, если облечь их в слова. В общем, я боюсь того, что жизнь вдруг становится слишком реальной и приходится лицом к лицу сталкиваться со многими простейшими вещами. Нет, меня совсем не смущает, что приходится колоть дрова в грязи, но я против того, что за этим стоит. Для меня невыносима мысль о том, что красота прежней жизни, которую я так любил, утрачена навсегда. Скарлетт, до войны жизнь была прекрасна. Сколько в той жизни было блеска и очарования! Она была совершенна и безупречна, полна гармонии, как древнегреческое искусство. Возможно, такой она была не для всех. Теперь-то я это понимаю. Но для меня жизнь в Двенадцати Дубах была чудесной. И я принадлежал ей. Я был частью ее. И вот ее нет, а я не могу найти своего места в этом новом мире, и мне страшно. Теперь я понимаю, что в той старой жизни я наблюдал за игрой теней. Избегал всего, что не было туманным, – людей и ситуаций, которые оказывались слишком реальными, слишком живыми. Меня возмущало их вторжение. Вот поэтому я старался избегать и вас, Скарлетт. Вы тоже были слишком полны жизни, слишком реальны, а я был трусом, отдающим предпочтение теням и мечтам.

– Но... но как же Мелли?

– Мелани – нежнейшая из моих грез. Если бы не война, я так и прожил бы счастливым затворником в Двенадцати Дубах, довольствуясь наблюдением за тем, как жизнь проходит мимо, и никогда не становясь ее частью. Но с приходом войны передо мной предстала жестокая реальность. В моей первой битве – вы помните, это было при Булл-Ране – я впервые увидел, как друзей моего детства разрывает в клочья снарядами, услышал дикое ржание умирающих лошадей и впервые испытал ужас при виде скрюченных, истекающих кровью тел, убитых мной. Но это еще не самое страшное на войне, Скарлетт. Самое страшное, Скарлетт, это люди, с которыми мне приходилось жить. Всю жизнь я отгораживался от людей. Тщательно выбирал немногих друзей. И только война показала мне, что я жил в вымышленном мире, населенном придуманными мной людьми. Война показала мне, что представляют собой люди на самом деле, но не научила жить среди них. И, боюсь, мне никогда этой науки не постичь. Теперь я понимаю: чтобы содержать жену и ребенка, мне придется жить среди людей, с которыми у меня нет ничего общего. Вы, Скарлетт, берете быка за рога и поворачиваете, куда вам нужно. Но где же теперь мое место в жизни? Признаюсь, мне страшно.

В его тихом голосе слышалась безысходная печаль. Скарлетт ничего не понимала и все же отчаянно цеплялась за отдельные слова, пытаясь уловить их смысл, но слова ускользали от нее, разлетались, как дикие птицы. Что-то мучило Эшли, что-то жестоко преследовало его, а она никак не могла понять, в чем дело.

– Скарлетт, даже я сам не знаю, когда именно суровая правда предстала передо мной и заставила понять, что в моем любимом театре теней спектакль окончен. Возможно, как раз в первые пять минут битвы при Булл-Ране, когда упал на землю первый застреленный мной человек. Тогда я понял: все кончено, я больше не смогу быть просто зрителем. Неожиданно я сам оказался на сцене, сам получил роль, сам был действующим лицом и выполнял бессмысленные движения. Мой маленький внутренний мир исчез под давлением людей, чьих поступков и мыслей я не понимал, людей, с которыми у меня было не больше общего, чем с готтентотами. Они растоптали мой мир своими грязными сапогами, и не осталось ни единого уголка, куда я мог бы спрятаться, когда все вокруг становилось невыносимым. В тюрьме я думал: «Вот закончится война, и я смогу вернуться к прежней жизни, к прежним мечтам и снова буду наблюдать игру теней». Но, Скарлетт, пути назад нет. А та жизнь, что нам предстоит, что нас уже окружает... она еще хуже войны, хуже тюрьмы, а для меня даже хуже смерти... Как видите, Скарлетт, я наказан за свои страхи.

– Но, Эшли, – проговорила она, утопая в зыбучих песках непонимания, – если вы боитесь, что мы будем голодать... нет... да нет же... о, Эшли, мы справимся, мы что-нибудь придумаем! Обязательно придумаем!

На мгновение его взгляд вернулся к ней, в его огромных глазах, серых и блестящих, засветилось восхищение. Затем этот взгляд вдруг опять устремился куда-то вдаль, и Скарлетт с ужасом поняла, что думает он не о голоде. Они всегда походили на двух людей, говорящих на разных языках, но она так сильно любила его, что, когда он отгораживался от нее – вот как сейчас, – ей казалось, что теплое солнышко закатилось, оставив ее брести в одиночестве по холодной вечерней росе. Ей хотелось схватить его за плечи и обнять, заставить его почувствовать, что она живая женщина из плоти и крови, а не что-то такое, о чем он читал или мечтал. Если бы только она могла ощутить то единение с ним, то слияние, о котором мечтала с того далекого дня, когда он вернулся из Европы и улыбнулся ей, стоя на ступеньках Тары!

– Голод – это, конечно, невесело, – заметил Эшли. – Знаю, мне самому приходилось голодать, но я не боюсь голода. Я боюсь столкнуться с реальностью, лишенной неторопливой прелести нашего старого мира, которого больше нет.

В отчаянии Скарлетт подумала, что Мелани поняла бы все, о чем он говорит. Мелли и Эшли всегда говорили о подобных глупостях: о стихах, книгах, мечтах, о лунных лучах и звездной пыли. Он не боится того, что приводит ее в ужас: колик в пустом желудке, режущего холодного ветра, изгнания из Тары. Он теряется перед другим, совершенно неведомым ей страхом, перед чем-то, чего она и представить себе не может. Бог свидетель, чего еще можно бояться в этом изломанном мире, если не голода, холода и потери дома?

А она-то думала, что стоит только вслушаться повнимательнее, как она все поймет и найдет ответ для Эшли.

– О-о-о! – протянула Скарлетт голосом обиженного ребенка, который развернул красивую упаковку и ничего внутри не нашел. Уловив этот тон, Эшли печально улыбнулся, словно извиняясь.

– Простите меня, Скарлетт, за такие разговоры. Я не смогу объяснить вам так, чтобы вы поняли, ведь вы не знаете, что такое страх. У вас львиное сердце, вы начисто лишены воображения, чему я очень завидую. Вы никогда не станете избегать реальности и никогда не ударитесь в бегство подобно мне.

– Бегство!

Из всего, что он сказал, это было единственное понятное ей слово. Ну конечно, как и она, Эшли тоже устал бороться и тоже хотел бежать. Ее дыхание участилось.

– О, Эшли, – воскликнула она, – вы ошибаетесь. Я тоже хочу бежать. Я так устала от всего этого!

От удивления его брови поползли вверх. Скарлетт лихорадочно схватила его руку.

– Послушайте, – поспешно заговорила она, путаясь в словах, – честное слово, я страшно устала от этой жизни. Устала до смерти, просто сил нет. Не хочу больше все это терпеть. Я боролась за еду и деньги, полола сорняки и рыхлила землю, собирала хлопок и даже пахала, пока были силы. Эшли, поверьте мне, Юг мертв! Мертв! Янки, вольные негры и «саквояжники» заполучили все, а нам не осталось ничего. Эшли, давайте убежим!

Он наклонил голову и пристально заглянул в ее пылающее лицо.

– Да, давайте сбежим, бросим всех их! Я устала работать на других. О них кто-нибудь позаботится. Всегда есть кто-нибудь, кто позаботится о тех, кто не может сделать этого сам. Эшли, давайте сбежим вместе – только вы и я. Мы можем уехать в Мексику, мексиканской армии как раз нужны офицеры, мы будем счастливы там. Я бы работала для вас, Эшли. Я бы все для вас сделала. Я знаю, вы не любите Мелани...

Он испуганно взглянул на нее и начал было говорить, но его слова потонули в потоке ее речи.

– В тот день, помните, вы сказали, что любите меня больше, чем ее... вы ведь помните тот день? И я знаю, что вы не изменились! Все осталось как прежде, я же вижу. И вы только что сказали, что она всего лишь мечта... О, Эшли, давайте уедем! Я могла бы сделать вас таким счастливым! И еще, – злорадно добавила Скарлетт, – Мелани уже не сможет... доктор Фонтейн сказал, что у нее больше не будет детей, а я могла бы подарить вам...

Он так крепко схватил ее за плечи, что ей стало больно и она замолкла, едва дыша.

– Мы собирались забыть о том дне в Двенадцати Дубах.

– Неужели вы думаете, что я могла забыть? А вы забыли? Сможете ли вы честно сказать, что не любите меня?

Он сделал глубокий вздох и быстро проговорил:

– Нет, я не люблю вас.

– Вы лжете.

– Даже если я лгу, – тихо, но грозно сказал Эшли, – это не подлежит обсуждению.

– Вы хотите сказать...

– Вы думаете, я смог бы уехать, бросив Мелани и ребенка, даже если бы я ненавидел их обоих? Разбить сердце Мелани? Оставить их жить на подаяние друзей? Скарлетт, да вы с ума сошли! Где ваше чувство долга? Неужели вы сможете бросить отца и сестер? Они под вашей опекой, и вы должны заботиться о них так же, как на мне лежит забота о Мелани и Бо, и неважно, устали вы или нет, они здесь, и ваш долг – помогать им.

– Я могла бы бросить отца и сестер... я так устала от них... я больше не могу...

Он наклонился к ней, и с замирающим сердцем она подумала, что вот сейчас он обнимет ее. Но вместо этого он потрепал ее по плечу и заговорил, словно успокаивал ребенка:

– Я знаю, что вы очень устали. Вот потому-то вы и говорите такие вещи. Вы несете на себе ношу трех мужчин. Но я собираюсь помочь вам... я не всегда буду таким растяпой...

– Если вы действительно хотите мне помочь, есть только один способ, – сказала она упрямо. – Увезите меня отсюда, давайте начнем новую жизнь на новом месте, дадим себе шанс быть счастливыми. Нас ведь ничто не держит здесь.

– Ничто, – тихо возразил он, – кроме чести.

Взглянув на него с недоумением и тоской, Скарлетт увидела словно впервые, как загибаются его густые ресницы, золотые, как спелая пшеница, как красиво сидит голова на его обнаженной шее, какие благородство и достоинство угадываются, несмотря на лохмотья, в его стройном, гордо выпрямленном теле. Их взгляды встретились. Она смотрела на него с неприкрытой мольбой, а его глаза были далеки, словно горные озера под серыми небесами.

В отрешенном взгляде этих глаз она увидела гибель своей отчаянной мечты, своих безумных желаний.

Внезапно ее охватила горечь, навалилась усталость, и, спрятав лицо в ладонях, она заплакала. Еще никогда Эшли не видел ее слез. Он даже подумать не мог, что женщина с таким сильным характером может заплакать. Его охватила волна нежности и раскаяния. Он торопливо обнял ее и принялся укачивать в своих объятиях, прижимая ее черную головку прямо к сердцу и шепча: «Дорогая! Моя храбрая девочка, не надо! Вы не должны плакать!»

Он почувствовал, как она, словно по волшебству, меняется в его объятиях; в ее стройном теле пробудилось колдовское безумие, в зеленых глазах, устремленных на него, зажегся теплый и нежный огонек... Вдруг куда-то исчезла холодная зима. К Эшли снова вернулась весна – полузабытая, благоуханная весна, наполненная шепотом и шуршанием зелени, беспечностью и праздностью, беззаботные дни, когда желания молодости согревали его тело. Вдруг отпала горечь последних лет, он увидел алые трепещущие губы, обращенные к нему, и поцеловал их.

В ушах у Скарлетт зашумело, словно кто-то приложил к ним морские раковины; сквозь этот шум она смутно различала быстрые гулкие удары своего сердца. Тело, казалось, таяло в его руках, они стояли целую вечность, слившись в объятиях, а его губы ненасытно и жадно целовали ее.

Когда Эшли внезапно отпустил ее, Скарлетт ощутила такую слабость в коленях, что пришлось ухватиться за изгородь. Она подняла к нему пылающий любовью и торжеством взгляд.

– Ведь ты любишь меня! Любишь! Скажи, признайся мне!

Его руки все еще лежали на ее плечах, она чувствовала, как они дрожат, и упивалась этой дрожью. Она страстно потянулась к нему, но он удержал ее на расстоянии, замкнутость исчезла из его глаз, сменившись борьбой и отчаянием.

– Нет! – сказал Эшли. – Не надо. Не говори ничего, а не то я возьму тебя прямо здесь, сейчас.

Она улыбнулась в ответ горячей и страстной улыбкой, позабыв обо всем на свете, и лишь его поцелуй по-прежнему горел на ее губах.

Вдруг Эшли принялся трясти ее и тряс до тех пор, пока черные волосы не рассыпались у нее по плечам, тряс, словно обезумев от гнева на нее... и на самого себя.

– Мы не сделаем этого! – воскликнул он. – Говорю тебе, мы этого не сделаем!

Ей показалось, что он сломает ей шею, если тряхнет еще раз. Волосы падали ей на глаза, она стояла как оглушенная. Потом она вырвалась из его рук и пристально посмотрела на него. На лбу у него проступили капельки пота, руки сжались в кулаки, как в приступе боли. Взгляд его серых глаз пронзил ее насквозь.

– Ты ни в чем не виновата, это все моя вина, и это больше не повторится: я заберу Мелани и ребенка и уеду.

– Уедешь? – с болью вскрикнула Скарлетт. – О нет!

– Да, клянусь богом! Неужели ты думаешь, что я останусь... после всего, что здесь случилось? Ведь это может случиться опять...

– Но, Эшли, ты не можешь просто взять и уехать. С какой стати тебе уезжать? Ты любишь меня...

– Хочешь, чтобы я это сказал? Хорошо, я скажу. Я люблю тебя.

Он стремительно наклонился к ней с такой свирепостью, что она отпрянула к ограде.

– Я люблю тебя, люблю твоё бесстрашие и упрямство, твою страстность и безжалостный эгоизм. Хочешь знать, как сильно я тебя люблю? Люблю так, что минуту назад я чуть было не пренебрег гостеприимством дома, который дал кров мне и моей семье, чуть не позабыл, что у меня самая лучшая жена, о какой только можно мечтать... Я люблю тебя так сильно, что готов был овладеть тобой прямо здесь, в грязи, как...

Скарлетт пыталась разобраться в хаосе мыслей, ее сердце пронзила холодная боль, будто в него воткнули сосульку. Запинаясь, она сказала:

– Если ты так хотел меня и не взял, значит... значит, ты меня не любишь.

– Ты никогда меня не поймешь.

Они молча смотрели друг на друга. Внезапно Скарлетт пробрал озноб. Будто возвратясь из далекого путешествия, она заметила, что стоит зима, голые поля щетинятся жнивьем; ей вдруг стало очень холодно. Еще она увидела, как на лице Эшли вновь появилось столь хорошо ей знакомое отчужденное выражение: от него тоже сквозило холодом, болью и раскаянием.

Она хотела повернуться и уйти, спрятаться в доме, забиться в дальний угол, где ее никто не увидит, но тело сковала усталость. Даже говорить было тяжело.

– У меня ничего не осталось, – проговорила она наконец. – Ровным счетом ничего. Никого любить. Не за что бороться. Тебя больше нет, и Тары не будет.

Он долго смотрел на нее, потом наклонился и схватил комок красной глины.

– Кое-что еще осталось. – И тень прежней улыбки показалась на его лице, улыбки-насмешки над самим собой и над ней. – То, что ты любишь больше, чем меня, хотя сама ты этого, может быть, еще не знаешь. У тебя все еще есть Тара.

Он взял ее безвольную руку, вложил в ладонь комок мокрой глины и зажал в ней. Ни в его, ни в ее руках уже не было горячечной дрожи. С минуту Скарлетт смотрела на красную землю, но эта земля ничего ей сейчас не говорила. Она взглянула на Эшли, и в голове у нее зародилась смутная догадка: он обладает целостностью духа, перед которой бессильна даже ее страсть.

Даже под угрозой смерти он никогда не оставит Мелани. Даже сгорая от любви к Скарлетт до конца своих дней, он никогда не коснется ее и будет держать ее на расстоянии. И никогда больше ей не пробиться через эту броню. «Гостеприимство», «чувство долга», «честь»... все эти слова значат для него намного больше, чем она.

Комок глины холодил ей руку, и Скарлетт снова перевела взгляд на него.

– Да, – сказала она, – у меня все еще есть это.

Поначалу слова звучали бессмысленно, комок земли в ее руке был всего лишь красной глиной. Но Скарлетт вдруг вспомнила море влажной красной земли вокруг Тары, которая была ей так дорога, вспомнила, как тяжело далась ей борьба за поместье и какая тяжелая борьба ей еще предстоит, если она хочет сохранить Тару. Она вновь повернулась к Эшли и сама поразила тому, куда подевалась только что пылавшая в ней страсть. Все чувства испарились, остались только мысли. Она больше не могла переживать ни за Эшли, ни за Тару, – у нее не осталось на это сил.

– Тебе нет нужды уезжать, – решительно отчеканила Скарлетт. – Я не допущу, чтобы твоя семья голодала только из-за того, что я бросилась тебе на шею. Это больше никогда не повторится.

Она отвернулась и направилась по перепаханному полю обратно к дому, на ходу скручивая волосы в узел на затылке. Эшли смотрел, как она уходит, расправляя свои худенькие плечики. Этот жест пронзил ему сердце – ведь он был красноречивее любых слов.

Глава 32

Приближаясь к ступенькам дома, Скарлетт все еще сжимала в руке комок красной глины. Она нарочно не воспользовалась черным ходом, чтобы не попасться на глаза Мамушке: та своим орлиным оком наверняка разглядела бы, что случилось что-то неладное. Ей было не до разговоров и ни с кем не хотелось видеться: ни с Мамушкой, ни с другими обитателями дома. Она не ощущала ни стыда, ни разочарования, ни горечи, только слабость в коленях и огромную пустоту в душе. Сжимая глину так крепко, что та просочилась между пальцев, Скарлетт, как попугай, повторяла снова и снова:

– У меня все еще есть это. У меня все еще есть это.

Кроме красной земли, у нее не осталось ничего. Земля, которую всего несколько минут назад она была готова выбросить как рваный платок, теперь снова стала родной, и Скарлетт смутно пыталась понять, что за затмение овладело ею, раз она была готова так бездумно отказаться от земли. Уступи ей Эшли, она бы уехала с ним без оглядки, бросив семью и друзей, но даже сейчас, чувствуя себя опустошенной, она понимала, что ее сердце разорвалось бы от тоски по красным холмам, по длинным размытым овражкам, по высоким и тонким черным соснам. До самой смерти жаждала бы она увидеть их снова. Даже Эшли не смог бы восполнить душевную пустоту от потери Тары. Какой же все-таки Эшли умный и как хорошо он ее знает! Чтобы вернуть ей рассудок, он всего лишь вложил ей в руку комок глины.

Она уже была в холле и закрывала дверь, когда услышала цокот копыт и обернулась взглянуть на дорогу. В такой момент еще и гости – это уж слишком. Нужно поскорее закрыться у себя в комнате и сослаться на головную боль.

Когда экипаж подъехал ближе, Скарлетт остановилась в удивлении. Коляска была новая, сверкающая лаком, упряжь поблескивала латунными бляшками. Значит, это кто-то чужой. Ни у кого из ее знакомых не было денег на такой выезд.

Она стояла в дверях и смотрела, а холодный сквозняк тем временем трепал промокший подол вокруг ее озябших лодыжек. Вот коляска остановилась перед домом, и из нее вылез Джонас Уилкерсон. Скарлетт до того удивилась появлению бывшего управляющего, прикатившего в таком великолепном экипаже и разодетого в тонкое сукно, что сначала даже своим глазам не поверила. Уилл рассказывал ей, что бывший управляющий сильно разбогател, с тех пор как пошел работать в Бюро содействия свободным гражданам, причем деньги свои он заполучил обманом, надувая и негров, и правительство, конфискуя хлопок с плантаций и божась, что этот хлопок принадлежал, дескать, еще правительству Конфедерации. Ясно было одно: в столь тяжелые времена он, конечно, не смог бы заработать столько денег честным путем.

Вот он вылез из своей шикарной коляски и подал руку разряженной в пух и прах женщине. Скарлетт сразу же отметила вульгарную пестроту ее наряда и все же жадно впитывала взглядом детали туалета: ей так давно не приходилось видеть новых модных платьев! Что ж! Значит, кринолины в этом году уже не так широки, подумала она, изучая красное клетчатое платье. Оглядывая черную бархатную накидку, она отметила, что жакеты стали уж больно короткими! А какая смешная шляпка! Шляпки капором, видно, вышли из моды, раз на макушке у женщины пришпилена эта нелепая плоская штука, напоминавшая зачерстевший блин из красного бархата. И ленточки завязаны не под подбородком, как раньше, а сзади, под копной локонов, ниспадавших из-под шляпки, причем Скарлетт не могла не заметить, что эти локоны и цветом, и блеском, и пышностью явно отличаются от волос хозяйки.

Когда женщина вышла из коляски и повернулась к дому, что-то в ее густо напудренном кроличьем лице показалось Скарлетт знакомым.

– Да это же Эмми Слэттери! – изумленно воскликнула она вслух.

– Да, мэм, это я, – ответила Эмми, вскинув голову со льстивой улыбкой и направляясь к крыльцу.

Эмми Слэттери! Грязная, патлатая потаскушка, у которой Эллин крестила незаконно-рожденного ребенка; та самая Эмми, что заразила Эллин тифом и убила ее. И эта разодетая, как павлин, продажная девка, белая шваль, поднималась по ступеням Тары, нагло ослабившись, будто здесь ее родной дом! Скарлетт подумала об Эллин, и чувства разом вернулись – нахлынули волной и затопили ее опустошенную душу. Ее вдруг лихорадочно затрясло от мгновенно возникшего желания совершить убийство.

– Вон с этого крыльца, грязная девка! – закричала она. – Вон с этой земли! Вон отсюда!

У Эмми от неожиданности отвисла челюсть, она оглянулась на нахмурившегося Джонаса. Он был рассержен, но старался держаться с достоинством.

– Вы не должны разговаривать в таком тоне с моей женой.

– Женой? – переспросила Скарлетт и презрительно расхохоталась. – Наконец-то ты сделал ее своей женой! Давно пора! А кто же крестил твоих убожков, Эмми, после того как ты убила мою мать?

– Ох, – только и сказала Эмми. Она поспешно сбежала с крыльца и устремила к коляске, но Джонас остановил ее, грубо схватив за рукав.

– Мы приехали с визитом... с дружеским визитом, – проскрипел он. – Надо обсудить одно небольшое дельце со старыми друзьями...

– Друзьями? – Голос Скарлетт прозвучал как удар кнута. – Да разве мы когда-нибудь водили дружбу с такими, как ты? Слэттери жили за наш счет и оплатили тем, что убили мою мать... а ты... ты... папа уволил тебя, потому что ты обрюхатил Эмми, и тебе это отлично известно. Какие там друзья? Убирайся вон отсюда, пока я не позвала мистера Бентина и мистера Уилкса.

При этих словах Эмми вырвалась из рук мужа и забралась в коляску, мелькая блестящими лакированными сапожками с ярко-красной окантовкой и красными кисточками.

Теперь и Джонас затрясся от ярости, как сама Скарлетт; его землистое лицо побагровело, он стал похож на рассерженного индюка.

– Гляди-ка, какие мы важные да всемогущие! Что ж, мне про вас все известно. Уж я-то знаю, что вам нечего на ноги надеть. Знаю, что ваш отец из ума выжил...

– Убирайся вон!

– Ничего, вы у меня не так запоете. Ведь вы разорены. Вам и налоги-то заплатить нечем. Я приехал предложить сделку, я купил бы ваш дом за вполне приличную цену. Уж больно Эмми загорелось тут жить. А теперь я вам и цента не дам! Можете сколько хотите задирайте ваш гордый ирландский нос, вы у меня узнаете, кто здесь главный, когда ваше имущество с молотка пойдет. Я куплю это поместье со всеми потрохами, с мебелью и со всем на свете, и буду здесь жить.

Так вот кто хочет заполучить Тару – Джонас Уилкерсон! Джонас и Эмми решили таким кружным путем сквитаться за прошлые обиды, вселившись в дом хозяев, от которых они эти обиды терпели. Натянутые нервы Скарлетт вибрировали ненавистью, как в тот день, когда она приставила пистолет к бородатому лицу янки и выстрелила. Ей захотелось, чтобы тот пистолет снова оказался у нее в руках.

– Я разнесу этот дом камень за камнем, все сожгу и засею каждый акр земли солью, прежде чем твоя нога ступит на этот порог! – крикнула она. – Вон отсюда! Сейчас же!

Джонас бросил на нее взгляд, полный лютой злобы, начал было что-то говорить, но затем повернулся и направился к коляске. Усевшись рядом со своей всхлипывающей женой, он развернул лошадь. Скарлетт так и подмывало плюнуть им вслед. Она взяла и плюнула. О, она знала, что это глупая, вульгарная выходка, достойная истеричного ребенка, но на душе у нее сразу полегчало. Она даже пожалела, что не плюнула раньше, прямо у них на глазах.

Проклятые прислужники черномазых, они еще смеют приезжать сюда и насмехаться над ее бедностью! Этот прохвост и не собирался предлагать ей за Тару достойную цену. Он это придумал просто как предлог, чтобы приехать сюда и выставяться перед ней вместе со своей Эмми. Грязные прихлебатели, вшивые, дрянные белые оборванцы, еще и кичатся тем, что купят Тару!

Неожиданно гнев отступил, и ее охватил ужас. Боже милостивый! Они приедут и будут жить здесь! Она никак не сможет помешать им купить Тару, дать на торгах свою цену за каждое зеркало, столик, кровать, за приданое Эллин, за всю эту драгоценную мебель красного и розового дерева, бесконечно дорогую для нее, хотя и попорченную мародерами янки. И фамильное серебро Робийяров!

«Я этого не допущу, – гневно подумала Скарлетт. – Даже если мне придется сжечь этот дом! Нога Эмми Слэттери никогда не ступит на пол, по которому ходила мама!»

Скарлетт закрыла дверь и прислонилась к ней. Она была очень напугана. Хуже, чем в тот день, когда в ее дом пришла армия Шермана. Тогда она опасалась лишь того, что Тару сожгут у нее на глазах. Теперь все было куда страшнее: безродная шваль поселится в этом доме и будет хвастать перед своими друзьями – такой же безродной швалью, как они сбили спесь с гордецов О'Хара. Небось еще и негров в доме поселят, и те будут здесь есть и спать наравне с новыми господами. Уилл рассказывал, что Джонас из кожи вон лезет, чтобы всем показать, что он с неграми запанибрата: пищу делит, с визитами к ним ходит, катает их в своей коляске, обнимается на каждом шагу.

При мысли о том, что Тару ждет такой конец, у Скарлетт больно закололо сердце, ей даже стало трудно дышать. Она попыталась сосредоточиться, найти какой-то выход, но ярость и страх сотрясали ее, не давая собраться с мыслями. Должен же быть какой-то выход, должен быть кто-то, у кого можно занять денег. Деньги – не осенняя листва, они не могут просто высохнуть и улететь. У кого-то они непременно должны быть. И тут она вспомнила, как Эшли с горькой насмешкой сказал: «...мне приходилось слышать только об одном человеке, у которого водятся деньги. Это Ретт Батлер».

Ретт Батлер... Скарлетт поспешила в гостиную и, закрыв за собой дверь, оказалась в полумраке. За задернутыми портьерами угадывались зимние сумерки. Никто не догадается искать ее здесь, а ей нужно время подумать, чтобы никто не мешал. Пришедшая в голову мысль казалась настолько простой, что Скарлетт даже удивилась, как это она раньше до этого не додумалась.

«Я добуду денег у Ретта. Продам ему серьги с бриллиантами. Или займу у него, а серьги оставлю в залог, пока не смогу вернуть долг».

На миг она почувствовала облегчение и слабость во всем теле. Она заплатит налоги и рассмеется Джонасу Уилкерсону прямо в лицо. Но вслед за радостной мыслью пришла другая, куда более горькая и близкая к правде жизни.

«Налоги ведь придется платить не только в этом году. И на будущий год, и еще через год, и так до самой смерти. Если я заплачу в этот раз, на будущий год они поднимут налог еще выше и будут поднимать до тех пор, пока не выживут меня отсюда. Если уродится много хлопка, они обложат его такими налогами, что я останусь ни с чем, или же конфискуют его и заявят, что это хлопок Конфедерации. Янки и их прихлебатели загнали меня в угол. Всю свою жизнь я проживу в страхе, что меня на чем-то подловят. Всю жизнь дрожать от страха и трястись над каждым центом, надрываться и гнуть спину попусту, потому что меня все равно обманут, а хлопок отберут... Занять триста долларов и заплатить налог – это только оттянуть неизбежное. Мне нужно выбраться из этой ямы раз и навсегда, чтобы по ночам я могла спокойно спать и не думать о том, что случится со мной завтра, или через месяц, или через год».

В голове у нее словно работал часовой механизм, хладнокровно и последовательно развивая одну мысль. Она думала о Ретте, о его белозубой улыбке и смуглой коже, о полном сар-

казма взгляде ласкающих ее черных глаз. Она вспомнила жаркую ночь в Атланте, уже ближе к концу осады, когда он сидел на пороге дома тетушки Питти, полускрытый мраком летней ночи, и снова почувствовала тепло его руки на своей, когда он сказал: «Я хочу обладать вами – ни одной женщины я не желал так, как вас, и ни одной не ждал так долго».

«Я выйду за него замуж, – бесстрастно решила Скарлетт. – И мне уже никогда больше не придется думать о деньгах».

О благословенная мысль, мысль более сладкая, чем желание попасть в рай, – никогда, никогда больше не думать о деньгах и знать, что Тара в безопасности, а семья сыта и одета, что ей больше никогда не придется пробивать лбом стены!

Она показалась сама себе древней старухой. Происшествия этого дня измотали ее вконец: сначала ошеломляющая новость о дополнительном налоге, затем сцена с Эшли, а в довершение всего приступ кровожадного гнева, вызванный Джонасом Уилкерсоном. Да, Скарлетт стала совершенно безучастной. Если бы она еще была способна чувствовать, что-то глубоко у нее внутри непременно воспротивилось бы зарождающемуся плану: ведь она ненавидела Ретта больше всех на свете. Но она лишилась способности чувствовать, она могла только думать, и все ее мысли носили исключительно практический характер.

«Той ночью, когда он бросил нас на дороге, я наговорила ему кучу гадостей, но я заставлю его забыть об этом, – пренебрежительно подумала она, не сомневаясь в своем умении очаровывать. – Когда он будет рядом, прикинусь невинной овечкой. Заставлю его поверить, что я всегда его любила, а той ночью просто расстроилась и испугалась. Все мужчины такие тщеславные – чему угодно поверят, лишь бы им это льстило... Главное, он ничего не должен знать о моих стесненных обстоятельствах, пока я не заполучу его. Да, он не должен ничего знать! Стоит ему хотя бы заподозрить, как мы бедны, – сразу решит, что мне нужны только его деньги, а не он сам. Слава богу, он ничего не знает, да и откуда ему знать, ведь даже тетя Питти не знает всей правды. А как только я выйду за него замуж, тут уж ему придется помогать нам. Не допустит же он, чтобы родственники его жены голодали».

Его жены. Миссис Ретт Батлер. Спящее где-то глубоко под хладнокровным расчетом отвращение вдруг зашевелилось и снова затихло. Скарлетт вспомнила все неловкие и неприятные подробности своего короткого медового месяца с Чарльзом, его неумелые руки, его неуклюжесть, его восторги, которых она не разделяла... и Уэйда Хэмптона.

«Я не буду думать об этом сейчас. Вот выйду за него, тогда и посмотрим...»

Когда она за него выйдет... Память вернулась к ней. По спине пробежал холодок. Скарлетт снова вспомнила ту ночь на пороге у тетушки Питти, вспомнила, как спросила, просит ли он ее руки, а он в ответ гнусно рассмеялся и сказал: «Моя дорогая, я не создан для брака».

Допустим, он все еще так и думает. Допустим, несмотря на все ее очарование и уловки, он откажется жениться на ней. Допустим – о, какая страшная мысль! – допустим, он совершенно позабыл о ней и носится за чужой юбкой.

«Ни одной женщины я не желал так, как вас, и ни одной не ждал так долго».

Скарлетт сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

«Если он позабыл меня, я заставлю его вспомнить. Заставлю возжелать меня вновь».

И если он не захочет жениться, но все же захочет ее саму, то есть еще шанс получить деньги. Ведь однажды он уже предлагал ей стать его любовницей.

В сумраке гостиной в душе Скарлетт завязалась решительная и быстрая борьба с тремя главными опорами ее нравственной жизни: памятью об Эллин, религиозным воспитанием и любовью к Эшли. Она знала, что ее план ужаснул бы Эллин даже на теплых и далеких небесах, где она, несомненно, сейчас пребывает. Знала, что прелюбодеяние – смертный грех. И еще она знала, что, предавая свою любовь к Эшли, совершает двойной грех.

Но все эти соображения меркли перед холодной расчетливостью ее ума и движущим ею отчаянием. Эллин умерла, а смерть, вероятно, заставляет взглянуть на вещи иначе. Религия

запрещает прелюбодеяние под страхом вечных мук, но, если церковь полагает, что она, Скарлетт, упустит хоть малейшую возможность спасти Тару и избавить семью от голода, пусть об этом у самой церкви голова болит, а не у нее. По крайней мере, не сейчас. А Эшли... Эшли сам не захотел ее. Ну конечно же, он желал ее. Воспоминание о его теплых губах напомнило ей об этом. Но он никогда не сбежит с ней. Странно, мысль о побеге с Эшли не казалась ей грехом, а вот с Реттом...

В сумерках зимнего дня Скарлетт завершила долгий путь, начатый в ночь падения Атланты. Она ступила на него капризной, эгоистичной и неискушенной девочкой, юной и полной пылких чувств. Жизнь на каждом шагу ставила ее в тупик. Теперь, в конце пути, от прежней девочки не осталось ничего. Голод и тяжелый труд, страх и вечное напряжение, ужасы войны и ужасы Реконструкции отняли у нее все тепло и нежность юности. Ее душа очерствела и постепенно, слой за слоем, обросла прочным панцирем, который креп с каждым долгим месяцем.

До этого самого дня две надежды поддерживали ее. Она надеялась, что после войны жизнь понемногу вернется в прежнее русло. Надеялась, что с возвращением Эшли жизнь обретет смысл. Теперь обе надежды развеялись. Увидев Джонаса Уилкерсона на пороге Тары, она поняла, что для нее, да и для всего Юга, война не закончится никогда. Самые жестокие битвы, самые страшные кары еще впереди. А Эшли оказался вечным пленником слов, которые держат сильнее любой тюрьмы.

Надежда на мир рухнула, Эшли оставил ее, и все это случилось в один и тот же день, – как будто закрылась последняя трещина в панцире, затвердел последний слой. Она стала тем, от чего предостерегала бабуля Фонтейн, – женщиной, которая видела самое худшее и которой уже нечего бояться. Ни жизни, ни матери, ни утраты любви, ни общественного мнения. Только голод да кошмарные сны о голоде могли испугать ее.

Странное чувство облегчения, свободы наполнило ее сразу, как только она замкнула свое сердце перед всем, что связывало ее с прошлым и с прежней Скарлетт. Она приняла решение и, слава богу, ничего не испугалась. Терять ей нечего, все решено.

Вот только бы удалось заарканить Ретта в брачную петлю, и тогда все будет прекрасно. Но если не выйдет... что ж, деньги она все равно получит. Ее вдруг одолело какое-то отстраненное любопытство: что, собственно, требуется от любовницы? Будет ли Ретт настаивать, чтобы она жила в Атланте, где, по слухам, он содержал эту Уотлинг? Если он заставит ее остаться в Атланте, ему придется дорого за это заплатить – сколько потребуется, чтобы Тара не страдала от ее отсутствия. Скарлетт ничего не знала о скрытой стороне жизни мужчин и совершенно не представляла себе, какие последствия повлечет за собой подобного рода сделка. А вдруг у нее будет ребенок? Это было бы просто ужасно.

«Я не буду сейчас об этом думать. Я подумаю об этом после». И она отогнала непрошеную мысль подальше, чтобы та не могла повлиять на ее решимость. Этим вечером она скажет домашним, что отправляется в Атланту занять денег или, если понадобится, заложить землю. Им больше ничего не нужно знать до того злосчастного дня, когда правда сама выйдет наружу.

Готовая к действию, она вскинула голову и расправила плечи. Дело ей предстояло нелегкое, это она знала. Раньше Ретт искал ее милости, и ей дано было право решать. Теперь же ей придется просить, стало быть, диктовать свою волю будет он.

«Но я не поеду просить его об одолжении. Я буду держаться так, будто оказываю ему королевскую услугу. Он никогда не узнает правды».

Она подошла к высокому трюмо и с гордо поднятой головой осмотрела себя. Из потрескавшейся позолоченной рамы на нее смотрела незнакомка. Впечатление было такое, словно впервые за целый год Скарлетт увидела себя по-настоящему. Каждое утро смотрясь в зеркало, она проверяла, чисто ли умыто ее лицо, аккуратно ли уложены волосы, но все это время была слишком занята другими заботами и не могла разглядеть себя толком. И вот теперь эта незнакомка! Несомненно, эта тощая, с ввалившимися щеками женщина не имеет ничего общего со

Скарлетт О'Хара! У Скарлетт О'Хара хорошенькое, живое, кокетливое личико. А в этом лице, смотревшем на нее из зеркала, не было ни привлекательности, ни столь памятного ей бывшего очарования. Это было бледное, напряженное лицо, черные брови над миндалевидными зелеными глазами резко выделялись на белой коже и разлетались, как крылья испуганной птицы. А главное, было в этом лице что-то озлобленное и затравленное.

«Я так подурнела... мне ни за что его не заманить! – подумала Скарлетт в приливе отчаяния. – И я страшно исхудала. Господи, я слишком сильно исхудала!»

Она похлопала себя по щекам, с растущим в душе отчаянием ощупала выступающие под платьем ключицы. А грудь у нее стала такой маленькой! Почти как у Мелани. Придется нашивать на лиф рюши, чтобы грудь казалась больше. Вспомнить только, с каким презрением она раньше относилась к девицам, прибегавшим к подобным уловкам! Рюши! Тут Скарлетт задумалась о другом. В чем ей ехать? Она осмотрела свое платье, разглаживая складки латаной-перелатаной юбки. Ретту нравятся хорошо и модно одетые женщины. Она с тоской вспомнила зеленое в оборочках платье, которое надела сразу по окончании траура, и шляпку с зелеными перьями, подаренную ей Реттом, и все комплименты, что он потом ей наговорил. С ненавистью, к которой примешивалась и немалая доля зависти, вспомнила она наряд Эмми Слэттери: красное клетчатое платье, сапожки с красной окантовкой и кисточками и плоскую шляпку. Все это было вопиюще безвкусно, но зато ново и модно, а главное – броско. О как ей хотелось бросаться в глаза! Особенно в глаза Ретту Батлеру! Если он увидит ее в старом тряпье – сразу поймет, что в Таре дела плохи. А он ничего не должен знать.

До чего же глупо было думать, что стоит ей приехать в Атланту и явиться ему на глаза, как он тут же влюбится в нее! В эту нищенку с тощей шеей и взглядом голодной кошки! Если в расцвете своей красоты она так и не сумела заставить его сделать предложение, на что же ей рассчитывать сейчас, когда она стала уродиной, да еще и оборванкой? Если верить словам мисс Питти, то он сейчас самый богатый человек в Атланте, стало быть, все городские красавицы – и порядочные, и продажные – к его услугам, а ему остается только выбирать. «Что ж, – мрачно подумала Скарлетт, – зато у меня есть то, чего нет у всех этих красавиц: твердая решимость. Ах, если бы у меня было хотя бы одно приличное платье...»

Во всей Таре не осталось ни одного платья, не перелицованного по крайней мере дважды.

«Вот и весь разговор», – подумала Скарлетт, безутешно уставившись в пол. На полу лежал бархатный ковер Эллин, некогда темно-зеленый, цвета мха, а теперь обветшалый и потертый, местами порванный и весь в пятнах, оставленных множеством спавших на нем людей. Взглянув на ковер, Скарлетт ощутила еще более острый приступ тоски и отчаяния: ковер напомнил ей, что Тара так же износилась и обветшала, как и она сама. Вообще вся эта погруженная в полумрак комната нагоняла на нее тоску. Подойдя к окну, Скарлетт подняла задвижку и открыла ставни, впустив в гостиную последние лучи зимнего заката. Она прислонилась к бархатным портьерам и выглянула через унылый выгон на темные кедры, окружавшие семейное кладбище.

Бархатные портьеры, тоже цвета лесного мха, мягко кололи ей щеку, и Скарлетт с наслаждением потерлась о них лицом, как котенок. И вдруг, отстранившись, пристально посмотрела на них.

В следующую минуту она уже волокла через всю комнату тяжелый стол с мраморной крышкой. Его заржавевшие колесики жалобно скрипели. Скарлетт подкатила стол к окну, подобрала юбки, забралась на него и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до тяжелого карниза. Достать никак не удавалось, и она принялась с таким нетерпением дергать портьеру, что крепления выскочили из стены, и все вместе – и карниз, и портьеры – с грохотом рухнуло на пол.

Дверь гостиной распахнулась как по волшебству, и на пороге появилась Мамушка. Ее широкое черное лицо светилось любопытством, а в каждой морщинке затаилось глубочайшее

подозрение. Она неодобрительно посмотрела на Скарлетт, балансирующую на столе с задранными выше колен юбками, готовую прыгнуть на пол. Лицо Скарлетт так сияло возбуждением и торжеством, что Мамушка сразу заподозрила неладное.

– И что это вы удумали делать с портьерами мисс Эллин? – грозно потребовала она.

– А ты зачем под дверями подслушиваешь? – проворно спрыгивая со стола и подбирая с пола тяжелый пыльный бархат, ответила Скарлетт.

– Больно надо, – возразила Мамушка, приготовившись к бою. – Нечего вам трогать портьеры мисс Эллин! Что это вы вздумали выдергивать их из стены и возюкать по полу в пыли? Мисс Эллин их пуще глаза берегла, и я вам не дам вот так их изгваздать!

Скарлетт устремила на свою старую няньку лихорадочно горящий от возбуждения взгляд зеленых глаз, и этот взгляд непослушной маленькой девочки напомнил Мамушке старые добрые времена, по которым она часто вздыхала.

– Мамушка, а ну-ка живо марш на чердак, принеси мне коробку с выкройками! – закричала Скарлетт, слегка подталкивая старую негритянку. – У меня будет новое платье.

Мамушка разрывалась между негодованием при мысли о том, что ей с ее двухсотфунтовым весом придется лезть на чердак, и растущим в душе страшным подозрением. Она выхватила портьеру из рук Скарлетт и прижала ее, будто священную хоругвь, к своей необъятной отвислой груди.

– Уж не из портьер ли мисс Эллин вы собираетесь шить себе платье? Так вот, не бывать этому, пока я жива!

На лице молодой хозяйки промелькнуло хорошо знакомое Мамушке выражение ослиного упрямства, тут же сменившееся улыбкой, сопротивляться которой она была не в силах. Но и обмануть старую женщину эта улыбка тоже не могла. Мамушка отлично знала, что мисс Скарлетт всякий раз использует эту улыбку, когда хочет обмануть ее, и твердо решила, что уж на этот раз не даст обвести себя вокруг пальца.

– Мамушка, не будь такой жадной. Я собираюсь в Атланту, чтобы занять денег, и мне нужно новое платье.

– И вовсе вам не надо никаких новых платьев. У других леди тоже нет новых платьев. Все носят старые и гордятся этим. Дочка мисс Эллин может и в обносках ходить, все одно ее все будут уважать, как если бы она ходила в шелках.

Выражение ослиного упрямства вернулось на лицо Скарлетт. «Господи боже, вот смешно: с годами мисс Скарлетт все больше походит на мистера Джералда и все меньше на мисс Эллин», – подумала Мамушка.

– Нет, Мамушка, ты же знаешь, тетя Питти писала нам, что в эту субботу Фанни Элсинг выходит замуж, и я, конечно же, отправлюсь на свадьбу. Мне понадобится новое платье.

– То платье, что на вас надето, будет ничем не хуже, чем у самой мисс Фанни. Тетя Питти писала, что Элсинги совсем обеднели.

– Но мне обязательно нужно новое платье! Мамушка, ты даже не понимаешь, как сильно нам нужны деньги. Налоги...

– Да знаю я все про налоги, но...

– Знаешь?

– Да, мэм, Господь Бог наделил меня ушами, отчего ж бы им не слышать? А мистер Уилл все одно двери никогда не закрывает.

«Есть на свете хоть одна новость, которую Мамушка не умудрилась бы подслушать? – удивилась про себя Скарлетт. – И как эта слоновья туша, сотрясающая пол при каждом шаге, ухитряется подкрадываться, как пума, когда хочет подслушать, о чем говорят хозяева?»

– Ну, раз ты все слышала, значит, знаешь, что Джонас Уилкерсон и Эмми...

– Да, мэм, – кивнула Мамушка, грозно сверкнув глазами.

– Вот и не упирайся, как мул, Мамушка. Разве ты не видишь: мне нужно отправиться в Атланту и найти деньги для налогов. Я должна раздобыть денег. И я их добуду! – Она ударила кулачками друг о друга. – Ради всего святого, Мамушка, они выкинут нас на улицу, и куда мы пойдем? И ты собираешься спорить со мной о такой мелочи, как мамины портьеры, когда эта дрянь Эмми Слэттери, которая убила маму, спит и видит, как бы переехать в наш дом и занять мамину спальню?

Мамушка беспокойно переминалась с ноги на ногу, как потревоженный слон. В душе у нее зрела смутная догадка, что ее все же обвели вокруг пальца.

– Нет, мэм, я совсем не хочу, чтобы эта белая шваль жила здесь или чтобы нас выбросили на улицу, но... – Неожиданно она бросила на Скарлетт прокурорский взгляд. – Это у кого ж вы хотите денег просить, что вам понадобилось новое платье?

– Это уж мое дело, – ответила застигнутая врасплох Скарлетт.

Мамушка уставилась на нее пронизывающим взглядом, как в детстве, когда маленькая Скарлетт выдумывала правдоподобные оправдания своим проступкам. Мамушка как будто читала ее мысли, и Скарлетт невольно опустила глаза, ощутив в душе первые признаки раскаяния.

– И что ж вы думаете, новый наряд поможет вам денег занять? Нет, тут что-то не так. Да еще сказать не хотите, у кого денег просить будете.

– Ничего я тебе не скажу, – возмутилась Скарлетт, – это мое личное дело. Ну что, ты отдашь мне эту портьеру и поможешь сшить платье?

– Да, мэм, – тихо ответила Мамушка, причем ее внезапная капитуляция показалась Скарлетт очень подозрительной. – Уж так и быть, помогу вам его сшить. Думаю, из атласной подкладки с портьер выйдет хорошая нижняя юбка, да еще и панталоны с оборками.

Она с лукавой улыбкой вернула Скарлетт бархатную портьеру.

– А мисс Мелли поедет в Ланту вместе с вами, мисс Скарлетт?

– Нет, – решительно отрезала Скарлетт, уже догадываясь, к чему клонит Мамушка, – я отправлюсь туда одна.

– Это вы так думаете, – последовал непреклонный ответ. – Я поеду с вами и уж я погляжу, куда это вы направляетесь в этом новом платье. Я от вас ни на шаг не отстану.

На секунду Скарлетт представила себе поездку в Атланту и разговор с Реттом в присутствии Мамушки, свирепой дуэньи, следующей за ней по пятам, как громадный черный пес-волкодав. Она снова улыбнулась и взяла Мамушку за руку.

– Мамушка, дорогая, как это мило, что ты готова поехать со мной и помогать мне, но ты только представь себе: как же наши тут, в Таре, без тебя обойдутся? Кто у нас тут всем хозяйством заправляет? Конечно, ты!

– Ха, – фыркнула Мамушка. – Вы мне зубы-то не заговаривайте, мисс Скарлетт. Я ж вас знаю еще с пеленок. Сказала, что еду с вами в Ланту, значит, так будет. Да мисс Эллин в гробу перевернется, как увидит вас одну в этом городе, где полным-полно янки, да вольных негров, да еще всяких негодяев.

– Но ведь я остановлюсь у тетушки Питтипэт, – в отчаянии возразила Скарлетт.

– Мисс Питти чудесная женщина, и уж она-то думает, будто все видит и знает, да только это не так, – отрезала Мамушка и, всем своим королевским видом показав, что разговор окончен, повернулась и вышла в коридор. От ее крика задрожали стены: – Присси, детка! Слетай наверх и принеси с чердака коробку с выкройками для мисс Скарлетт, да найди еще ножницы, да поживее, а то всю ночь провозишься.

«Хорошенькое дельце, – с досадой подумала Скарлетт. – Уж лучше бы и впрямь взять с собой волкодава».

Прибрав после ужина, Скарлетт и Мамушка разложили выкройки на обеденном столе, пока Сюлин и Кэррин деловито отпарывали с портьер атласную подкладку, а Мелани щет-

кой для волос чистила бархат от пыли. Джералд, Уилл и Эшли устроились в той же комнате и курили, с улыбкой наблюдая женскую возню. Чувство радостного волнения, которое, казалось, излучала Скарлетт, заразило их всех, хотя никто не мог понять, в чем тут дело. Лицо Скарлетт раздвинулось, глаза сверкали лихорадочным блеском, она смеялась без остановки. Радовались все: ведь уже столько месяцев кряду никто не слышал ее звонкого смеха. Больше всех радовался Джералд. Его взгляд слегка прояснился, пока он следил за порхающей по комнате Скарлетт. Всякий раз, как она проходила мимо, он одобрительно похлопывал ее по боку. Девушки так разволновались, словно их пригласили на бал и это для себя они сейчас отпарывали, вырезали и сметывали новое платье.

Скарлетт собиралась в Атланту, чтобы занять денег или заложить Тару, если придется. Подумаешь, что такое залог? Скарлетт сказала, что, когда срок придет, они с легкостью выкупят Тару обратно за счет будущего урожая, даже еще деньги останутся. Она говорила об этом с такой уверенностью, что ни у кого даже сомнений не закралось. А на вопрос, у кого она собирается занять денег, Скарлетт ответила: «Кто будет много знать – скоро состарится», – да так игриво, что все засмеялись и принялись поддразнивать ее дружком-миллионером.

– Должно быть, это капитан Ретт Батлер, – шутя предположила Мелани, и это нелепое предположение вызвало у всех новый дружный приступ хохота: всем было известно, что Скарлетт его ненавидит и отзывается о нем исключительно как об «этом подлеце Ретте Батлере».

Только сама Скарлетт не поддержала шутки, а Эшли оборвал смех, заметив настороженный взгляд Мамушки, брошенный на Скарлетт.

Захваченная духом праздничного веселья, Сьюлин расщедрилась и принесла свой ирландский кружевной воротничок, уже немного поношенный, но все еще хорошенький, а Кэррин настояла, чтобы в Атланту Скарлетт надела ее туфли: это была лучшая пара во всей Таре. Мелани попросила Мамушку оставить бархатные обрезки на обшивку обветшалой шляпки. И все снова расхохотались, когда она сказала, что если старый петух сейчас же не сбежит на болото, то скоро расстанется со своим роскошным черно-зеленым хвостом с бронзовым отливом.

Наблюдая за порхающими пальцами, Скарлетт слушала смех и смотрела на всех с затаенной горечью и презрением.

«Они понятия не имеют, что на самом деле происходит со мной, с ними, со всем Югом. Несмотря ни на что, они все еще думают, что ничего страшного с ними случиться не может, потому что они О'Хара, Уилксы и Гамильтоны. Даже негры чувствуют себя спокойно. Какие же они все дураки! До них никогда не дойдет, что происходит! Они так и будут жить и думать, как жили и думали всегда, и ничто их не изменит. Мелли может ходить в рванине, собирать хлопок и даже помогать мне в убийстве, но ничто ее не изменит! Она так и останется тихой, благовоспитанной миссис Уилкс, безупречной леди! А Эшли? Он видел смерть и войну, был ранен и сидел в тюрьме, вернулся к дому, превращенному в груды развалин, и все равно остался прежним джентльменом, владельцем поместья Двенадцать Дубов. Вот Уилл не такой. Он знает, что происходит на самом деле, но ведь ему, по сути, и терять-то нечего. А что до Сьюлин и Кэррин, они думают, что все это временно. Они не меняются вместе с миром, потому что думают, что скоро все станет прежним. Они думают, что Бог сотворит чудо специально ради них. Но Бог не станет ради них стараться. Вот если мне удастся охмурить Ретта Батлера, это и впрямь будет чудо. А они не изменятся. Может быть, они просто не могут измениться. Только я изменилась, но, будь это в моих силах, я бы тоже осталась прежней».

Наконец Мамушка выгнала мужчин из столовой и закрыла за ними дверь: настало время примерки. Порк помог Джералду подняться в спальню, а Эшли и Уилл при свете лампы остались сидеть в парадном холле. Какое-то время они молчали, Уилл невозмутимо жевал табак. Только в его обычно кротком лице не было привычной невозмутимости.

– Не нравится мне эта поездка в Атланту, – признался он наконец. – Ой как не нравится.

Эшли бросил взгляд на Уилла и молча отвернулся, а про себя подумал: неужели Уилла терзают те же страшные подозрения, что и его самого? Нет, это невозможно. Уилл понятия не имел о том, что произошло днем в саду, о том, что довело ее до отчаяния. Уилл не видел, как изменилось лицо Мамушки при упоминании о Ретте Батлере, а главное, Уилл ничего не знал о деньгах Ретты и его скверной репутации. По крайней мере, Эшли думал, что Уилл ничего не знает, хотя после возвращения в Тару не раз имел случай убедиться, что Уиллу, как и Мамушке, не нужно ничего объяснять, что ход событий он чувствует заранее. В воздухе витало что-то зловещее, Эшли не знал, что именно, но был бессилён уберечь Скарлетт от беды. За весь вечер она ни разу не посмотрела ему в глаза, а вся ее лихорадочная веселость только пугала его. Его раздирали такие жуткие подозрения, что и подумать было страшно, но он не имел права оскорбить ее прямым вопросом, так что оставалось только терзаться догадками. Он сжал кулаки. У него вообще нет никаких прав на нее, сегодня он утратил их раз и навсегда. Он ничем не может ей помочь. И никто не может. Но, вспомнив о том, с какой угрюмой решимостью Мамушка резала бархатные портьеры, Эшли немного приободрился: уж Мамушка позаботится о Скарлетт даже против ее воли.

«Это все из-за меня, – подумал он в отчаянии. – Это я довел ее до этого».

Он вспомнил, как днем, уходя от него, она распрямила плечи, как упрямо вскинула голову. Его сердце рвалось к ней, терзаемое беспомощностью и восхищением. Он знал, что в ее словаре нет такого слова, как «доблесть», знал, что она будет смотреть на него в недоумении, скажи он ей, что в душе у нее больше доблести, чем у кого бы то ни было на всем белом свете. Он знал, что она не поймет, как много доблести он видит в ее действиях. Он знал, что она смотрит на жизнь без иллюзий, что своим закаленным в сражениях с невзгодами умом находит выход из любого положения, что, вступив в борьбу, преодолевает все препятствия с неслышанным упорством, не признающим поражения, даже когда поражение неизбежно.

За четыре года Эшли повидал немало людей, которые отказывались принимать поражение и весело стремились навстречу верной гибели просто потому, что ими двигала доблесть. И все они терпели поражение.

Сидя в затемненном холле и глядя на Уилла, Эшли думал, что за всю свою жизнь не знал более высокой доблести, чем та, что толкала Скарлетт О'Хара на покорение мира в доспехах из бархатных портьер ее матери и в шлеме, увенчанном петушиным пером.

Глава 33

Когда на следующий день Скарлетт и Мамушка сошли с поезда, в Атланте дул холодный ветер, а над головой проносились синевато-серые облака. После пожара вокзал так и не восстановили, и они высадились посреди золы и грязи, покрывавших закопченные руины. По привычке Скарлетт искала глазами дядюшку Питера и коляску тети Питти – ведь во время войны они всегда встречали ее по приезде из Тары! – но тут же спохватилась, фыркнув на свою рассеянность. Разумеется, Питера здесь нет: она ведь не сообщила тетушке Питти о своем приезде; более того, она припомнила, как в одном из писем тетушка в слезах жаловалась на смерть старой лошади, которую Питер раздобыл в Мейконе, чтобы привезти ее обратно в Атланту после капитуляции.

Она осмотрела изрезанную бороздами и рытвинами вокзальную площадь в поисках экипажа кого-нибудь из старых друзей или знакомых, кто мог бы подвезти ее до дома тетушки Питти, но ничего не нашла. Если тетя Питти писала правду, то, вероятно, ни у кого из ее прежних знакомых коляски нынче не было. Времена настали такие тяжелые, что трудно было прокормить и разместить людей, не говоря уже о животных. Большинство друзей тети Питти, как и она сама, теперь ходили пешком.

Возле товарных вагонов стояли под погрузкой подводы, на вокзальной площади ждали кого-то заляпанные грязью двуколки с подозрительного вида возницами. Она увидела всего два приличных экипажа: закрытую карету и коляску, в которой сидели хорошо одетая женщина и офицер-янки. При виде мундира Скарлетт резко втянула ноздрями воздух. Хоть Питти и писала, что в Атланте размещен гарнизон и на улицах полно солдат, ей стало страшно при первой же встрече с синим мундиром. С трудом верилось, что война окончена и этот человек не погонится за ней, не станет грабить и унижать ее.

Почти полное отсутствие людей на вокзале напомнило ей утро 1862 года, когда она, молодая вдова, едва не сходя с ума от скуки, приехала в Атланту, вся затянутая в траурный креп. Скарлетт вспомнила толпы людей вокруг вагонов, коляски и санитарные повозки, возмущенные крики и ругань кучеров, радостные приветствия друзей. Она с тоской вздохнула, вспоминая веселое возбуждение, владевшее всеми в первые дни войны, и тут же испустила еще один горестный вздох, сообразив, что всю дорогу до дома тетушки Питти придется идти пешком. И все-таки Скарлетт еще надеялась, что, оказавшись на Персиковой улице, встретит кого-нибудь из знакомых и они ее непременно подвезут.

Пока она озиралась, подъехал закрытый экипаж, и среднего возраста светлокожий негр, наклонившись, спросил:

– Карету, леди? За четвертак – в любое место Атланты.

Мамушка бросила на него уничтожающий взгляд.

– Наемная пролетка! – пробормотала она. – Ты хоть знаешь, черномазый, кто мы такие?

Мамушка была из деревенских негров, но хорошо знала, что порядочная женщина не ездит в наемных экипажах, особенно в закрытых, если ее не сопровождает мужчина-родственник. Даже присутствия негритянской служанки было недостаточно для соблюдения приличий. Она гневно перехватила страждущий взгляд Скарлетт, устремленный на пролетку.

– Отойдите отсюда, мисс Скарлетт! Наемная пролетка, да еще и вольный негр! Это не для нас.

– А я не вольный, – горячо запротестовал возница, – я служу старой мисс Тэлбот, и это ее карета, а я зарабатываю нам на жизнь.

– Что еще за мисс Тэлбот?

– Мисс Сюзанна Тэлбот из Милледжвилла. Как старого хозяина убили, мы сюда переехали.

– Мисс Скарлетт, вы знаете ее?

– Нет, – печально вздохнула Скарлетт, – в Милледжвилле я почти никого не знаю.

– Тогда идем, – безжалостно отрезала Мамушка. – Проваливай, черномазый.

Она взяла саквояж с новым бархатным платьем Скарлетт, шляпкой и ночной рубашкой, сунула аккуратный узел со своими собственными пожитками под мышку и повела Скарлетт через покрытую золой и сажей площадь. Скарлетт куда охотнее предпочла бы поездку в наемном экипаже, но решила не спорить с Мамушкой. С той самой минуты, когда вчера Мамушка застала ее с бархатными портьерами, глаза старой негритянки светились подозрением, и это совсем не нравилось Скарлетт. Ей еще предстояло сбежать из-под опеки Мамушки, а это было не так-то просто, и Скарлетт предпочла не ссориться со старухой раньше времени, не будить в ней воинственный дух.

Пока они шли по узкому тротуару к Персиковой улице, Скарлетт ощутила растерянность и боль: разоренная Атланта выглядела совсем не так, как ей запомнилось. Они миновали то, что когда-то было гостиницей «Атланта»: здесь раньше останавливались Ретт и дядюшка Генри. От изысканной первоклассной гостиницы остался лишь остов – полуразрушенные черные стены. Склады, некогда тянувшиеся на четверть мили вдоль железнодорожных путей и хранившие тонны военных запасов, не были отремонтированы, под темным небом уныло зияли их прямоугольные основания. Железнодорожные пути, не прикрытые складскими стенами и разрушенным до фундамента зданием вагонного депо, казались голыми и беззащитными. Где-то среди этих руин, неотличимые от других, лежали останки того склада, что достался ей от Чарльза. В прошлом году дядя Генри оплатил за нее все налоги. Когда-нибудь нужно будет вернуть ему этот долг. Еще одной заботой больше.

Завернув за угол на Персиковую улицу, Скарлетт машинально принялась отыскивать взглядом Пять Углов и вскрикнула от ужаса. Хотя Фрэнк предупреждал ее, что город сожжен дотла, столь полного разрушения она представить себе не могла. В ее памяти любимый город оставался застроенным плотно прилегающими друг к другу зданиями и красивыми особняками. Представшая перед ней Персиковая улица оказалась начисто лишена каких-либо достопримечательностей и выглядела такой незнакомой, будто Скарлетт никогда раньше в глаза ее не видела. По этой грязной улице она во время войны проезжала сотни раз, по этой улице летела сломя голову, подгоняемая страхом, во время осады, уклоняясь от рвущихся вокруг снарядов, а теперь эта улица, которую она в последний раз видела в лихорадочной спешке и панике в день отступления, выглядела такой чужой, что Скарлетт чуть не заплакала.

За последний год, после того как армия Шермана покинула горящий город и вернулись конфедераты, в Атланте выросло много новых зданий, но у Пяти Углов все еще зияли провалы, посреди мусора и зарослей бурьяна высились груды закопченных кирпичных обломков. Кое-что осталось и от знакомых зданий: кирпичные стены без крыш, через которые падал слабый дневной свет, пустые окна без стекол, одиноко торчащие печные трубы. Тут ее глаз выхватил среди покрытых гарью старых стен знакомую торговую лавку, частично уцелевшую во время пожара и теперь отремонтированную, сияющую новеньким красным кирпичом. Попадались и другие новые фасады, Скарлетт с радостью прочитывала на вывесках магазинов и контор знакомые имена, хотя незнакомых было больше: дюжины табличек зазывали клиентов к предлагавшим свои услуги незнакомым докторам, адвокатам и торговцам хлопком. Когда-то она знала почти всех в Атланте, и такое множество незнакомых имен нагнало на нее тоску. Зато она порадовалась при виде новых зданий, поднимающихся по всей улице.

Их было много, некоторые даже в три этажа! Строительство шло повсюду. Оглядывая улицу, пытаясь приспособиться к новой Атланте, Скарлетт услышала жизнерадостный стук молотков и жужжание пил, заметила поднимающиеся строительные леса и взбирающихся по ним рабочих с грузом кирпичей на плечах. Она смотрела на горячо любимую улицу, и ее глаза увлажнились.

«Они сожгли тебя, – подумала она, – сровняли тебя с землей. Но они не сломили тебя. Не смогли сломить. Ты возродишься и будешь такой же большой и красивой, как раньше!»

Проходя по Персиковой улице под конвоем ковылявшей вперевалку следом за ней Мамушки, Скарлетт заметила, что народу на тротуарах ничуть не убавилось по сравнению с военным временем. В восстающем из пепла городе по-прежнему кипела жизнь, в воздухе ощущались те же суeta и суматоха, что когда-то, в первый ее приезд к тетушке Питти, пробудили песню в ее крови. Вокруг, казалось, было ничуть не меньше утопающих в уличной грязи экипажей, не хватало разве что санитарных повозок конфедератов, а под навесами у торговых лавок было привязано к стойкам множество лошадей и мулов. Но хотя тротуары кишели людьми, все лица были незнакомыми, как и вывески над головой. Среди этих новых людей попадались грубоватого вида мужчины и кричаще одетые женщины, то и дело взгляд натывался на черные лица шатающихся без дела негров. Они подпирали стены или сидели на обочинах, глаза на проезжающие экипажи с наивным любопытством детей на цирковом представлении.

– Вольные деревенские черномазые, – фыркнула Мамушка. – Ни разу в жизни настоящего экипажа не видели. А рожи все равно нахальные.

Рожи у них и в самом деле были нахальные, мысленно согласилась Скарлетт, заметив, как нагло они пялятся на нее, но тотчас же позабыла о неграх, как только увидела вновь синие мундиры. Город был наводнен солдатами-янки: конными, пешими, в армейских фургонах, болтающимися по улицам, выползающими из баров.

«Я никогда не привыкну к ним, – сжимая кулаки, подумала Скарлетт. – Никогда!»

– Поспеши, Мамушка, давай-ка выберемся из этой толпы, – бросила она через плечо.

– Угу, вот только уберу с дороги этот черный мусор, – громко ответила Мамушка и так замахнулась саквояжем на черного парня, путавшегося у нее под ногами, что он отпрыгнул в сторону. – Не нравится мне этот город, мисс Скарлетт. Уж больно тут много янки и вольной шантапы.

– Конечно, надо выбраться из толпы. Вот пройдем Пять Углов, сразу легче станет.

Они продолжили путь по скользким камням, проложенным в грязи на манер мостика, чтобы можно было пересечь Декейтерскую улицу, и сквозь редкую толпу направились дальше по Персиковой улице. Добравшись до часовни Уэсли, у которой она остановилась перевести дух в тот день в 1864 году, когда бежала за доктором Мидом, Скарлетт посмотрела на нее и рассмеялась вслух коротким и мрачным смешком. Мамушка покосилась на свою подопечную с подозрением, но на сей раз ее любопытство осталось неудовлетворенным. Скарлетт с презрением вспоминала охвативший ее в тот день ужас. В тот день она вся тряслась, она просто погибала от разедавшего ее изнутри ужаса перед наступлением янки, перед предстоящим рождением Бо. Теперь же ей самой не верилось, что она могла тогда так испугаться... словно малый ребенок, боящийся грозы. И как же она была наивна, полагая, что самое страшное в ее жизни – это янки, пожар и военный разгром. Как все это ничтожно в сравнении со смертью Эллина и помешательством Джералда, в сравнении с голодом, холодом и изнурительной работой, в сравнении с жизнью в постоянном страхе перед тем, что ждет ее завтра. Теперь она понимала, как легко быть храброй перед армией завоевателей и как тяжело смотреть в глаза опасности, угрожающей Таре! Нет, она больше никогда не будет ничего бояться... ничего, кроме бедности.

На Персиковой улице появилась закрытая карета, и Скарлетт подошла к обочине в надежде увидеть кого-то из знакомых: до дома тетушки Питти нужно было добираться еще несколько кварталов. Вот карета поравнялась с ними, Скарлетт и Мамушка подались вперед, и Скарлетт, с улыбкой наготове, чуть не окликнула кучера, когда в окошке мелькнула женская голова – неправдоподобно яркие рыжие волосы под роскошной меховой шляпой. Скарлетт отпрянула назад, на лицах обеих женщин промелькнуло взаимное узнавание. Красотка Уотлинг. Скарлетт мельком увидела раздувшиеся от неприязни ноздри, прежде чем женщина скрылась из глаз. Странно, что Красотка оказалась первым знакомым ей лицом в Атланте.

– Кто это? – подозрительно спросила Мамушка. – Она узнала вас, а не поклонилась. В жизни не видела таких волос. Даже у Тарлтонов. Похоже... вот с места не сойти, они крашенные!

– Так и есть, – подтвердила Скарлетт и ускорила шаг.

– А вы знаете эту крашеную? Я же спросила, кто она.

– Это здешняя падшая женщина, – кратко пояснила Скарлетт, – и я клянусь тебе, что не знаю ее, так что помолчи.

– Боже правый! – охнула Мамушка. Разинув рот, она провожала экипаж взглядом, полным жадного любопытства. С тех пор как Эллин увезла ее из Саванны больше двадцати лет назад, она ни разу не видела настоящей падшей женщины и теперь сильно жалела, что не удалось разглядеть Красотку получше. – Одета прямо как картинка, и экипаж у нее справный, и свой кучер есть, – пробормотала она. – И куда только Бог смотрит, когда такие, как она, как сыр в масле катаются, а мы, честные люди, ходим босые да голодные.

– Бог давным-давно уже забыл думать о нас, – свирепо отрезала Скарлетт. – И не смей мне говорить, что мама в гробу переворачивается, слыша такие речи.

Она хотела чувствовать себя выше и лучше Красотки Уотлинг, но не могла. Если ее план удастся, она может оказаться на равных с Уотлинг, да притом на содержании у одного и того же мужчины. Скарлетт ни минуты не сомневалась в своем решении, но, увидев все в истинном свете, несколько пала духом. «Я не буду думать об этом сейчас», – сказала она себе и ускорила шаг.

Они миновали участок, где раньше стоял дом Мидов: от него остались лишь пара одиноких ступенек и дорожка, ведущая в никуда. На месте дома Уайтингов была лишь голая земля. Не было ни каменного фундамента, ни кирпичных труб, только глубокие колеи остались там, где их волокли по земле. Кирпичный дом Элсингов уцелел, к нему пристроили новый второй этаж и новую крышу. Дом Боннеллов, кое-как заделанный, покрытый грубо сколоченными досками вместо черепицы, все-таки выглядел жилым. Но ни в одном из этих домов Скарлетт не увидела ни лица в окне, ни знакомой фигуры на крыльце и была даже рада этому. Сейчас ей не хотелось ни с кем говорить.

Но вот вдали показались краснокирпичные стены дома тетушки Питти под новенькой, крытой шифером крышей, и сердце Скарлетт забилося от волнения. Господь Бог так добр, Он сохранил этот дом, не дал разрушить его до основания! Со двора вышел дядюшка Питер, держа под мышкой корзину для покупок. При виде устало бредущих Скарлетт и Мамушки его широкое черное лицо расплылось в полной изумления улыбке.

«Как я рада видеть этого черного дурака, прямо расцеловать его готова», – радостно подумала Скарлетт и крикнула:

– Беги неси тетину «обморочную бутылочку», Питер! Это и вправду я!

В тот вечер за ужином на столе у тетушки Питти подавали неизбежную мамалыгу с сушеными бобами. Поедая их, Скарлетт поклялась, что, как только обзаведется деньгами, эти два блюда никогда больше не появятся у нее на столе. И неважно, какой ценой, но она твердо вознамерилась добыть деньги, причем гораздо больше, чем потребуется для налогов за Тару. Когда-нибудь у нее будет очень много денег, даже если для этого ей придется кого-нибудь убить.

Сидя в столовой, освещенной желтым светом лампы, Скарлетт поинтересовалась финансовым состоянием тети Питти в безумной и беспочвенной надежде, что семья Чарльза сможет одолжить ей требуемую сумму. Выспрашивала она напрямик, не выбирая выражений, но тетя Питти так обрадовалась возможности поболтать с родственницей, что даже не замечала настырной откровенности вопросов. Обливаясь слезами, старушка принялась в мельчайших подробностях описывать все свалившиеся на нее несчастья. Она толком не знала, что стало с ее фермами, городской собственностью и с деньгами, но все это пропало. По крайней мере, так говорил ее брат Генри. Он не смог заплатить налоги за ее имущество. У нее ничего не осталось, кроме этого дома, а тетушка Питти ни на минуту не забывала, что дом принадлежит

не ей, а Мелани и Скарлетт. Братец Генри с трудом находил деньги для уплаты налогов за него. Каждый месяц он выдавал ей немного денег на проживание, и, хотя это было унижительно, ей приходилось брать у него деньги за неимением другого выхода.

– Братец Генри говорит, что просто не знает, как сводить концы с концами при таких расходах и высоких налогах, но, конечно же, он, скорее всего, лжет, и денег у него полно, просто мне он больше не даст.

Скарлетт знала, что дядя Генри не лжет. Несколько полученных от него писем, где говорилось об имуществе Чарльза, были тому подтверждением. Старый адвокат героическими усилиями старался сохранить дом и участок в центре города, единственный предмет недвижимости там, где раньше были склады, чтобы у Скарлетт и Уэйда осталось хоть что-то после разрухи. Скарлетт знала, что он идет на большие жертвы, уплачивая за нее налоги.

«У него, конечно, нет никаких денег, – мрачно подумала Скарлетт. – Что ж, вычеркнем его и тетю Питти из списка. Остается только Ретт. Мне придется это сделать. Я должна это сделать. Но я не буду думать об этом сейчас... Нужно перевести разговор на Ретта, а потом этак невзначай спросить, нельзя ли завтра пригласить его в дом».

Она улыбнулась и сжала в ладонях пухлые ручки тети Питти.

– Дорогая тетушка, – начала Скарлетт, – давайте не будем говорить о столь тягостном предмете, как деньги. Давайте забудем об этом и поговорим о чем-нибудь приятном. Вы непременно должны мне рассказать все новости о наших старых друзьях. Как поживает миссис Мерриуэзер, как Мейбелл? Я слышала, ее маленький креол вернулся целым и невредимым? Как Элсинги, как доктор Мид? Миссис Мид?

Питтипэт оживилась, и ее детское личико перестало дрожать от слез. В мельчайших подробностях она изложила все, что ей было известно о соседях: чем занимаются, что надевают, что едят и даже о чем думают. С нотками ужаса в голосе она поведала, что до возвращения Рене Пикара с войны миссис Мерриуэзер и Мейбелл перебивались тем, что пекли пироги и продавали их солдатам-янки. Только представьте себе! Бывали дни, когда на заднем дворе у них десятками толпились в очереди янки, ожидая свежее испеченных пирогов. Вернувшись с войны, Рене стал каждый день вывозить старый фургон в лагерь янки и продавать солдатам пироги, пирожные и бисквитное печенье. Миссис Мерриуэзер сказала, что, как только они заработают еще немного денег, она откроет в центре города магазин домашней выпечки. Нет, Питти и не думает осуждать ее, но все-таки... Что до нее самой, сказала Питти, то она скорее будет голодать, чем торговать с янки. Она взяла себе за правило окидывать каждого встречного янки презрительным взглядом и с подчеркнуто оскорбленным видом переходить на другую сторону улицы, хотя, добавила она, при плохой погоде это доставляет некоторые неудобства. Скарлетт поняла, что никакие жертвы, даже грязные туфли, не могут быть слишком большим неудобством для мисс Питти, если уж она решила доказать свою преданность Конфедерации.

Миссис Мид и доктор лишились своего дома, когда янки подожгли город, и у них нет ни денег, ни сил на его восстановление, особенно после потери Филя и Дарси. Миссис Мид сказала, ей больше не нужен собственный дом: какой смысл в доме, если там нет ни детей, ни внуков? Оставшись в одиночестве, они переехали жить к Элсингам, которые отремонтировали разрушенную часть дома. Мистер и миссис Уайтинг тоже занимают там комнату, и миссис Боннелл поговаривает о переезде к Элсингам, если ей удастся сдать свой дом какому-нибудь семейному янки.

– Но как же они все там умещаются? – удивилась Скарлетт. – Миссис Элсинг, Фанни, Хью...

– Миссис Элсинг и Фанни спят в гостиной, а Хью – на чердаке, – пояснила тетя Питти, прекрасно осведомленная о размещении всех своих старых друзей. – Дорогая моя, мне очень неприятно говорить об этом, но... миссис Элсинг называет их «платными гостями», хотя на

самом деле, – тетя Питти понизила голос, – они там всего лишь постояльцы. Миссис Элсинг устроила пансион! Разве это не ужасно?

– Я думаю, это замечательно, – ответила Скарлетт. – Мне остается лишь мечтать о таких «платных гостях» в Таре, а то за последний год у меня одни нахлебники. Может, тогда мы бы так не обнищали.

– Скарлетт, как ты можешь говорить такие вещи? Твоя бедная матушка, должно быть, переворачивается в могиле при одной мысли о том, чтобы брать деньги за гостеприимство! Конечно же, миссис Элсинг была просто вынуждена так поступить, ведь, пока она шила на заказ, Фанни расписывала фарфор, а Хью немного подрабатывал продажей дров, они едва концы с концами сводили! Представь себе, милая, Хью пришлось торговать дровами! А ведь он уже был готов приступить к адвокатской работе! У меня просто слезы наворачиваются от одной только мысли о том, чем вынуждены заниматься наши мальчики!

Скарлетт подумала о рядах хлопковых кустов под раскаленным латунным небом Тары, о том, как болела спина, когда она гнулась над ними. Она вспомнила плуг в своих неумелых, покрытых волдырями руках и подумала, что Хью Элсинг не заслуживает никакого особого сочувствия. Какой же наивной и глупой старушкой была тетя Питти, какой счастливицей в своем слепом неведении: мир рухнул у нее на глазах, а она так ничего и не поняла!

– Если ему так не нравится торговать дровами, почему бы ему не заняться юридической практикой? Что, во всей Атланте не осталось ни одной адвокатской конторы?

– Что ты, милая моя! В Атланте много адвокатских контор. Теперь почти все друг на друга в суд подают. Все сгорело, межевые столбы пропали, теперь никто понять не может, где чья земля начинается, а где кончается. Только на этом денег не заработаешь. Податели исков сами без денег. Вот Хью и приходится торговать... Ох, чуть не забыла! Но ведь я тебе писала? Фанни Элсинг завтра выходит замуж, и ты непременно должна там быть. Миссис Элсинг очень обрадуется, как только узнает, что ты в городе. Надеюсь, у тебя есть другое платье. Не хочу сказать, что это платье дурно, милая, но... знаешь, оно выглядит немного поношенным. У тебя ведь есть красивое платье? Я так рада, ведь это будет первая настоящая свадьба в Атланте, с тех пор как пал город. Торты и вино, потом танцы, хотя я просто не представляю, как Элсинги все это устроят, у них ведь совсем мало денег.

– И за кого же Фанни выходит замуж? Я думала, после того как Даллас Маклюр погиб при Геттисберге...

– Дорогая, ты не должна осуждать Фанни. Не все хранят верность мертвым, как ты бедному Чарли. Дай-ка припомнить, как же его зовут? Все время забываю имена... Том как-то там. Я прекрасно знала его матушку, мы вместе учились в женском пансионе в Ла-Гранже. Она из тамошних Томлинсонов, а ее матушка... Как же ее... Перкинс? Паркинс? Паркинсон! Да, именно. Из Спарты. Очень хорошая семья, но все же... я даже не знаю, следует ли в этом признаваться, но, честно говоря, я просто не понимаю, как Фанни решилась выйти за него замуж!

– Он много пьет или...

– Нет, дорогая, нет! Его репутация безупречна, но, видишь ли, его ранило разрывным снарядом... очень низко, и это повредило ему ноги, и теперь... мне так неприятно об этом говорить, но он ходит, широко расставив ноги, и это придает ему весьма вульгарный вид, понимаешь? Это выглядит очень некрасиво. Никак не возьму в толк, зачем она за него выходит.

– Девушкам приходится выходить замуж.

– Совсем не обязательно, – обиделась тетя Питти. – Я ведь никогда не была замужем.

– Простите, дорогая тетушка, я вовсе не вас имела в виду! Всем известно, каким успехом вы пользовались. Да и сейчас пользуетесь! Помнится, старый судья Карлтон все кидал на вас смущенные взгляды, пока я...

– О, Скарлетт, перестань! Ах, этот старый дурак! – хихикнула Питти, к которой вернулось хорошее настроение. – Но ведь Фанни пользовалась таким успехом, что могла составить

себе и более удачную партию. И я не верю, что она любит этого Тома как его там. Просто не верю, что она смогла оправиться после гибели Далласа Маклюра, но ведь она не такая, как ты, моя дорогая. Ты осталась верна дорогому Чарли, хотя уже раз десять могла бы выйти замуж. Мы с Мелли часто говорили о твоей преданности его памяти, когда все вокруг называли тебя бессердечной кокеткой.

Скарлетт пропустила это бестактное признание мимо ушей и опять искусно перевела разговор на старых друзей. Ей не терпелось заговорить о Ретте, но не могла же она сразу после приезда взять да и спросить о нем напрямую: это подвигло бы старую даму на размышления в совершенно нежелательном направлении. У тетушки еще будет уйма времени для самых черных подозрений, если Ретт откажется на ней жениться.

Тетя Питти радостно щебетала, довольная как ребенок, что есть кому ее слушать. Дела в Атланте идут из рук вон плохо, уверяла она, и все из-за козней этих мерзавцев-республиканцев. Их злодеяниям нет предела, и самое ужасное – они забивают всяким вредным вздором головы несчастных черномазых.

– Милая, они хотят разрешить неграм голосовать! Ты когда-нибудь слышала подобную глупость? А впрочем, я даже не знаю... если подумать, то у дядюшки Питера ума больше, чем у любого республиканца, и манеры намного лучше, только дядюшка Питер слишком хорошо воспитан, не пойдет он голосовать. Но сама идея настолько сбита негров с толку, что у них совсем в голове помутилось. Некоторые стали ужасно наглыми. По вечерам на улицах теперь небезопасно, и даже среди бела дня они спихивают дам с тротуаров прямо в грязь. А если какой-нибудь джентльмен попытается вступить, его арестовывают... О, моя дорогая, я тебе говорила, что капитана Батлера посадили в тюрьму?

– Ретта Батлера?

Новость буквально оглушила Скарлетт, но она была благодарна тетушке Питти, избавившей ее от необходимости самой начинать разговор о Ретте.

– Вот именно! – От волнения у тетушки Питти порозовели щеки, и она села прямее. – В эту самую минуту он сидит в тюрьме за то, что убил негра, и его могут повесить! Только представь себе, повесить капитана Батлера!

У Скарлетт болезненно перехватило дух, она молча уставилась на пухленькую смешную старушку, безмерно обрадованную тем, что ее слова произвели столь сильное впечатление.

– Его вина еще не доказана, но ведь кто-то же убил черномазого, оскорбившего белую женщину. А янки очень недовольны, потому что в последнее время убито много нахальных черномазых. Они не могут доказать вину капитана Батлера, но доктор Мид говорит, что его хотят повесить просто для примера, чтоб другим неповадно было. Доктор говорит, что, если его повесят, на счету у янки это будет первое доброе дело, но я, право, даже не знаю... Подумать только – всего неделю назад капитан Батлер был у меня в гостях и принес мне в подарок роскошную перепелку, и о тебе спрашивал, говорил, что обидел тебя тогда, во время осады, и боится, что ты никогда его не простишь.

– Как долго они его продержат?

– Неизвестно. Может, пока не повесят, а может, они еще не сумеют доказать его вину. Но этим янки, кажется, совершенно все равно, виновен человек или нет, им лишь бы кого-нибудь повесить. Они страшно напуганы, – тут тетушка загадочно понизила голос, – из-за Ку-клукс-клана. В твоём графстве действует Ку-клукс-клан? Милая моя, я уверена, что и у вас он есть, просто Эшли ничего не говорит тебе и девочкам. Члены клана не имеют права рассказывать. По ночам они разъезжают, переодетые привидениями, и посещают «саквояжников», которые воруют деньги, и нахальных негров. Иногда просто пугают и предупреждают, чтобы те покинули Атланту, но если те не слушаются с первого раза, их бьют хлыстом и, – Питти перешла на шепот, – порой убивают и бросают тело прямо на виду, а на нем табличка с надписью «Ку-клукс-клан». Вот янки и злятся – хотят кого-нибудь повесить в назидание остальным... Но

Хью Элсинг считает, что его не повесят. Янки думают, что капитан Батлер знает, где деньги, а сказать не хочет. Вот они и пытаются заставить его рассказать.

– Какие деньги?

– Разве ты не знаешь? Разве я не писала? Дорогая моя, да ты совсем похоронила себя в своей Таре! Весь город гудел, когда капитан Батлер вернулся с хорошими лошадьми, с каретой, с полными карманами денег, пока мы тут голодали. Все были просто вне себя! Ты только представь себе: у этого спекулянта, который только и знал, что говорил гадости о Конфедерации, полно денег, а мы все обнищали. Всем, конечно, хотелось узнать, откуда у него эти деньги, но никто, кроме меня, не осмелился спросить напрямик, а когда я спросила, он просто рассмеялся и сказал: «Можете быть уверены, они достались мне нечестным путем». Ты же знаешь, он вечно только и делает, что отшучивается.

– Но ведь всем известно, что он сделал деньги во время блокады...

– Конечно, милая, кое-что он заработал на блокаде. Но это лишь капля в море, на самом деле у него денег гораздо больше. Все, даже янки, считают, что он где-то спрятал миллионы долларов золотом, казну правительства конфедератов.

– Миллионы... золотом?

– Да, девочка моя, ты только спроси себя, куда подевалось все золото Конфедерации? Кто-то его прикарманил, и капитану Батлеру наверняка тоже перепала немалая доля. Янки думали, что эти деньги, покидая Ричмонд, унес президент Дэвис, но, когда беднягу поймали, у него не нашли ни цента. А после войны оказалось, что в казне совсем нет денег, и теперь все думают, что один из тех, кто возил товар через блокаду, взял их, а теперь помалкивает.

– Миллионы... золотом! Но как же...

– А разве капитан Батлер не возил кипы хлопка в Англию и в Нассау, чтобы продавать там от имени правительства Конфедерации? – победно спросила тетушка Питти. – Не только свой хлопок, но и хлопок правительства? А знаешь, сколько можно было заработать на продаже хлопка в Англии во время войны? Его забирали по любой цене! Капитан Батлер работал на правительство как свободный посредник и должен был продавать хлопок, а на полученные деньги закупать оружие и поставлять его нам. Но когда кольцо блокады окончательно сомкнулось, он уже не мог провозить оружие, да и потратить на его закупку даже сотой доли этих хлопковых денег тоже не мог: миллионы долларов так и осели в английских банках, куда их положил капитан Батлер и другие капитаны, ожидая, пока блокада ослабнет. И вовсе не факт, что эти деньги лежат на счетах правительства Конфедерации. Они положили их на свои собственные счета, и эти деньги все еще там... С тех пор как война кончилась, все только об этом и говорят, все осуждают спекулянтов, а когда янки арестовали капитана Батлера за убийство черномазого, до них, должно быть, дошли эти слухи, и теперь они хотят узнать, где деньги. Понимаешь, все деньги Конфедерации теперь принадлежат янки, по крайней мере, сами янки так считают. Но капитан Батлер уверяет, что понятия не имеет ни о каких деньгах... Доктор Мид говорит, что в любом случае его должны повесить, хотя для вора и спекулянта виселица – слишком мягкое наказание... Дорогая, что с тобой! Тебе дурно? Я тебя расстроила своей болтовней? Знаю, он когда-то за тобой ухаживал, но я думала, тебе давно уже до него дела нет. Лично я его никогда не одобряла, ведь он такой бездельник...

– Он мне не друг, – выдавила из себя Скарлетт. – Во время осады у нас с ним вышла ссора после вашего отъезда в Мейкон. Где... где он сейчас?

– В пожарной части, рядом с городской площадью!

– В пожарной части?

Тетушка Питти ликующе рассмеялась:

– Да, в пожарной части. Янки теперь используют ее вместо военной тюрьмы. Янки расселились в бараках вокруг городской управы на площади, а пожарная часть как раз у них под боком. Вот там и держат капитана Батлера. Да, ты знаешь, Скарлетт, вчера до меня дошел

удивительный слух насчет капитана Батлера. Не помню, кто мне об этом говорил... Помнишь, какой он всегда был ухоженный, прямо щеголь, а они держат его в пожарной части и не дают ему мыться, а он каждый день требовал, чтобы ему дали принять ванну, и вот в конце концов его выпустили из камеры на площадь, а там стоит поилка для лошадей, длинное такое корыто, они в нем целым полком моются в одной воде! Ему предложили там искупаться, а он заявил, что предпочитает сохранить родную южную грязь, она, дескать, ему дороже грязи янки...

Скарлетт слушала веселый щебет тетушки, но не слышала ни единого слова. В голове у нее вертелись только две мысли: у Ретта больше денег, чем она думала, и он в тюрьме. То, что он в тюрьме и его могут повесить, несколько меняло расстановку сил: у нее появилась надежда. Ее ничуть не трогало, что Ретта могут повесить. Ей так срочно, так отчаянно нужны были деньги, что его дальнейшая судьба ее совсем не заботила. К тому же она отчасти разделяла мнение доктора Мида о том, что смерть на виселице слишком хороша для него. Мужчина, посреди ночи бросивший женщину на дороге между двумя враждующими армиями и отправившийся бороться за уже проигранное дело, заслуживает виселицы... Вот если бы выйти за него замуж, пока он в тюрьме, после казни все эти миллионы перешли бы к ней. К ней одной! А если женить его на себе никак не удастся, возможно, она сумеет попросить денег взаймы, пообещав, что выйдет за него замуж, как только его освободят, или пообещав... да что угодно! Если его повесят, ей никогда не придется возвращать этот долг.

В голове у нее мгновенно сложилась радужная картина: она становится богатой вдовой благодаря любезному вмешательству правительства янки. Миллионы золотом! Она сможет отремонтировать Тару, нанять работников и засадить землю хлопком на много миль вокруг. У нее будут красивые платья, любая еда, и у Сьюлин и Кэррин тоже все будет. И Уэйда она будет сытно кормить, чтобы щечки у него стали пухленькие, купит ему теплые вещи, наймет гувернантку, а потом отправит учиться в университет... чтобы он не вырос босяком и невеждой, как все эти белые голодранцы. Она сможет нанять хорошего доктора, который будет приглядывать за отцом, а Эшли... чего бы только она не сделала для Эшли!

Монолог тетушки Питтипэт неожиданно прервался, и она спросила:

– В чем дело, Мамушка?

Вернувшись из страны грез, Скарлетт увидела стоящую в дверях Мамушку. Сложив руки под передником, она смотрела на свою воспитанницу настороженным и пронизывающим взглядом. Хорошо бы знать, подумала Скарлетт, давно ли она там стоит и что успела услышать. Похоже, все, судя по блеску в ее старых глазах.

– Мисс Скарлетт прямо с ног валится от усталости. Лучше бы ей пойти прилечь.

– Да, я устала, – сказала Скарлетт, поднимаясь и бросив на Мамушку по-детски беспомощный взгляд. – Боюсь, я к тому же еще и простудилась. Тетя Питти, вы не станете возражать, если завтрашний день я проведу в постели и не составлю вам компанию? Я могу нанести визиты в любое другое время, к тому же завтра вечером мне очень хочется попасть на свадьбу к Фанни. А если мне станет хуже, я не смогу пойти. Полежать денек в постели – это для меня роскошь.

В глазах Мамушки мелькнуло беспокойство: она пощупала руки Скарлетт и заглянула ей в глаза. Ее воспитанница и в самом деле выглядела плохо. Ее возбуждение исчезло без следа, она побледнела, ее явно знобило.

– Голубка моя, руки у вас как ледышки. Отправляйтесь в кроватку, а я принесу вам чаю с ромашкой да горячий кирпич положу, чтобы вы пропотели.

– Ох, какая же я глупая! – воскликнула пухленькая старушка, проворно вскочив со стула и поглаживая руку Скарлетт. – Трещу как сорока, а о тебе совсем забыла. Девочка моя, ты завтра весь день будешь нежиться в постельке, и мы сможем поболтать всласть... О нет, дорогая, к сожалению, нет, я не смогу с тобой посидеть. Я обещала провести завтрашний день с миссис

Боннелл. Она слегла с гриппом. И ее кухарка тоже. Мамушка, я так рада, что ты здесь. Утром ты должна пойти со мной, будешь помогать.

Мамушка торопливо проводила Скарлетт вверх по темным ступенькам, что-то бормоча о холодных руках и тонких туфлях; Скарлетт покорно со всем соглашалась, а в душе торжествовала. Все складывалось просто отлично. Если ей завтра удастся усыпить подозрения Мамушки и спроводить ее из дома с утра пораньше, она сможет отправиться в тюрьму и повидать Ретта. Поднимаясь по лестнице, она услышала слабый раскат грома и, остановившись на столь памятной лестничной площадке, подумала, что он похож на пушечный выстрел во время осады. Скарлетт вздрогнула. Отныне раскаты грома всегда будут напоминать ей грохот орудий и войну.

Глава 34

На следующее утро из-за облаков временами проглядывало солнце, резкий ветер стремительно гнал по небу темные тучи, гремел оконными рамами и глухо стонал по всему дому. Скарлетт прочла короткую молитву, поблагодарив Бога за то, что прекратился ночной дождь, – всю ночь она пролежала без сна, слушая его стук, означавший приговор ее бархатному платью и новой шляпке. Завидев первые лучи солнца, она тут же воспряла духом и с трудом удерживала себя в постели, хрипло покашливая с бледным и умирающим видом, пока тетушка Питти, Мамушка и дядюшка Питер не отправились к Боннеллам. Когда наконец хлопнула калитка и в доме никого не осталось, кроме распевавшей на кухне кухарки, Скарлетт выскользнула из постели и вынула из платяного шкафа свои обновки.

Сон освежил ее и придал бодрости, а в холодной очерствевшей глубине своего сердца Скарлетт почерпнула столь необходимое ей мужество. В самом предвкушении предстоящей схватки умов с мужчиной, с любым мужчиной, было что-то, заставившее ее почувствовать себя в своей стихии, а мысль о том, что после многомесячной борьбы с бесчисленными невзгодами ее ожидает встреча с настоящим живым противником, которого можно разгромить собственными силами, воодушевляла ее еще больше.

Трудно было одеваться без посторонней помощи, но Скарлетт в конце концов справилась и, надев шикарную шляпку с лихим плюмажем, ринулась в комнату тетушки Питтипэт полюбоваться на себя в большом зеркале. До чего же хороша! Петушиные перья придавали ей отчаянно-задорный вид, а глаза под темно-зеленым бархатом шляпки вдруг стали поразительно яркими, засверкали как изумруды. Платье просто бесподобное, смотрится так богато, так нарядно и в то же время достойно! Как замечательно снова надеть красивое платье! До того приятно было осознавать, что она выглядит привлекательной и соблазнительной, что Скарлетт порывисто наклонилась к зеркалу и поцеловала свое отражение, тут же рассмеявшись над собственной глупостью. Она накинула на плечи кашемировую шаль Эллин с восточным рисунком, но поблекший цвет старой шали портил впечатление от зеленого платья и придавал ей слегка потрепанный вид. Найдя в платяном шкафу тетушки Питти большую черную накидку – тонкую, для осенней погоды, – которую тетушка надевала только по воскресеньям, Скарлетт заменила ею материнскую шаль, в уши вдела привезенные из Тары бриллиантовые сережки и, вздернув голову, осмотрела себя. Серьги мелодично звякнули, и, довольная произведенным эффектом, Скарлетт напомнила себе, что при встрече с Реттом нужно будет вскидывать голову почаще. Играющие серьги всегда привлекают мужское внимание, а девушкам придают неотразимо задорный вид.

Как жаль, что у тетушки Питти только одни перчатки: те, что сейчас надеты на ее пухлые ручки! Без перчаток ни одна женщина не может чувствовать себя настоящей леди, но у Скарлетт не было ни единой пары с тех пор, как она покинула Атланту. От тяжелой работы в Таре ее руки загрубели. Какая уж тут красота! Что ж, с этим ничего не поделаешь. Она возьмет тетушкину котиковую муфточку и спрячет в нее руки. Скарлетт увидела в этом последний завершающий штрих своей элегантности. Теперь, глядя на нее, никто не догадается, что бедность и нужда стоят у нее за плечами.

Главное, чтобы об этом не догадался Ретт. Пусть думает, что ею движут одни только лишь нежные чувства.

Скарлетт на цыпочках прокралась вниз по лестнице и вышла из дома, пока кухарка, ничего не подозревая, распевала на кухне во все горло. Чтобы ускользнуть от всевидящего ока соседей, она торопливо пробежала по Пекарской улице, а на Плющовой улице присела на тумбу коновязи у сгоревшего дома в надежде, что какая-нибудь карета или фургон подвезет ее. Солнце, выглядывающее из-за туч, на миг освещало улицу обманчиво ярким светом, но

совсем не грело и тут же снова пряталось, ветер, проникая под юбку, трепал кружева ее панталон. Погода оказалась холоднее, чем ожидала Скарлетт. Она поплотнее закуталась в тонкую накидку тетушки Питти, нетерпеливо дрожа всем телом, и уже решила было проделать весь долгий путь через город к лагерю янки пешком, когда на улице появился разболтанный фургон, запряженный старым мулом. Фургоном правила жующая табак старуха с обветренным и сморщенным лицом, выглядывающим из-под обвисших полей поношенного капора. Она направлялась в сторону городской управы и с недовольным ворчанием все же согласилась подвезти Скарлетт, хотя сразу стало ясно, что ни нарядная шляпка, ни муфточка, ни бархатное платье не произвели на нее должного впечатления.

«Она приняла меня за потаскушку, – подумала Скарлетт. – И с этим, пожалуй, не поспоришь!»

Когда они наконец добрались до городской площади и увидели впереди высокий белый купол городской управы, Скарлетт поблагодарила старуху, слезла с козел и проводила взглядом отъезжающий фургон. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто на нее не смотрит, она ущипнула себя за щеки, чтобы вызвать румянец, и до боли искусала губы, чтобы они стали красными. Затем, поправив шляпку и пригладив волосы, Скарлетт окинула взглядом площадь. Двухэтажное краснокирпичное здание городской управы уцелело от пожара, но под серым небом оно выглядело мрачным и заброшенным. Окружив здание со всех сторон так, что на городской площади, в центре которой оно стояло, не осталось ни клочка свободной земли, тянулись рядами потрепанные и забрызганные грязью военные палатки. Повсюду слонялись солдаты-янки. Скарлетт нерешительно посмотрела на них, чувствуя, что мужество покидает ее. Как ей отыскать Ретта в самом сердце вражеского лагеря?

Она взглянула на пожарную часть, расположенную в глубине улицы, и увидела, что широкие арочные двери заперты на тяжелые засовы, а по обеим сторонам здания парами ходят туда-сюда часовые. Ретт там, внутри. Но что она скажет солдатам-янки? И что они ответят? Скарлетт расправила плечи. Если уж она не побоялась убить одного из янки, стоит ли бояться простого разговора с другим?

Опасливо ступая по проложенным в грязи камням, она пересекла улицу и подошла к одному из часовых в синей шинели, застегнутой до самой шеи от пронизывающего ветра.

– Вам что-то нужно, мэм? – В его голосе слышался непривычный гнусавый акцент Среднего Запада, но говорил он вежливо и уважительно.

– Мне нужно встретиться с одним человеком... с заключенным.

– Даже не знаю, – почесывая затылок, ответил часовой. – С посещениями здесь очень строго и... – Он замолчал и пристально посмотрел на нее. – Боже праведный! Леди, только не плачьте! Идите прямо в штаб и поговорите с офицерами. Держу пари, они позволят вам свидеться с ним.

В ответ Скарлетт, даже не думавшая плакать, одарила его ослепительной улыбкой. Он повернулся к другому часовому, неторопливо вышагивающему вдоль стены, и окликнул его:

– Эй, Билл, поди-ка сюда.

Второй часовой, крупный мужчина, укутанный по уши в синюю шинель, из которой торчали только грозные черные усы, прямо по грязи подошел к ним.

– Отведи эту даму в штаб.

Скарлетт поблагодарила его и последовала за часовым.

– Осторожно, не сверните ножку на этих камнях, – сказал солдат, взяв ее под руку. – И юбочки подберите, а то, не ровен час, запачкаете.

Голос, звучавший из-под усов, был такой же гнусавый, но добрый и приятный, а рука твердо и почтительно поддерживала ее под локоть. Оказывается, янки не так уж и плохи!

– Ну и денек вы выбрали для прогулки, леди, – заметил сопровождающий. – В такую холодину лучше было дома посидеть. Вы издалека приехали?

– Да, прямо с другого конца города, – ответила Скарлетт, тронутая его участием.

– В такую погоду негоже леди выходить из дому, – назидательно изрек солдат, – этак и грипп подхватить недолго. Вот здесь командный пункт, леди... Э-э-э... в чем дело?

– Этот дом... в этом доме ваш штаб?

Глядя на очаровательное старинное здание, выходявшее фасадом на площадь, Скарлетт чуть не расплакалась. Во время войны она так часто бывала здесь на балах! Это был прекрасный, веселый дом, а теперь... теперь над ним развевался большой флаг Соединенных Штатов.

– В чем дело?

– Ни в чем... просто... просто... когда-то я знала тех, кто здесь жил.

– Что ж, очень жаль, но ничего не поделаешь. Думаю, сами хозяева не узнали бы теперь этот дом, там ведь внутри все перегородки снесли. Теперь, мэм, ступайте внутрь и спросите капитана.

Она поднялась по ступенькам, с нежностью поглаживая разбитые белые перила, и открыла входную дверь. В холле было темно и холодно как в склепе, а у закрытых раздвижных дверей того, что когда-то было столовой, стоял продрогший часовой.

– Мне нужно видеть капитана, – сказала Скарлетт.

Часовой открыл двери, и она вошла в комнату. Сердце у нее неистово колотилось, лицо горело от смущения и волнения. В комнате стоял спертый запах копоти, табачного дыма, седельной кожи, пропотевших шинелей и немых тел. Голова у Скарлетт закружилась, перед глазами каруселью мелькали голые стены с оборванными обоями, ряды висящих на гвоздях синих шинелей и шляп с широкими опущенными полями, ревущий пламенем камин, длинный, заваленный бумагами стол, группа офицеров в синих мундирах с медными пуговицами.

Скарлетт сделала глубокий вдох, и к ней вернулся голос. Ни в коем случае нельзя показывать этим янки, что ей страшно. Она должна выглядеть обворожительной, как никогда, уверенной в себе и беззаботной.

– Капитан?

– Я тут капитан, – ответил толстяк в расстегнутом мундире.

– Мне необходимо встретиться с заключенным, капитаном Реттом Батлером.

– Опять Батлер? Да он прямо нарасхват, – засмеялся капитан, вынимая изо рта жеваную сигару. – А вы его родственница, мэм?

– Да... Я... я его сестра.

Он вновь рассмеялся:

– Больно много у него сестер! Вот только вчера одна приходила.

Скарлетт вспыхнула. Кто-нибудь из этих девиц, с которыми якшается Ретт, может, даже сама Уотлинг. А эти янки думают, что и она такая же. Это было невыносимо. Нет, даже ради Тары она больше ни секунды не станет терпеть подобные оскорбления. Она повернулась к дверям и с негодованием схватилась за ручку, но тут к ней подошел другой офицер. Он был гладко выбрит и молод, а его глаза смотрели весело и дружелюбно.

– Одну минуточку, мэм. Может, присядете к огню, погрееетесь? А я пока узнаю, что можно для вас сделать. Как вас зовут? Та... леди, что заходила вчера... он отказался встретиться с ней.

Бросив негодующий взгляд на засмущавшегося капитана, Скарлетт опустилась на предложенный стул и назвала свое имя. Симпатичный молодой офицер накинул шинель и вышел из комнаты, а оставшиеся перешли к дальнему краю стола и о чем-то тихо заговорили, перебирая бумаги. Скарлетт с удовольствием вытянула ноги к огню, только теперь почувствовав, как сильно они замерзли. Жаль, что она вовремя не догадалась вложить картонную стельку в одну из туфель, в подошве которой зияла дыра. Через какое-то время за дверью послышались голоса, и она узнала смех Ретта. В открывшуюся дверь ворвался сквозняк: появился Ретт – без шляпы, в длинном плаще, небрежно наброшенном на плечи. Он был грязный, небритый, без

галстука, но, несмотря на беспорядок в одежде, все такой же франт. При виде Скарлетт его черные глаза радостно вспыхнули.

– Скарлетт!

Как и прежде, он взял ее за руки, и она опять – как и прежде – ощутила исходящую от него жаркую и волнующую жизненную силу. Она и опомниться не успела, как он наклонился и, щекоча усами, поцеловал ее в щеку. Почувствовав, как она испуганно отпрянула, он обхватил ее за плечи, воскликнул: «Моя милая сестричка!» – и ухмыльнулся, наслаждаясь тем, что ей приходится терпеть его ласку и деться некуда. Скарлетт невольно рассмеялась тому, как ловко он использовал свое «родственное положение». Какой же он все-таки мерзавец! Тюрьма его ничуть не изменила.

Пожевывая сигару, толстый капитан что-то шептал славному офицеру с веселыми глазами:

– Это непорядок. Ему полагается сидеть в пожарной части. Приказ тебе известен.

– Побойся бога, Генри! Барышня замерзнет в этом сарае.

– Ну ладно, ладно. Под твою ответственность.

– Уверю вас, джентльмены, – поворачиваясь к ним, но не переставая обнимать Скарлетт, сказал Ретт, – моя... сестричка не принесла мне ни ножовки, ни напильника для побега.

Все засмеялись, и в этот момент Скарлетт быстро огляделась вокруг. Боже праведный, ей придется разговаривать с Реттом в присутствии шести офицеров янки! Неужели он такой опасный преступник, что они с него глаз не спускают? Заметив ее озабоченный взгляд, симпатичный офицер открыл дверь и что-то тихо сказал двум рядовым, вскочившим на ноги при его появлении. Они взяли ружья и вышли в холл, закрыв за собой дверь.

– Если хотите, можете побеседовать здесь, в канцелярии, – предложил молодой капитан. – И не пытайтесь сбежать – за дверью все равно охрана.

– Вот видишь, Скарлетт, какой я законченный негодяй, – усмехнулся Ретт. – Спасибо, капитан. Вы очень добры.

Он небрежно откланялся и, взяв Скарлетт под руку, провел ее в убогое помещение канцелярии. Позже она так и не смогла вспомнить, как выглядела эта комната, если не считать того, что она была маленькой, темной и холодной, а на обшарпанных стенах тут и там были развешены какие-то исписанные от руки бумаги, да еще запомнились стулья, обитые необработанной бычьей шкурой с остатками шерсти.

Закрыв дверь, Ретт быстро подошел и склонился над ней. Скарлетт сразу догадалась, куда он метит, и проворно отвернулась, бросив на него кокетливый взгляд из-под ресниц.

– Как, неужели и теперь я не могу вас поцеловать?

– Только в лобик, как положено добропорядочному брату, – с притворной скромностью ответила она.

– Нет уж, спасибо. Я лучше подожду в надежде на лучшее. – Его взгляд скользнул по ее губам и на мгновение задержался на них. – Но как это мило с вашей стороны – прийти повидать меня, Скарлетт! С тех пор как меня посадили, вы первая из порядочных горожан пришли меня навестить. Тюремная жизнь учит ценить настоящую дружбу. Когда вы приехали?

– Вчера.

– И сегодня утром вы уже здесь? О, моя дорогая, да вы просто чудо.

Он улыбнулся, и она впервые заметила на его лице выражение искреннего удовольствия. Скарлетт радостно улыбнулась про себя, а сама, изображая смущение, низко опустила голову.

– Да, я бросилась сюда, как только узнала. Вчера вечером тетя Питти мне все рассказала, и я... я всю ночь не спала – переживала за вас. Какой ужас! Ретт, мне вас так жаль!

– Но почему, Скарлетт?

Его голос звучал по-прежнему тихо, но удивительно проникновенно. Заглянув в его смуглое лицо, она впервые не увидела в нем ни так хорошо знакомого ей скептицизма, ни язвиг-

тельной насмешки. Под его пристальным взглядом, устремленным на нее в упор, Скарлетт опустила глаза, смутившись по-настоящему. Все шло даже лучше, чем она предполагала.

– Ради того, чтобы вновь увидеть вас и услышать от вас эти слова, ей-богу, стоило оказаться в тюрьме. Я просто ушам своим не поверил, когда мне сказали, кто ко мне пришел: думал, вы никогда не простите мне мой патриотический порыв той ночью на дороге у Раф-энд-Реди. Но этот визит... могу я расценивать его как прощение?

Стоило Скарлетт вспомнить о той ночи, как даже сейчас, хотя уже столько времени прошло, в ней мгновенно закипел гнев, но она подавила его и тряхнула головой, чтобы заиграли серьги.

– Нет, я не простила вас, – ответила она, недовольно надув губки.

– Еще одна разбитая надежда. И это после того, как я пожертвовал собой ради своей родины, сражался босой в снегах у Франклина, а в награду за свои труды подхватил самую злостную дизентерию!

– Я не желаю ничего слышать о ваших... страданиях, – все еще дуясь, но улыбаясь ему уголками чуть раскосых глаз, сказала Скарлетт. – Я по-прежнему считаю, что вы той ночью поступили подло, и этого я вам никогда не прощу! Бросить меня одну, когда со мной могло случиться все, что угодно!

– Но ведь ничего же не случилось! Моя вера в вас лишь получила подтверждение. Я не сомневался, что вы доберетесь домой целой и невредимой, и да поможет бог любому янки, вставшему на вашем пути!

– Ретт, но почему вам пришла в голову такая глупость – записаться в армию в последний момент, хотя вы отлично знали, что война уже проиграна? И это после всего, что вы наговорили о полоумных идиотах, которые сами себя подставляют под пули и гибнут!

– Скарлетт, пощадите! Я просто сгораю от стыда всякий раз, как вспоминаю об этом.

– Что ж, я рада, что вам стыдно за то, как вы со мной обошлись.

– Вы меня неверно поняли. К сожалению, должен признать – нет, совесть ничуть не мучила меня из-за того, что я бросил вас тогда. Но вот мое вступление в армию... Как вспомню эту картину: доброволец в лаковых сапожках и в белом полотняном костюме, вооруженный парой дуельных пистолетов... Сколько миль я протопал по снегу босиком, когда сапоги износились, без теплой шинели, без маковой росинки во рту... Сам не понимаю, почему я не дезертировал. Это же было чистой воды безумие! Но это у нас в крови. Ни один южанин просто не может остаться в стороне от безнадежно проигранного дела. Впрочем, к черту мои мотивы. Достаточно знать, что я прощен.

– А вот и нет. Я считаю, что вы скотина, – но последнее слово она произнесла с такой нежностью, словно хотела сказать «милый».

– Не притворяйтесь. Я знаю, вы простили меня. Юная леди не посмела бы прийти в караул янки, чтобы встретиться с заключенным негодяем просто из сострадания, к тому же разодевшись в бархат, перья и с котиковой муфточкой. Скарлетт, вы выглядите просто восхитительно! Слава богу, вы не в обносках и не в трауре! Меня уже тошнит от одного вида женщин в старом тряпье и вечно в черном. А вы выглядите, будто только что с Рю-де-ля-Пэ. Повернитесь, моя дорогая, дайте мне на вас полюбоваться.

Итак, он заметил платье. Ну разумеется, на то он и Ретт Батлер. Скарлетт негромко рассмеялась в радостном волнении и сделала пируэт на цыпочках, раскинув руки и колыхнув юбками, чтобы он заметил отделанные кружевами панталончики. Черные глаза Ретта охватили ее всю – от шляпки до каблучков – жадным взглядом, не упускающим ни единой детали. Это был тот самый, хорошо ей знакомый, бесстыдно раздевающий взгляд, неизменно вызывавший у нее мурашки по всему телу.

– На вид вы производите впечатление весьма процветающей и выхоленной особы. Так бы и съел вас. Не будь за дверью этих янки... но вы в полной безопасности, моя дорогая.

Присядьте. Я не воспользуюсь своим преимуществом, как при нашей последней встрече. – Ретт с деланным сожалением почесал щеку. – Сознайтесь, Скарлетт, вы не считаете, что той ночью повели себя несколько эгоистично? Подумайте, сколько всего я сделал для вас – жизнью рисковал, украл лошадь, и какую лошадь! Бросился на защиту Нашего Славного Дела! И что я получил за все свои старания? Пару крепких слов и еще более крепкую пощечину.

Скарлетт присела. Разговор принимал не тот оборот, которого она ожидала. Сначала Ретт вел себя так мило: казалось, он искренне обрадовался встрече и держался почти как обычный человек, ничем не напоминавший того черного негодяя, которого она так хорошо знала.

– А вам всегда нужно что-то получать в награду за ваши старания?

– Ну разумеется! Я чудовищный эгоист, уж кому об этом знать, как не вам. Я никогда и ничего не делаю даром, без расчета на вознаграждение.

От этих слов легкий холодок пробежал у нее по спине, но Скарлетт быстро взяла себя в руки и снова встряхнула серьгами.

– Ох, Ретт, на самом деле вы ведь не такой гадкий. Вы нарочно пускаете пыль в глаза.

– А вы, я вижу, и впрямь изменились! – воскликнул он и расхохотался. – Что же заставило вас стать доброй христианкой? Мисс Питтипэт пересказывала мне все новости о вас, но ни разу даже не намекнула, что вы стали воплощением женского сострадания. Расскажите мне о себе, Скарлетт. Чем вы занимались с тех пор, как мы с вами расстались?

Прежние раздражение и враждебность, которые он так всегда искусно пробуждал в ее душе, вспыхнули с новой силой, она ощутила неодолимый соблазн выложить ему все, что думала. Вместо этого Скарлетт улыбнулась так, что показались ямочки на щеках. Ретт придвинул свой стул поближе к ней, она наклонилась и, как бы невзначай, мягко положила руку ему на плечо.

– О, благодарю вас, у меня все замечательно. Дела в Таре идут хорошо. Конечно, после нашествия войск Шермана мы пережили ужасное время. Но нам повезло, наш дом не сожгли, к тому же негры спасли большую часть домашнего скота – загнали его в болото. Прошлой осенью мы собрали неплохой урожай – двадцать кип хлопка. Конечно, это ничто по сравнению с тем, сколько может давать Тара, но у нас слишком мало рабочих рук. Правда, па уверяет, что на будущий год дела пойдут гораздо лучше. Но, Ретт, до чего же скучно сейчас жить в провинции! Только представьте: нет больше ни балов, ни пикников, все только и делают, что говорят о трудных временах! Видит бог, мне уже тошно стало от этих разговоров! На прошлой неделе я поняла, что больше не вынесу этого кошмара, и па предложил мне съездить куда-нибудь развлечься. И вот я здесь, хочу заказать несколько новых платьев, а потом отправлюсь в Чарльстон, нанесу визит тетушке. Я просто мечтаю снова попасть на бал.

«Что ж, – с гордостью подумала она, – эта маленькая речь мне удалась на славу! В меру легкомыслия, и все сказано верно: я, может, и не богачка, но, уж конечно, и не нищенка».

– Моя дорогая, вам очень идут бальные платья, и – увы! – вам самой это прекрасно известно! Подозреваю, истинная причина вашей поездки кроется в том, что вам надоели все ваши прежние провинциальные поклонники, вот вы и отправились на дальние пастбища, где травка зеленее.

Скарлетт мысленно поблагодарила Бога за то, что все последние месяцы Ретт провел за границей и лишь недавно вернулся в Атланту. В противном случае он не стал бы говорить такие глупости. Она быстро перебрала в уме всех соседских кавалеров: озлобленные, одетые в рванье младшие Фонтейны, раздавленные бедностью братья Манро, красавцы из Джонсборо и Фейетвилла, гнувшие спину на пахоте, колке дров, выхаживании старых больных животных. Все они давным-давно думать забыли о балах и легком флирте. Скарлетт отбросила все эти мысли подальше и смущенно хихикнула, словно подтверждая правильность его предположения.

– Скажете тоже, – отмахнулась она.

– Вы бессердечное создание, Скарлетт, но, вероятно, в этом отчасти и состоит ваше обаяние. – На лице Ретта появилась хорошо знакомая ей язвительная улыбочка одним уголком рта, но она сразу поняла, что он делает ей комплимент. – Вы же прекрасно знаете, что в вас больше очарования, чем дозволено законом. Даже такой закаленный ветеран, как я, не остался равнодушным к нему. Знаете, я частенько задумывался над тем, что не дает мне забыть вас, а ведь я знал многих женщин, превосходивших вас и красотой, и – безусловно – умом, а также, боюсь, добротой и моральными качествами. Но все же отчего-то я всегда вспоминал вас. Даже после капитуляции, когда я был во Франции и в Англии, где не видел вас и ничего о вас не слышал, наслаждаясь обществом красивых женщин, я постоянно вспоминал вас и хотел знать, как вы поживаете.

Скарлетт чуть было не рассердилась – как он посмел сказать, что есть женщины красивее, умнее и добрее ее? – но быстро сменила гнев на милость: ведь помнил-то он о ней, о ее очаровании. Значит, он не забыл! Что ж, ей это только на руку. И вел он себя вполне прилично, как подобает джентльмену при данных обстоятельствах. Теперь остается лишь перевести разговор на него самого, чтобы дать ему понять, что она тоже его не забыла, и тогда...

Она нежно сжала его руку и опять показала ямочки на щеках.

– Ах, Ретт, как вы можете так смеяться над бедной провинциалкой! Я ничуть не сомневаюсь, что с той самой ночи вы ни разу не вспомнили обо мне. И ни за что не поверю, что вы вспоминали обо мне, развлекаясь в обществе хорошеньких француженок и англичанок. Но я не за тем приехала, чтобы выслушивать все ваши глупости на мой счет. Я приехала... я приехала... потому что...

– Почему же?

– О, Ретт, я так расстроена из-за вас! Я так боюсь за вас! Когда они наконец выпустят вас из этого ужасного места?

Он стремительно накрыл ее руку своей и крепко сжал ее.

– Ваше огорчение делает вам честь. Трудно сказать, когда меня освободят. Вероятно, как только лучше затянут веревку.

– Веревку?

– Да, подозреваю, мне предстоит выйти отсюда прямо на эшафот.

– Они не могут повесить вас!

– Могут, если найдут хоть одну улику против меня.

– Ах, Ретт! – схватившись за сердце, воскликнула Скарлетт.

– Вам будет жаль меня? Если вам и вправду будет жаль меня, я упомяну вас в своем завещании.

Его черные глаза смеялись над ней с откровенным вызовом. Он сжал ее руку.

Завещание! Она поспешно опустила взгляд, боясь выдать себя, но все-таки оказалась недостаточно проворной, так как его глаза загорелись любопытством.

– Янки убеждены, что у меня будет завидное завещание. Мое финансовое состояние в настоящее время является предметом повышенного интереса. Меня каждый день таскают на какие-то следственные комиссии и задают вопросы один глупее другого. Ходят упорные слухи, будто именно я прикарманил мифическое золото Конфедерации.

– А-а-а... разве это не так?

– В суде это назвали бы «наводящим вопросом». Вы не хуже меня знаете, что Конфедерация выпускала бумажные банкноты, а не чеканила монеты.

– Тогда откуда же у вас все эти деньги? Заработали на спекуляции? Тетушка Питтипэт сказала, что...

– Да вы и впрямь явились сюда допрашивать меня!

Черт бы его побрал! Ну конечно же, эти деньги у него. Скарлетт так разволновалась, что ей трудно стало придерживаться прежнего нежного тона.

– Ретт, мне так жаль, что вас держат здесь. Неужели нет никакой возможности выбраться отсюда?

– Мой девиз – «Nihil desperandum»¹.

– И что это означает?

– Это значит «может быть», моя очаровательная невежда.

Она кокетливо взмахнула черными густыми ресницами, чтобы бросить на него взгляд исподлобья, и так же кокетливо опустила их.

– Им не удастся повесить вас, вы их непременно перехитрите! Я просто уверена: вы что-нибудь придумаете и выберетесь отсюда! А когда вы выберетесь...

– И что же будет, когда я выберусь? – тихо спросил он, наклонившись еще ближе.

– Тогда я... – Скарлетт изобразила прелестное девичье замешательство и даже сумела покраснеть. Последнее далось ей без труда: у нее перехватило дыхание, а сердце отчаянно заколотилось. – Ретт, я очень сожалею о... о том, что наговорила вам той ночью... ну, вы помните... у Раф-энд-Реди. Я была... я так была напугана и расстроена, а вы были так... так... – Она посмотрела вниз и увидела, как его смуглая рука сжимает ее руку. – Я тогда подумала... что никогда, ни за что на свете не прощу вас! Но вчера, когда я услышала от тети Питти, что вы... что вас могут повесить... я вдруг... я... – Она заглянула ему в глаза и вложила в свой умоляющий взгляд все страдание разбитого сердца. – О, Ретт, я умру, если они вас повесят! Я этого не вынесу! Знаете, я...

Она опустила глаза, не в силах больше выносить его взгляд, полыхающий огнем.

«Еще минута, и я заплачу, – подумала Скарлетт, поражаясь себе самой и чувствуя, как ее захлестывает неподдельное волнение. – Может, стоит дать себе волю и заплакать? Может, тогда все будет выглядеть более естественно?»

– Господи боже, Скарлетт, – быстро заговорил Ретт, – неужели вы хотите сказать, что вы...

Он так сильно сжал ее руки, что ей стало больно.

Скарлетт крепко зажмурилась, пытаясь выдавить слезу, но при этом не забыла повернуться так, чтобы он без труда смог ее поцеловать. Ну вот, сейчас его губы прижмутся к ее губам, требовательные, настойчивые губы, которые она вдруг так живо вспомнила, что ее охватила слабость. Но он не поцеловал ее. Странное чувство разочарования шевельнулось в ней, она растерянно приоткрыла глаза и украдкой бросила взгляд на Ретта. Его черноволосая голова склонилась над ее руками. Скарлетт следила, как он поднимает и целует ее руку, затем другую, прижимает ее к своей щеке. Она ожидала грубости, и этот нежный, даже любовный жест поразил ее. Она гадала, что сейчас выражает его лицо, но ничего не увидела, так как он по-прежнему сидел со склоненной головой.

Скарлетт поспешно опустила взгляд: вдруг он резко вскинет голову и заметит выражение ее лица? Она знала, что переполняющее ее торжество откровенно и ясно читается в ее глазах. Вот сейчас он попросит ее руки или хотя бы объяснится в любви, и тогда... Пока она наблюдала за ним сквозь ресницы, он повернул ее руку ладонью вверх, собираясь поцеловать, и внезапно резко втянул в себя воздух. Опустив взгляд, она посмотрела на свою ладонь, словно увидела ее впервые за целый год, и похолодела от ужаса. Это была чужая ладонь! У Скарлетт О'Хара ручки были белые, нежные, все в ямочках, женственные и беспомощные. А на этой руке кожа загрубела от работы, почернела от солнца и была вся усыпана веснушками. Ногти обломаны, одни длиннее, другие короче, вся ладонь в мозолях, а на большом пальце незаживший волдырь. И красный шрам от кипящего жира, брызнувшего ей на руку в прошлом месяце, так и бросается в глаза. Скарлетт в ужасе посмотрела на свою ладонь и инстинктивно сжала ее в кулак. Ретт так

---

¹ Никогда не отчаивайся (лат.).

и сидел с опущенной головой. Она по-прежнему не видела его лица. Он насильно разжал ее кулак и снова устался на ладонь, потом молча взял другую руку и теперь уже осмотрел обе.

– Посмотрите мне в глаза, – проговорил он наконец бесстрастным голосом, поднимая голову, – и бросьте эти ваши штучки, хватит корчить из себя невинную овечку.

Она нехотя посмотрела ему в глаза. В ее лице, полном смятения, тем не менее читался вызов. Он поднял брови, и его глаза сверкнули.

– Значит, дела в Таре идут хорошо? Заработали на хлопке столько, что решили съездить в гости? Что вы делали этими руками – пахали?

Скарлетт попыталась выдернуть руки, но Ретт держал их крепко, поглаживая большими пальцами мозоли.

– У настоящей леди не такие руки, – сказал он и отбросил их ей на колени.

– О, замолчите! – воскликнула она, моментально ощутив облегчение оттого, что не надо больше притворяться. – Что я делаю своими руками – это мое дело!

«Какая же я идиотка, – с досадой подумала Скарлетт. – Я просто обязана была позаимствовать... да хотя бы и украсть перчатки тетюшки Питти. Я и думать забыла, что мои руки выглядят так ужасно. Он-то, конечно, заметил! А теперь еще и вспылила... наверняка все испортила. И надо же такому случиться, когда он уже чуть было не сделал мне предложение!»

– Мне-то уж точно нет никакого дела до ваших рук, – холодно бросил Ретт и лениво откинулся на стуле.

Его лицо не выражало ровным счетом ничего.

Теперь с ним трудно будет иметь дело. Что ж, если она хочет превратить этот провал в победу, придется подольститься к нему, как бы это ни было противно.

– Как это грубо с вашей стороны – так оттолкнуть мои бедные ручки. Столько шуму из-за того, что я всего-навсего забыла надеть перчатки, когда выезжала верхом на прошлой неделе...

– Выезжали верхом? Черта с два! – все так же ровно продолжал он. – Вы работали этими руками, вы трудились, как негр. Что вы на это скажете? Зачем вы солгали мне, уверяя, что в Таре дела идут хорошо?

– Но, Ретт...

– Может, хватит уверток? Почему бы не сказать правду? Итак, какова же истинная цель вашего визита? Я чуть было не поддался на ваше кокетство. Чуть было не поверил, что я вам и вправду безразличен и что вы действительно опечалены моей судьбой.

– Но это правда! Поверьте мне...

– Ни за что. Даже если меня вздернут выше, чем Амана², вам будет все равно. Ваше лицо говорит об этом так же ясно, как ваши руки – о тяжелой работе. Вас привела ко мне нужда – настолько острая, что вы разыграли тут целую комедию. Почему же вы не решились рассказать мне все как есть? У вас было бы куда больше шансов получить то, что вам нужно. Больше всего на свете я ценю в женщине откровенность. Но нет, вы пришли сюда, потряхивая сережками, надувая губки и жеманясь, как проститутка, желающая подцепить клиента.

Он проговорил последние слова, не повышая голоса, никак не подчеркнул их, но для Скарлетт они стали ударом хлыста по лицу. В полном отчаянии она поняла, что вся ее затея с замужеством пошла прахом. Если бы он взорвался от бешенства и уязвленного самолюбия, если бы даже выругал ее, как сделал бы на его месте любой другой мужчина, она бы справилась. Но убийственное спокойствие в его голосе так испугало ее, что она растерялась, не зная, что еще предпринять. Только теперь до нее дошло, что, даже будучи пленником янки, сидевших за стеной, Ретт Батлер оставался человеком очень опасным и играть с ним в игры – себе дороже.

– Боюсь, что память меня подвела. Мне бы следовало помнить, что вы ничем не отличаетесь от меня и любой ваш поступок продиктован скрытыми мотивами. Так, теперь посмотрим,

---

² Библейский персонаж, повешенный на виселице, построенной по его собственному приказу для другого человека.

что же миссис Гамильтон припрятала в рукаве? Неужто вы оказались настолько наивной, что надеялись услышать от меня предложение руки и сердца?

Лицо Скарлетт стало пунцовым. Она промолчала.

– Но вы же не могли забыть то, что я повторял вам много раз: я не из тех, кто женится? – Не дождавшись от нее ответа, Ретт повторил с неожиданной яростью в голосе: – Вы не забыли? Отвечайте мне.

– Нет, я не забыла, – подавленно ответила она.

– Да вам бы в карты играть, Скарлетт! – съязвил он. – Вы сделали ставку на то, что, находясь в заключении, лишенный женского общества, я дойду до такого состояния, что попадусь как форель на крючок.

«Уже попался, – зло подумала Скарлетт, – вот если б только не мои руки...»

– Теперь, когда почти вся правда вышла наружу, дело за малым – осталось установить причины. Посмотрим, хватит ли у вас храбрости рассказать мне, зачем вам понадобилось женить меня на себе.

Скарлетт воспряла духом: его голос зазвучал так вкрадчиво, почти шутливо, ей даже показалось, что он поддразнивает ее. Может, еще не все потеряно. Конечно, о браке можно забыть, но, может, оно и к лучшему. Несмотря на все свое отчаяние, она облегченно перевела дух. Было что-то в неподвижной фигуре этого мужчины, нагонявшее на нее страх. Теперь уже сама мысль о браке пугала ее. Но если она проявит изобретательность и будет бить на жалость, сыграет на его сочувствии, на воспоминаниях, возможно, ей удастся занять у него в долг. Скарлетт придала своему лицу обезоруживающее, детски-невинное выражение.

– Ах, Ретт, а вы ведь могли бы мне помочь... вы ведь иногда бываете таким милым.

– Больше всего на свете мне нравится быть... милым.

– Ретт, ради нашей старой дружбы окажите мне одну услугу.

– Что ж, наконец-то дамочка с мозолистыми ручками переходит к исполнению задуманного. Боюсь, что «посещение больных и заключенных» – не самая удачная ваша роль. Чего вам нужно? Денег?

Резкость и прямота его вопроса поставили крест на ее планах подойти к делу кружным путем и попытаться растопить его сердце.

– Зачем же так грубо, Ретт, – мягко заговорила Скарлетт. – Да, мне действительно нужны деньги. Я прошу вас одолжить мне триста долларов.

– Ну вот наконец и правда. На словах – любовь, а в голове – деньги. Боже мой, как это похоже на женщин! Вам очень нужны эти деньги?

– О да... ну, не то чтобы очень, но они бы мнегодились.

– Триста долларов. Приличная сумма. Зачем она вам?

– Заплатить налог за Тару.

– И вы хотите занять денег. Что ж, раз вы подошли к вопросу по-деловому, так же поступлю и я. Какое обеспечение вы можете мне предложить?

– Что-что?

– Обеспечение. Гарантия моих вложений. Я ведь не хочу потерять такую сумму. – Его голос приобрел обманчивую бархатистую задушевность, но Скарлетт этого не заметила. – Может, я еще выберусь отсюда, кто знает.

– Мои серьги.

– Серьги меня не интересуют.

– Я выдам вам закладную на Тару.

– И на кой черт мне ваша Тара?

– Ну... вы могли бы... ведь это прекрасная плантация! Вы ничего не потеряете. К тому же я расплачусь с вами с будущего урожая.

– Вот это вряд ли. – Ретт откинулся на стуле и засунул руки в карманы. – Цены на хлопок падают. Времена нынче тяжелые, с деньгами туго.

– Ретт, да вы просто издеваетесь надо мной! У вас денег – миллионы!

В его глазах заплясали злорадные огоньки.

– Рад слышать, что дела у вас идут хорошо и вам не очень нужны деньги. Я всегда радуюсь, когда у старых друзей все благополучно.

– О, Ретт, ради всего святого... – отчаянно залепетала Скарлетт, теряя остатки мужества и самообладания.

– Говорите тише, Скарлетт, вы же не хотите, чтобы вас услышали янки, не так ли? Вам кто-нибудь говорил, что у вас глаза как у кошки... как у кошки в темноте?

– Ретт, перестаньте! Я вам сейчас все объясню. Мне очень нужны деньги, просто ужасно. Я... я солгала, что все хорошо. На самом деле все плохо, хуже не бывает. Мой отец болен, он... он не в себе. У него начались странности, когда умерла мама, с тех пор от него помощи ждать не приходится. Он как ребенок. На плантации работать некому, а прокормить нужно тринадцать ртов. А налоги... налоги ужасно высокие. Ретт, я расскажу вам все. Уже больше года мы едва не умираем с голоду. Вы просто понятия не имеете! Да и откуда вам знать! У нас вечно не хватает еды, и вы не представляете, как это ужасно – просыпаться голодной и ложиться спать тоже голодной. Теплой одежды нет ни у кого, дети вечно мерзнут и болеют...

– Откуда у вас это красивое платье?

– Мы сшили его из маминых портьер, – ответила Скарлетт. Она так пала духом, что была уже не в силах солгать, чтобы скрыть этот позор. – Я терпела все – и голод, и холод, но теперь... теперь «саквояжники» страшно взвинтили налоги... И эти деньги нужно заплатить безотлагательно. А у меня ничего нет, кроме пяти долларов золотом. Мне нужно найти денег на налоги! Понимаете теперь? Если я не заплачу им, то... то мы потеряем Тару, а нам... мы просто не можем потерять ее! Я не могу расстаться с ней!

– Так отчего же вы не рассказали мне все это сразу, вместо того чтобы играть с моим сердцем? Вам отлично известно, что я питаю слабость к хорошеньким женщинам. О нет, Скарлетт, плакать не надо. Вы уже перепробовали все уловки, но ваших слез, боюсь, мне не вынести. Мое сердце и без того разрывается при мысли о том, что ко мне вас привели деньги, а не мое обаяние.

Она поспешно подняла на него взгляд, вспомнив, что в своих насмешках он часто говорил голую правду, насмехаясь над собой и над другими. Неужели и вправду задеты его чувства? Неужели она ему небезразлична? Неужели он как раз собирался предложить руку и сердце, когда увидел ее ладони? Или он так хитро подводил ее к тому, чтобы снова, уже в третий раз, сделать ей совсем другое – гнусное – предложение? Если она действительно дорога ему, может, ей еще удастся умаслить его. Но в его черных глазах, сверливших ее, не было ни капли любви. К тому же он еще и посмеивался.

– Мне не подходит ваше обеспечение. Какой из меня плантатор? Что еще вы можете предложить?

Ну вот и добрались. Ее выход. Скарлетт глубоко вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза. Сбросив с себя кокетство и притворство, она призвала все свои силы в преддверии того, чего боялась больше всего на свете.

– Еще... себя.

– Да?

Она воинственно вздернула подбородок, ее глаза превратились в изумруды.

– Помните ту ночь, на крыльце у тетюшки Питти, во время осады? Вы сказали... вы сказали, что хотите обладать мной.

Небрежно откинувшись на спинку стула, он внимательно наблюдал за ее напряженным лицом. Его собственное лицо, смуглое и неподвижное, оставалось совершенно непроницаемым. В глазах что-то промелькнуло, но он ничего не сказал.

– Тогда вы сказали, что никого еще не желали так сильно, как меня. Если вы по-прежнему желаете меня, то я готова. Ретт, я выполню все, что прикажете, только, бога ради, выпишите мне этот чек! Я свое слово сдержу. Клянусь вам, я согласна. И никогда не передумаю. Если хотите, даже расписку дам.

Он по-прежнему смотрел на нее странным, загадочным взглядом, и, торопливо договаривая свое предложение, Скарлетт никак не могла понять, привлекает оно Ретта или отталкивает. Если бы он хоть слово сказал, ну хоть что-нибудь! Она почувствовала, как запылали щеки.

– Ретт, мне нужны эти деньги как можно скорее. Они вышвырнут нас на улицу, и этот чертов бывший управляющий вселится в наш дом и...

– Одну минуту. С чего вы взяли, что я все еще хочу вас? И с чего вы взяли, что за вас стоит уплатить триста долларов? Редкая женщина стоит так дорого.

Сгорая от унижения, она покраснела до корней волос.

– Зачем вам все это нужно? Почему бы не расстаться с этой фермой и не переехать к мисс Питтипэт? В конце концов, половина дома принадлежит вам.

– Боже праведный! – закричала Скарлетт. – Да вы с ума сошли! Я не могу расстаться с Тарой. Это мой дом. Я ни за что его не отдам! Ни за что! Они заберут его только через мой труп!

– Ох уж эти ирландцы, – сказал Ретт, приведя стул в нормальное положение и вынув руки из карманов, – черт знает что за люди – все до одного. Вечно сходят с ума из-за полнейшей чепухи. Например, из-за земли. Любой кусок земли похож на любой другой. А теперь, Скарлетт, давайте поставим все на свои места. Вы пришли ко мне с деловым предложением. Я дам вам триста долларов, а вы станете моей любовницей.

– Да.

Теперь, когда это мерзкое слово было произнесено вслух, ей вдруг стало легче и снова появилась надежда. Он же сказал: «Я дам вам»! В его глазах горел дьявольский огонек, казалось, его что-то чертовски забавляет.

– Помнится, когда я имел наглость подойти к вам с этим предложением, вы выставили меня из дома. При этом вы обругали меня последними словами и вскользь упомянули, что не желаете обременять себя «кучей сопливых детишек». Нет, вы только не подумайте, моя дорогая, что я пытаюсь разбередить прошлое. Я всего лишь поражаюсь особенностям вашего ума. Вы отказались пойти на это ради удовольствия, но согласились, чтобы не пустить беду в дом... Это лишний раз подтверждает мое мнение о том, что у любой добродетели есть своя цена.

– Ах, Ретт, что вы такое говорите! Хотите меня оскорбить – оскорбляйте, только дайте денег!

Теперь уже она могла дышать свободно. На то он и Ретт Батлер: уж он не упустит возможности помучить ее, всеми возможными способами оскорбить ее чувства, чтобы поквитаться за старые обиды и за то, что она пыталась обмануть его сейчас. Она это стерпит. Стерпит все, что угодно. Тара стоит таких жертв. Ей вдруг показалось, что вокруг лето, над головой полуденное голубое небо, а она нежится на лужайке в Таре среди густых зарослей клевера, глядя на грозящиеся в вышине громады облаков, вдыхая аромат цветов и слушая успокоительное жужжание пчел. Полуденный воздух, тишина, нарушаемая лишь скрипом фургонов, возвращающихся с красных полей... Тара стоит этого, стоит даже большего. Скарлетт подняла голову.

– Так вы дадите мне денег?

Вид у него был до ужаса самодовольный, когда он с жестокой учтивостью ответил:

– Нет, не дам.

Ей показалось, что она ослышалась.

– Я не смог бы дать вам денег, даже если бы захотел. У меня нет ни цента. Ни единого доллара в Атланте. Кое-какие деньги у меня есть, но я вам не скажу, где и сколько. Стоит мне выписать хотя бы один чек, как янки возьмут меня за глотку, а эти деньги не достанутся ни мне, ни вам. Что вы на это скажете?

Ее лицо вдруг приняло безобразный зеленоватый оттенок, на носу проступили веснушки, а рот перекосялся, в точности как у Джералда, когда его обуреваемый убийственным гневом. Она вскопчила с бессвязным криком, и голоса в соседнем помещении внезапно стихли. Стремительно, словно пантера, Ретт подскочил к ней, одной рукой зажал ей рот, а другой крепко обхватил за талию. Она забилась как безумная в его цепких объятиях, пытаясь укусить за руку, ударить по ногам, выплеснуть в крике все свое бешенство, отчаяние и ненависть, агонию поруганной гордости. Она крутилась и извивалась, сопротивляясь его железной руке, ее сердце готово было разорваться, туго зашнурованный корсет врезался в ребра, не давая дышать. Ретт держал ее так крепко, так грубо, что ей стало больно, рукой, зажимавшей рот, он беспощадно сдавил ей челюсть. Его лицо побелело под загаром; не отводя от нее жестокого и тревожного взгляда, он поднял ее, оторвал от пола, прижал к своей груди и сел, удерживая ее отчаянно бьющееся тело у себя на коленях.

– Не надо, милая моя! Ради всего святого, перестаньте! Тише! Не кричите. Если не прекратите, они через минуту будут здесь. Успокойтесь. Вы же не хотите, чтобы янки увидели вас в таком состоянии?

Ей было уже все равно, кто ее увидит, ею владело одно-единственное желание – убить его, но на нее вдруг накатило головокружение. Она больше не могла дышать, он душил ее; корсет стремительно сжимающимися стальными обручами давил на грудь; чувствуя на себе его руки, она затряслась от неистовой и бессильной ненависти. Его голос вдруг зазвучал слабо и глухо, а лицо, склонившееся над ней, закружилось и стало тонуть в тошнотворном, все более сгущавшемся тумане, пока не исчезло совсем... пока все не исчезло.

Когда Скарлетт слабыми усилиями попыталась выплыть на поверхность, ее охватила нечеловеческая усталость, слабость и смятение. Она обнаружила, что полулежит, откинувшись на спинку стула, и шляпки на ней нет. Ретт похлопывал ее по запястью, его черные глаза беспокойно всматривались в ее лицо. Симпатичный молодой капитан пытался влить ей в рот стакан коньяку и пролил немного на шею. Остальные офицеры беспомощно толпились вокруг, перешептываясь и размахивая руками.

– Я... кажется, я лишилась чувств, – прошептала Скарлетт.

Ее голос звучал словно издали, и ей стало страшно.

– Выпей вот это, – сказал Ретт, взяв стакан и поднося его к ее губам. Она все вспомнила и попыталась бросить на него негодующий взгляд, но весь ее гнев выдохся, сменившись усталостью. – Прощу тебя, ради меня.

Скарлетт сделала глоток, поперхнулась и закашлялась, но он снова подтолкнул стакан к ее губам. Она сделала большой глоток, и огненная жидкость внезапно обожгла ей горло.

– Думаю, теперь ей лучше, господа, – сказал Ретт, – я вам очень благодарен. Она не смогла вынести вести о моей скорой казни.

Переминаясь с ноги на ногу и смущенно покашливая, группа в синих шинелях постояла в замешательстве и наконец ретировалась из комнаты. Молодой капитан задержался в дверях.

– Если я могу еще чем-нибудь помочь...

– Нет, благодарю.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

– Выпейте еще, – сказал Ретт.

– Нет.

– Пейте.

Скарлетт сделала еще один глоток, и тепло побежало по всему телу, а в ее трясущиеся ноги стали возвращаться силы. Она оттолкнула стакан и попыталась встать, но Ретт толкнул ее обратно на стул.

– Руки прочь. Я ухожу.

– Не торопитесь. Обождите еще минутку, а то вдруг вам снова станет дурно.

– Уж лучше я грохнусь в обморок на улице, чем останусь здесь, с вами, еще хоть на минуту.

– Нет, я ни в коем случае не позволю вам грохнуться в обморок на улице.

– Пустите. Я вас ненавижу.

При этих словах на его лице промелькнула легкая улыбка.

– Вот это уже больше похоже на вас. Видимо, вам уже лучше.

Скарлетт немного посидела в неподвижности, пытаясь призвать на помощь гнев и собраться с силами, но усталость одолела ее. Она была уже не в силах ненавидеть и даже принимать что-либо близко к сердцу. Мысль о понесенном поражении давила на нее свинцом. Она поставила на карту все и все проиграла. Не осталось даже гордости. Это был конец последней надежды. Конец Тары, конец для всех них. Она долго сидела с закрытыми глазами, откинувшись на спинку стула, чувствуя рядом его тяжелое дыхание. Коньяк постепенно согревал ее тело, придавая обманчивое ощущение бодрости. Когда она наконец открыла глаза и взглянула на него, гнев вспыхнул с новой силой. Увидев, как ее брови вразлет нахмуренно сошлись на переносье, Ретт вновь улыбнулся знакомой улыбкой.

– Ну вот, теперь, судя по вашей сердитой физиономии, вам действительно лучше.

– Конечно, мне лучше, Ретт Батлер. Мерзавец, гнусный негодяй, хуже вас на свете никого нет! Вы с самого начала знали, о чем пойдет речь, и с самого начала вы знали, что не дадите мне денег. И все равно вы меня не остановили. Вы могли бы избавить меня...

– Избавить? И пропустить все, что вы тут наговорили? Да ни за что! Я здесь совершенно лишен развлечений. Уж и не помню, когда я в последний раз получал такое удовольствие.

Он рассмеялся своим привычным едким смешком. Скарлетт тут же вскочила на ноги и схватила шляпку.

Он мгновенно обхватил ее за плечи.

– Не сейчас. Вы в состоянии говорить здраво?

– Выпустите меня!

– Я вижу, вы в полном порядке. В таком случае ответьте мне на один вопрос. Я был единственным патроном в вашей амуниции?

– Что вы хотите сказать?

– Этот трюк вы решили испытать только на мне?

– А вам-то что за дело?

– Мне до всего есть дело, не сомневайтесь. Есть у вас на примете другие мужчины? Ответьте!

– Нет.

– Не может быть. Поверить не могу, что у вас нет пяти-шести кавалеров в запасе. Наверняка вскоре кто-то появится и примет ваше интересное предложение. Я настолько твердо в этом уверен, что хочу дать вам небольшой совет.

– Обойдусь без ваших советов.

– И все же вы его получите. Похоже, в настоящий момент это единственное, что я могу вам дать. Прислушайтесь, это очень дельный совет. Если вам что-то требуется от мужчины, не огорошивайте его сразу, как меня сейчас. Старайтесь действовать тоньше, пустите в ход свои чары. Результат не заставит себя ждать. Когда-то это у вас неплохо получалось. А сейчас, когда вы предложили мне ваше... э-э-э... обеспечение под мои деньги, вид у вас был... м-м-м... слишком уж бесчувственный. Вот такие глаза, как ваши, я видел над дулом дуэльного

пистолета в двадцати шагах от себя: не самое приятное зрелище, доложу я вам. Такой взгляд уж точно не разожжет огня в мужской груди. Это не лучший способ приручить мужчину, моя дорогая. Вы стали забывать, чему вас учили в юности.

– Я не нуждаюсь в ваших советах насчет того, как мне себя вести, – ответила она, устало надевая шляпку.

Удивительно, как он ухитряется так беспечно дурачиться с веревкой на шее, да еще после того, как она рассказала ему о своем бедственном положении. Скарлетт даже не заметила, как, спрятав руки в карманах, он стискивает их в кулаки, словно злясь на себя за бессилие.

– Выше нос, – посоветовал он, пока она завязывала шляпку. – Почему бы вам не прийти поглазеть, как меня будут вешать? Уверен, это сразу поднимет вам настроение, поможет одним разом свести все счета со мной... включая нынешний. Ну а я упомяну вас в завещании.

– Спасибо за приглашение, но ведь они могут и не успеть повесить вас ко времени уплаты налогов, – совершенно искренне ответила Скарлетт со злорадством, ничуть не уступающим его собственному.

Глава 35

Когда она вышла на улицу, небо было затянуто тучами, шел дождь. Солдаты на площади укрылись по баракам, улицы опустели. Во всей округе не было ни единого экипажа, и ей стало ясно, что весь долгий путь до дома придется проделать пешком.

Пока Скарлетт брела по дороге, согревающее действие коньяка закончилось. Холодный ветер пробирал ее до костей, ледяные колючие капли били прямо в лицо. Тонкая накидка тетюшки Питти быстро промокла насквозь и облепила ее тело тяжелыми складками. Она знала, что бархатное платье безнадежно испорчено, а что до перьев на шляпке, то они обвисли, в точности как когда-то свисали у их бывшего владельца на скотном дворе в Таре. Кирпичи на тротуаре давно растрескались, кое-где их не было вообще. В этих пролетах грязь была по щиколотку, туфли Скарлетт увязали в ней, как в клею, и даже срывались с ног. Каждый раз, когда она нагибалась, чтобы вытащить обувь, подол платья оказывался в грязи. Она даже не пыталась обходить лужи и в оцепенении ступала прямо по ним, волоча отяжелевшие юбки. Лодыжки, облепленные панталонами, леденели при каждом шлепке промокнувшей нижней юбки, но теперь ей уже не было никакого дела до гибели наряда, на который она возлагала столько надежд. Она вся продрогла и совершенно пала духом.

Что же ей теперь делать, как вернуться в Тару? Как она посмотрит всем в глаза, наобещав с три короба и ничего не сделав? Как сказать, что теперь им всем нужно... куда-то деться? Как ей проститься с красными полями, высокими соснами, темными болотными низинами, тихим кладбищем, где под тенью густых кедров покоится Эллин?

Ненависть к Ретту сжигала ей сердце, пока она тяжело плелась по скользкой дороге. Какой неслыханный негодяй! Она от души надеялась, что его повесят, что после перенесенного по его вине позора и унижения ей никогда больше не придется видеть его снова. Конечно, стоило ему только захотеть, и он нашел бы для нее денег. Повесить его мало! Слава богу, он не видит ее сейчас – в промокнувшей до нитки одежде, с растрепавшимися волосами и стучащими от холода зубами. Сейчас, когда она выглядит как пугало огородное, он бы точно посмеялся!

Встречавшиеся по дороге негры нагло скалились ей вслед и обменивались шуточками, пока она спешила побыстрее пройти мимо них, оступаясь и скользя в грязи, останавливаясь перевести дух и надеть туфли. Да как они смеют смеяться над ней, эти черные обезьяны! Как могут ухмыляться, когда перед ними сама Скарлетт О'Хара, хозяйка Тары! Вот бы их всех высечь, да так, чтобы кровь хлестала по спинам. Какого черта янки дали им свободу – свободу глумиться над белыми!

Она свернула на улицу Вашингтона, и окружающая обстановка показалась ей такой же мрачной и унылой, как то, что творилось у нее на душе. Здесь не было ни суеты, ни оживления, замеченных ею раньше на Персиковой улице. Когда-то и здесь стояло много красивых домов, но восстановлены были лишь немногие. На каждом шагу взгляд натывался на наводящие тоску закопченные фундаменты и одиноко чернеющие печные трубы, прозванные «часовыми Шермана». Заросшие тропинки вели туда, где когда-то стояли дома, – к заглушенным бурьяном лужайкам, к столбам ворот со знакомыми до боли фамилиями, к тумбам коновязи, которым уже никогда не суждено служить своему прямому назначению. Холодный ветер и дождь, грязь и голые деревья, тишина и заброшенность. Господи, как промокли ноги, а идти еще так далеко!

Заслышав за спиной чавкающие по грязи копыта, Скарлетт отступила подальше от края тротуара, чтобы окончательно не заляпать накидку тетюшки Питтипэт. По дороге медленно ползла запряженная одной лошадью двуколка, и она обернулась посмотреть, кто это едет, полная решимости напроситься в экипаж, если на козлах кто-то из белых. Из-за дождя перед глазами висела сплошная пелена, но она все же заметила взгляд возницы из-под брезента, натянутого от деревянного бортика почти до самого его подбородка. Лицо хозяина двуколки

показалось ей смутно знакомым. Выйдя на дорогу, чтобы рассмотреть его поближе, Скарлетт услышала смущенное покашливание, а затем хорошо знакомый голос, полный радости и удивления:

– Не может быть! Да это же мисс Скарлетт!

– Мистер Кеннеди! – вскричала она и, шлепая прямо по грязи, совершенно позабыв о чужой накидке, прислонилась к грязному колесу. – Никогда в жизни я не была так рада встретить знакомого!

Он порозовел от удовольствия, заслышав искреннюю радость в ее словах, поспешно сплюнул табак на другую сторону дороги, проворно соскочил на землю, восторженно пожал руку Скарлетт и, приподняв брезент, помог ей забраться в экипаж.

– Мисс Скарлетт, как вы здесь оказались, да к тому же одна? Разве вы не знаете, как тут по нынешним временам опасно? И вы насквозь промокли. Вот, укутайте ноги.

Пока он возился с ней, кудачтая как насадка, Скарлетт позволила себе немного понежиться в согревающих лучах мужского внимания. До чего же приятно, когда вокруг тебя суетится, ворчит и брюзжит мужчина, пусть даже всего лишь Фрэнк Кеннеди – эта старая дева в штанах. Вдвойне приятно после того, как жестоко обошелся с ней Ретт. И, о боже, какое же это счастье – встретить кого-то из соседей так далеко от дома! Она заметила, что он хорошо одет и управляет новым экипажем, запряженным молодой, хорошо откормленной лошадей. Только сам Фрэнк, увы, выглядел намного старше своих лет, еще старше, чем в тот сочельник, когда он со своими людьми приезжал в Тару. Он еще больше похудел, лицо осунулось, желтые глаза, глубоко запавшие в складки морщинистой кожи, слезились, рыжая борода, залитая табачной жижей, совсем поредела и топорщилась как щипаная пакля. Тем не менее его бодрая и жизнерадостная физиономия была отрадой для глаз в отличие от скорбных, озабоченных и усталых лиц, которые повсюду встречала Скарлетт.

– Я так рад снова видеть вас, – сердечно признался Фрэнк. – Даже не знал, что вы в городе. Всего на прошлой неделе виделся с мисс Питтипэт, но она и словом не обмолвилась о вашем приезде. А... э-э-э... кто-нибудь еще приехал с вами из Тары?

Этот старый дурак имел в виду Сьюлин.

– Нет, – ответила Скарлетт, закутываясь в теплую полсть и пытаясь натянуть ее до самого подбородка. – Я одна приехала. Нагрязнела, не предупредив тетю Питти.

Он причмокнул, подгоняя лошадь, и та поплелась дальше, осторожно выбирая, куда ступить на скользкой дороге.

– В Таре все здоровы?

– Да, все в порядке.

Надо было придумать тему для разговора, а у нее совершенно не было сил думать. После только что перенесенного поражения голова была словно налита свинцом, хотелось лишь свернуться под этой теплой полстью и сказать себе: «Я не буду сейчас думать о Таре. Я подумаю о ней потом, когда будет не так больно». Вот бы найти такую тему, чтобы он говорил без умолку до самого дома, а ей оставалось лишь иногда вставлять что-то вроде: «Как мило» или: «Какой же вы умный».

– Мистер Кеннеди, я так удивилась, увидев вас здесь. Знаю, нехорошо с моей стороны не поддерживать связь со старыми друзьями, но я понятия не имела, что вы в Атланте. Кажется, кто-то мне говорил, что вы в Мариетте.

– У меня дела в Мариетте, очень много дел, – ответил он. – Но разве мисс Сьюлин не рассказывала вам, что я переехал в Атланту? Разве она не говорила про мою лавку?

Скарлетт смутно припомнила, как Сьюлин что-то щебетала о Фрэнке и его лавке, но она никогда не обращала внимания на болтовню Сьюлин. Ей достаточно было знать, что Фрэнк жив и в один прекрасный день она сбудет ему Сьюлин с рук на руки.

– Нет, ни слова, – солгала она. – А у вас есть своя лавка? Какой же вы умный!

Он помрачнел, услышав, что Сьюлин ничего не рассказала, но тут же просиял от лестных слов.

– Да, у меня есть своя лавка, и даже очень неплохая, как мне кажется. Говорят, у меня от рождения есть коммерческая жилка. – Он рассмеялся довольным дребезжащим смешком, всегда раздражавшим Скарлетт.

«Старый хвостун», – подумала она.

– О, да у вас любое дело горит в руках, мистер Кеннеди. Как же вам удалось открыть лавку? На позапрошлом Рождество вы говорили, у вас нет ни цента.

Он прочистил горло хриплым кашлем, почесал бородку и улыбнулся своей застенчивой, нервной улыбкой.

– Это долгая история, мисс Скарлетт.

«Ну, слава богу! – подумала она. – Может, это займет его как раз до самого дома». И добавила вслух:

– Прошу вас, расскажите!

– Помните тот день, когда мы приехали в Тару в поисках провианта? Вскоре после этого я поступил на действительную военную службу. Пошел на войну. Хватит, решил я, заниматься интендантством. Да и какой в нем толк, мисс Скарлетт, когда нам с трудом удавалось хоть что-то наскрести для армии, к тому же я подумал, что место крепкого мужчины на передовой. Я сражался в рядах кавалерии, пока не получил пулевое ранение в плечо.

Его просто распирало от гордости, и Скарлетт встала:

– Боже, какой ужас!

– Все обошлось, кость осталась цела, – пренебрежительно отмахнулся он. – Меня отправили в госпиталь на юг, а когда дело уже шло к выписке, в город нагрянули янки. Ох и лихо же нам тогда пришлось! Все произошло внезапно, поэтому все ходячие из госпиталя отправились помогать выносить припасы с военных складов и медицинское оборудование к железнодорожным путям, чтобы все вывезти. Мы как раз загрузили один поезд, когда янки ворвались в город с одного конца, а мы давай удираť с другого. Печальное это было зрелище: сидим мы на крыше вагона и смотрим, как янки жгут те припасы, что мы не сумели унести со склада. Мисс Скарлетт, мы выложили вдоль путей припасов на полмили, а они все сожгли. Нам только и оставалось, что спасать свои шкуры.

– Боже, как это ужасно!

– Вот именно ужасно. А потом наши парни вернулись в Атланту, и наш поезд сюда же отправили. Это было незадолго до конца войны, мисс Скарлетт, и... осталось много посуды, кроватей, матрасов, одеял, и никто за ними не приходил. Я так полагаю, что по праву все это принадлежало янки. Таковы были условия капитуляции...

– Угу, – рассеянно кивнула Скарлетт. Она уже немного согрелась, и ее клонило в сон.

– Даже не знаю, правильно ли я поступил, – как бы извиняясь, продолжал Фрэнк. – Но я подумал и решил, что янки это добро все равно ни к чему. Скорее всего, они бы все сожгли. А наши платили хорошие деньги, и еще я подумал, что эти вещи должны принадлежать Конфедерации или конфедератам. Вы ведь понимаете, о чем я?

– Угу.

– Как хорошо, что вы согласны со мной, мисс Скарлетт. У меня будто камень с души свалился. Мне многие говорили, мол, не бери в голову, Фрэнк, но я так не могу. Как бы я потом смотрел в глаза людям, зная, что поступил неправильно? Как вы думаете, я правильно поступил?

– Конечно, – ответила Скарлетт, не понимая, о чем болтает этот старый дурак. О какой-то борьбе с совестью. В его-то возрасте мужчине уже пора бы научиться не беспокоиться по пустякам. Но Фрэнк всегда был такой – нервный, суетливый, настоящая старая дева.

– О, благодарю вас за поддержку. После капитуляции у меня было всего десять долларов серебром и больше ни гроша. К тому же вам известно, что янки сотворили с моим домом и лавкой в Джонсборо. Я просто не знал, как жить дальше. Вот я и потратил эти десять долларов на ремонт крыши старой лавки у Пяти Углов, перевез туда все больничное оборудование и стал его продавать. Посуда, кровати, матрасы нужны были всем, и я продавал их по дешевке, потому что вещи-то все равно были не мои, а... общие. Так я заработал немного денег и еще кое-чего прикупил, так что в лавке дела пошли как по маслу. Я на этом деле надеюсь заработать много денег.

При слове «деньги» Скарлетт тут же насторожилась, мысли у нее в голове прояснились.

– Так вы говорите, вам удалось заработать денег?

Фрэнк прямо-таки расцвел, заметив ее интерес. Женщины, если не считать Сьюлин, обращали на него не больше внимания, чем требовала простая учтивость, и ему очень польстило, что такая красавица, как Скарлетт, жадно ловит его слова. Он придержал лошадь, чтобы та шла помедленнее, так сильно ему хотелось рассказать историю до конца, прежде чем они доберутся до дому.

– Я не миллионер, мисс Скарлетт, да и по сравнению с тем, что у меня было прежде, нынешние мои доходы кажутся просто смешными. Но в этом году мне удалось заработать тысячу долларов. Половину суммы я, конечно, потратил на закупку товаров, ремонт лавки и аренду. Но у меня на руках осталось пятьсот долларов чистыми, дела идут хорошо, и на будущий год я рассчитываю получить две тысячи чистой прибыли. И даже знаю, как их использовать. Есть у меня в запасе еще один проект.

Как только разговор зашел о деньгах, у Скарлетт моментально вспыхнул интерес. Она кокетливо опустила свои густые, загибающиеся кверху ресницы и немного придвинулась к нему.

– Что за проект, мистер Кеннеди?

Он засмеялся и ударил лошадь вожжами.

– Я, наверно, утомил вас разговорами о делах, мисс Скарлетт. К чему таким хорошеньким девушкам, как вы, обременять себя подобными материями?

Старый дурак!

– Я, конечно, в делах ничего не смыслю, но все это так интересно! Расскажите мне все, прошу вас, а если что-то будет непонятно, я попрошу разъяснить.

– Я подумываю о лесопилке.

– О чем?

– О лесопилке, где разделявают бревна и шлифуют доски. Я ее еще не купил, но собираюсь. Есть один человек по имени Джонсон, хозяин лесопилки – это уже за городом, на Персиковой дороге, – так вот он горит желанием продать ее. Ему срочно понадобились наличные, и он готов продать лесопилку и даже остаться на ней работать уже на меня, если я буду ему платить каждую неделю. Это одна из немногих лесопилок, уцелевших во всей округе после разгрома. В наше время владеть лесопилкой – все равно что золотыми рудниками, ведь нынче за древесину можно запросить любую цену. Янки пожгли большинство домов в округе, людям надо где-то жить, а жилья не хватает, вот все и помешались на строительстве. Все хотят достать пиломатериалов, да поскорее, а где же их взять? Люди стекаются в Атланту со всех сторон: наши фермеры не в силах обработать землю без своих негров, вот и хотят попытать счастья в городе, ну а янки да «саквояжники», те, само собой, никак не успокоятся, пока не обдерут нас как липку. Вот попомните мое слово, Атланта скоро станет крупным городом. Им всем понадобится строительный материал, и я твердо намерен купить эту лесопилку, как только... как только мне заплатят мои должники. Через год, надеюсь, мне уже удастся вздохнуть свободнее, не придется считать каждый цент. Вы... вы ведь понимаете, зачем я все это... для чего хочу быстро заработать денег?

Он покраснел и снова хихикнул.

«Он имеет в виду Сьюлин», – с раздражением сказала себе Скарлетт.

Она было подумала одолжить у него три сотни, но тут же устало отвергла эту мысль. Оказавшись в неловком положении, он смутится, еще заикаться начнет, найдет тысячу отговорок, но денег ей не даст. Он много работал ради этих денег, чтобы весной жениться на Сьюлин. А если он ссудит эти деньги ей в долг, свадьбу придется отложить на неопределенный срок. Даже если бы ей удалось, сыграв на сострадании и обязательствах перед будущими родственниками, вырвать у него согласие на заем, она знала, что Сьюлин этого не допустит. Сьюлин до смерти боится остаться старой девой, она горы свернет, но свадьбу отложить не позволит.

И что привлекает этого старого дурака в ее вечно ноющей, вечно всем недовольной сестрице, почему он так жаждет свить ей уютное гнездышко? Сьюлин не заслуживает любящего мужа и доходов с лавки и лесопилки. Попади ей в руки хоть немного денег, Сью тут же задерет нос и не даст ни цента для поддержания Тары. На то она и Сьюлин! Она сочтет, что ее все это не касается, и слезинки не прольет, если Тару продадут за долги или она сгорит дотла: главное, чтобы у самой Сьюлин были новые наряды, а перед фамилией стояло слово «миссис».

Стоило Скарлетт представить обеспеченное будущее Сьюлин в сравнении со своим собственным шатким положением и опасностью, грозящей Таре, как ее охватил гнев на вопиющую несправедливость судьбы. Поспешно, чтобы Фрэнк не разглядел выражения ее лица, она отвернулась и выглянула из двуколки на улицу. Ей суждено лишиться всего, что у нее есть, в то время как Сью... И тут Скарлетт приняла решение.

Сьюлин не получит ни Фрэнка, ни его лавку, ни его лесопилку!

Сьюлин не заслуживает этих благ. Все это достанется ей самой. Скарлетт подумала о Таре, вспомнила, как Джонас Уилкерсон, словно гремучая змея, вполз на ее порог, и ухватила за последнюю соломинку, последнюю надежду на спасение. Ретт предал ее, но Бог ей послал Фрэнка.

«А вот смогу ли я заполучить его? – Невидящим взглядом смотрела она сквозь дождь, сжав руки в кулаки. – Смогу ли я заставить его быстро забыть Сью и сделать предложение мне? Уж если мне почти удалось окрутить Ретта, с Фрэнком я точно справлюсь! – Она исподлобья окинула Фрэнка оценивающим взглядом. – Он, конечно, не красавец, – хладнокровно сказала себе Скарлетт, – и зубы у него скверные, изо рта дурно пахнет, а по возрасту он мне в отцы годится. К тому же он нервный, робкий и до ужаса добропорядочный, по мне, хуже для мужчины качеств просто не бывает. Зато он джентльмен, и, полагаю, жить с ним будет куда легче, чем с Реттом. Да, конечно, справиться с ним будет много проще. И вообще, нищие не выбирают».

Ее совершенно не смущало, что речь идет о женихе Сьюлин. Отправляясь в Атланту на встречу с Реттом, она уже попрапа все моральные принципы, которым ее учили с детства, и теперь присвоение жениха сестры показалось ей делом мелким, не стоящим внимания.

Воспрянув духом, Скарлетт выпрямила спину и совершенно позабыла о холоде и промокших ногах. Она прищурилась и так пристально посмотрела в глаза Фрэнку, что он встревожился и занервничал. Скарлетт тут же отвела глаза, вспомнив слова Ретта: «Вот такие глаза, как ваши, я видел над дулом дуэльного пистолета... Такой взгляд уж точно не разожжет огня в мужской груди».

– Что случилось, мисс Скарлетт? Вам холодно?

– Да, – жалобно ответила она. – Вы не будете возражать, если... – Тут Скарлетт смущенно запнулась. – Вы не будете возражать, если я погрею руки в вашем кармане? Очень холодно, а моя муфточка совсем промокла.

– Что? Э-э-э... конечно нет! О, да у вас и перчаток нет! Боже, какой же я бесчувственный болван! Болтаю без умолку, когда вы, должно быть, совсем замерзли и мечтаете согреться у

огня. Ну же, Салли! Да, кстати, мисс Скарлетт, я так увлекся болтовней о своих делах, что даже не спросил, как вы оказались здесь, да еще и по такой погоде?

– Я была в штабе янки, – брякнула она, не подумав.

Его рыжие брови поползли вверх от изумления.

– Но, мисс Скарлетт! Там же солдаты... Зачем... «Пресвятая Богородица, помоги мне придумать правдоподобную ложь», – взмолилась Скарлетт. Фрэнк ни в коем случае не должен знать, что она ходила к Ретту. Фрэнк считал Ретта последним негодяем, к которому порядочных женщин даже близко подпускать небезопасно.

– Я... я... всего-навсего хотела узнать, не купит ли кто из офицеров мое рукоделье для своих жен. Я очень хорошо вышиваю.

Он в ужасе уставился на нее, откинувшись на сиденье. Видно было, как в нем борются негодование и замешательство.

– Вы ходили к янки... Но, мисс Скарлетт! Вам не следовало так поступать! Зачем же... зачем... Ваш батюшка, уж конечно, ничего об этом не знает! А мисс Питтипэт...

– Я умру, если вы скажете хоть слово тете Питти! – воскликнула Скарлетт с искренним ужасом, и слезы брызнули у нее из глаз.

Пустить слезу было проще простого – она вся продрогла и чувствовала себя несчастной, – но эффект оказался просто поразительным. Начни она перед ним раздеваться, Фрэнк вряд ли пришел бы в большее смятение. Он несколько раз прищелкнул языком, приговаривая: «Ах, боже мой!» – и беспомощно всплескивая руками. Ему в голову вдруг пришла отчаянная мысль: вот бы привлечь ее к себе, чтобы она положила голову ему на плечо, обнять, приласкать... Но он никогда еще не позволял себе таких вольностей и даже не знал, с чего начать. Скарлетт О'Хара, всегда такая веселая и очаровательная, сидит в его двуколке и плачет. Скарлетт О'Хара, неприступная гордочка, пытается продать свои вышивки янки. Сердце у него разрывалось от боли.

Она продолжала рыдать, изредка вставляя бессвязные слова, из которых он понял, что дела в Таре плохи. Мистер О'Хара по-прежнему не в себе, еды на всех не хватает. Вот она и решила приехать в Атланту в надежде заработать немного денег для себя и своего сына. Фрэнк снова прищелкнул языком и тут вдруг обнаружил, что ее голова лежит у него на плече. Он никак не мог понять, как это вышло. Сам он точно ничего для этого не сделал, однако же вот она, Скарлетт, беспомощно рыдает у него на груди – непривычное и необычайно волнующее ощущение. Он застенчиво погладил ее по плечу, сначала робко – она не оттолкнула его, затем смелее и решительнее. Какая же она беззащитная, эта милая и нежная маленькая женщина! Какая смелая и какая глупенькая! Подумать только – зарабатывать деньги вышиванием! Но иметь дело с янки... это уже слишком.

– Я ничего не скажу мисс Питтипэт, но пообещайте мне, мисс Скарлетт, что вы не совершите больше ничего подобного. Одна мысль о том, что дочь вашего отца...

Ее влажные зеленые глаза смотрели на него с беспомощной мольбой.

– Но, мистер Кеннеди, должна же я что-то делать. Мне нужно заботиться о моем бедном сыне, мы ведь теперь остались одни.

– Вы храбрая девочка, – сказал он, – но я не допущу, чтобы вы занимались подобными вещами. Ваша семья просто умрет от стыда.

– Что же мне тогда делать? – Полные слез глаза смотрели на него с такой надеждой и доверием, она так жадно ловила каждое его слово, словно ждала от него ответов на все свои вопросы.

– Точно я пока сказать не могу. Но непременно что-нибудь придумаю.

– Да-да, непременно придумаете! Вы ведь такой умный... Фрэнк.

Никогда раньше она не называла его по имени, и, услышав его сейчас, он был приятно поражен. Бедная девочка так расстроена, что, вероятно, сама не заметила собственной воль-

ности. Ему всем сердцем хотелось проявить к ней участие, помочь ей, защитить ее. Он решил, что непременно сделает для сестры Сьюлин О'Хара все возможное. Вынув из кармана красный носовой платок, Фрэнк протянул его Скарлетт. Она вытерла слезы и улыбнулась ему дрожащей улыбкой.

– Я просто глупая гусыня, – сконфуженно призналась она. – Простите меня, прошу вас.

– Никакая вы не глупая гусыня. Вы очень храбрая маленькая леди и несете слишком тяжелую ношу. Боюсь, мисс Питтипэт здесь вам ничем не поможет. Я слышал, она лишилась почти всего своего состояния, да и у мистера Генри Гамильтона дела обстоят не лучше. Жаль, что у меня нет своего дома, тогда бы я предложил вам кров. Но вы должны помнить, мисс Скарлетт: как только мы с мисс Сьюлин поженимся, у нас всегда найдется место для вас и малыша Уэйда Хэмптона.

Пора! Видимо, ангелы и святые помогают ей, раз выдалась такая чудесная возможность. Напустив на себя изумленный и смущенный вид, Скарлетт уже открыла рот, словно собираясь что-то сказать, и тут же поспешно закрыла.

– Только не говорите мне, будто вы не знали, что этой весной я стану вам шурином, – неловко пошутил Фрэнк, но, заметив, как ее глаза наливается слезами, тревожно спросил: – В чем дело? Мисс Сьюлин здорова, с ней все в порядке?

– О нет! Нет!

– Тут что-то не так. Вы должны рассказать мне.

– О нет, я не могу! Я не знала! Я думала, вы знаете... Я была уверена, что она вам написала... Боже, как это жестоко!

– Мисс Скарлетт, о чем вы?

– О, Фрэнк, я не собиралась и словом упоминать об этом, но я же думала, что вы, конечно, уже все знаете, что она вам написала...

– Написала? О чем? – спросил он, весь дрожа.

– Как она могла так поступить с таким замечательным человеком, как вы!

– Что она сделала?

– Она ни о чем вам не написала? О, я понимаю. Видимо, ей было слишком стыдно писать вам об этом. Еще бы ей не было стыдно! Боже, какая же у меня жестокая сестра!

Фрэнк был уже не в состоянии задавать вопросы. Он просто сидел, опустив вожжи, и смотрел на нее. Его лицо посерело.

– В следующем месяце она выходит замуж за Тони Фонтейна. Фрэнк, мне так жаль! Так неловко, что вы узнали все от меня. Она просто устала ждать и побоялась остаться старой девой.

Мамушка, стоя на пороге, наблюдала, как Фрэнк помогает Скарлетт сойти с двуколки. Она явно стояла там уже довольно давно: тюрбан у нее на голове намок, на старенькой шали, в которую она куталась, тоже остались следы дождя. Ее морщинистое черное лицо представляло собой маску гнева и мрачных предчувствий, а нижняя губа была выпячена дальше, чем Скарлетт помнилось с самого детства. Она кинула быстрый взгляд на Фрэнка и, узнав его, сменила гнев на милость.

Теперь на ее лице отразились радость, смущение и что-то вроде вины. Мамушка вперевалку подошла к Фрэнку, приветствуя его с радостной улыбкой, а когда он пожал ей руку, присела в реверансе.

– Ох, до чего же хорошо увидеть близкого соседа! – воскликнула она. – Как поживаете, миста Фрэнк? На вид – очень даже ладно да важно! Знай я, что мисс Скарлетт с вами, душа моя была бы спокойна. Я бы знала, что об ней есть кому позаботиться. А тут прихожу, а ее и нету, а я и знать не знаю, где она да что с ней, вот и заметалась туда-сюда, ровно цыпленок с

отшибленной головой, на улицах-то полно нахальных негров. Что же это вы, девочка моя, на улицу вышли, а мне и ни словечка? Вы ж у меня с простудой лежали!

Скарлетт украдкой подмигнула Фрэнку, и он, несмотря на только что обрушившуюся на него страшную новость, нашел в себе силы улыбнуться, понимая, что она призывает его к молчанию и делает участником весьма лестного заговора.

– Отправляйся наверх, Мамушка, да приготовь мне сухую одежду, – распорядилась Скарлетт. – И горячего чаю подай.

– Господи, господа, платье-то новое совсем испорчено, – заворчала Мамушка. – Ох, сколько же теперь придется его сушить да чистить к сегодняшней свадьбе!

Она ушла в дом, а Скарлетт наклонилась к Фрэнку поближе и сказала:

– Приходите сегодня к ужину. Нам здесь так одиноко. А после ужина мы отправляемся на свадьбу. Я прошу вас нас сопровождать! И, бога ради, ничего не говорите тетушке Питти о... о Сьюлин. Ее это сильно расстроит, да и я не вынесу, если она узнает...

– Что вы, что вы, ничего не скажу! – затараторил Фрэнк, вздрагивая от одной только мысли об этом.

– Вы были так добры ко мне сегодня, так помогли мне. Теперь я снова чувствую себя храброй.

Она сжала ему руку на прощание и одарила залповым огнем своих зеленых глаз.

Поджидавшая под самой дверью Мамушка окинула Скарлетт загадочным взглядом и, пыхтя, последовала за своей питомицей в спальню. Там она молча помогла Скарлетт снять мокрую одежду, развесила все на стульях и запихнула ее в постель. Затем она принесла чашку горячего чая и укутанный во фланель горячий кирпич и самым близким к покаянию тоном, какой Скарлетт когда-либо приходилось от нее слышать, сказала:

– Что же вы, овечка моя, не рассказали своей Мамушке, что задумали? Уж тогда бы я не потащилась за вами в эту Ланту. Уж больно я старая да толстая для таких поездок, нету у меня сил за вами бегать.

– О чем это ты?

– Милая моя, меня не проведешь, я ж вас насквозь вижу. Видела, как миста Фрэнк на вас глядел, вот только что, и личико ваше преотлично разглядела: я ж по нему читаю как по писаному. И что вы ему шепнули про мисс Сьюлин, тоже слышала. Знала бы, что вы глаз положили на миста Фрэнка, я бы дома осталась.

– Что ж, – только и сказала Скарлетт, свернувшись калачиком под одеялами и прекрасно понимая, что сбивать Мамушку со следа бесполезно. – А ты про кого подумала?

– Я не знала, что и думать, девочка моя, просто мне ваш взгляд вчера уж больно не понравился. Да вспомнилось мне, как мисс Питти писала мисс Мелли об этом негодяе Батлере, что у него, мол, денег много. Я всегда все помню. А миста Фрэнк – другое дело, он же жентмун, хоть и не красавец.

Скарлетт бросила на нее проницательный взгляд, но Мамушка осталась невозмутимой, как всеведущий Бог.

– И что же ты теперь собираешься делать? Разболтаешь все Сьюлин?

– Я помогу вам поладить с миста Фрэнком. Всем, чем смогу, – ответила Мамушка, укутывая Скарлетт в одеяла до самой шеи.

Пока Мамушка возилась в комнате, Скарлетт лежала тихо, радуясь, что старая нянька понимает ее без слов. Мамушка не стала ее попрекать, не потребовала объяснений. Она сразу все поняла и промолчала. Оказалось, что Мамушка оценивает положение еще более трезво, чем сама Скарлетт. Когда опасность грозила ее любимице, старые, испещренные пятнышками, мудрые глаза смотрели глубоко и все видели ясно, с прямоотой дикаря или ребенка, не замутненной понятиями о совести. Скарлетт была ей роднее собственной дочери, а раз ее доченька чего-то хочет, пусть даже это чужая игрушка, Мамушка была готова любыми путями помочь

ей заполучить желаемое. Ей и в голову не приходило задуматься о правах Сюлин и Фрэнк Кеннеди, она разве что угрюмо усмехнулась бы про себя. Скарлетт в беде и пытается из нее выбраться, к тому же Скарлетт – любимое дитя мисс Эллин. Мамушка встала на ее сторону, не колеблясь ни минуты.

Скарлетт почувствовала ее молчаливую поддержку, грея ноги о горячий кирпич, и слабая надежда, зародившаяся в ее груди во время долгого и трудного возвращения домой под холодным дождем, разгорелась ярким пламенем. Надежда согрела ее, сердце забилося учащенно, прогоняя кровь по жилам мощными волнами. Силы вернулись к ней, ее охватило безудержное возбуждение, от которого хотелось смеяться вслух. «Я все еще на ногах», – возликовала она.

– Подай мне зеркало, Мамушка, – сказала Скарлетт.

– Не высовывайте плеч из-под одеяла, – с улыбкой приказала Мамушка, подавая ей зеркало.

Скарлетт посмотрела на себя.

– Господи, бледная, – воскликнула она, – а волосы растрепаны, как лошадиный хвост.

– Да уж, бывали вы и покрасивше.

– Гм... там что, сильный дождь на улице?

– Льет как из ведра, вы и сами знаете.

– Все равно ты сейчас же отправишься в город.

– Только не по такому дождю. Никуда я не пойду.

– Пойдешь. Или я пойду сама.

– А что, до завтра подождать нельзя? Вы и так уже вон сколько всего натворили, хватит с вас на сегодня.

– Мне нужен, – внимательно изучая себя в зеркале, сказала Скарлетт, – флакон одеколона. Я хочу, чтобы ты помыла мне волосы и сполоснула их одеколоном. Да купи еще баночку желе из айвового семени, чтобы они гладко лежали.

– Не буду я мыть вам волосы по такой погоде и никакого одеколону лить не дам, будто вы дурная женщина. Пока я жива, этого не будет.

– Еще как будет. Загляни в мою сумочку, там лежит пять долларов золотом, возьми их и отправляйся в город. И вот еще что, раз уж ты будешь в городе, купи мне там баночку грима.

– Чего-чего? – подозрительно сощурившись, спросила Мамушка.

Скарлетт встретила ее взгляд с напускным хладнокровием. Невозможно было угадать заранее, послушает ее Мамушка или нет.

– Не твое дело. Просто купи.

– Не буду я покупать, чего не знаю.

– Если уж тебе так любопытно, то это краска! Краска для лица. Нечего стоять тут, раздувшись, как жаба. Иди давай.

– Краска! – воскликнула Мамушка. – Для лица краска! Я ведь и выпороть могу, не такая уж вы и взрослая! Никогда я ничего такого охального не слыхивала! Да вы с ума сошли! Мисс Эллин небось в гробу переворачивается! Красить себе лицо, как будто вы...

– Ты же знаешь, что бабушка Робийяр красила лицо, а...

– Да, мэм, и еще она носила всего одну нижнюю юбку и нарочно водой ее мочила, чтобы к телу прилипала и ноги было видно. И вы, значит, туда же? Когда старая мисс была молода, времена были охальные, да только давно это было...

– Боже праведный! – закричала Скарлетт, потеряв терпение, и отбросила прочь одеяла. – Можешь сейчас же отправляться обратно в Тару!

– И нечего меня в Тару гнать, уеду, когда захочу. Я теперь вольная, – запальчиво заявила Мамушка. – Так что никуда я отсюда не тронусь, а вы живо вернитесь в постель. Вы что, до смерти решили простудиться? И положите на место корсет. Положите его, милая. Нет, мисс Скарлетт, по такой погоде я вас никуда не пушу. Господи боже! И до чего же вы похожи на

вашего па! Быстро в постель... Не пойду я покупать никакую краску! Да я со стыда сгорю – все же догадаются, что это для моей девочки! Мисс Скарлетт, вы такая миленькая, такая хорошенькая, к чему вам вся эта краска? Милая, ведь только падшие женщины мажут лицо краской.

– И добиваются своего, не так ли?

– Боженька, ты ее слышишь? Не говорите такие вещи, ягненок мой! И положите ваши мокрые чулки! Самой вам я уж точно не позволю это покупать. Мисс Эллин из гроба встанет и за мной придет. Ну же, в постель, и живо. А я пойду. Может, найду лавку, где нас никто не знает.

В тот вечер у миссис Элсинг, когда Фанни была должным образом обвенчана, а старый Леви и остальные музыканты настраивали инструменты перед балом, Скарлетт радостно огляделась вокруг. Как замечательно снова оказаться на празднике! Ее очень порадовал оказанный ей теплый прием. Когда она вошла в дом под руку с Фрэнком, все так и кинулись к ней с радостными приветственными криками, все целовали ее, жали руку, говорили, что сильно скучали и что ей не следует возвращаться в Тару. Все мужчины, казалось, любезно позабыли, что когда-то она старалась разбить им сердца, а девушки – что она пыталась отбить у них кавалеров. Даже миссис Мерриуэзер, миссис Уайтинг, миссис Мид и другие важные дамы, так холодно относившиеся к ней в последние дни войны, казалось, позабыли о ее ветреном поведении и о своем неодобрении. Теперь она была одной из них – из тех, кто пережил поражение, к тому же она была племянницей Питти и вдовой Чарльза. Они целовали ее, со слезами на глазах нежно соболезновали по поводу кончины ее матери, расспрашивали об отце и сестрах. Все спрашивали о Мелани и Эшли, удивлялись, почему они не приехали с ней в Атланту.

Несмотря на радушный прием, Скарлетт все же ощущала легкую неловкость, которую тщательно скрывала: она беспокоилась о том, как выглядит ее бархатное платье. Юбка все еще была слегка сырой до самых колен, а по подолу виднелись пятна, хотя Мамушка и кухарка с ног сбились, колдуя над платьем: парили его над чайником, чистили щеткой для волос и просушивали у открытого огня. Скарлетт боялась, что кто-нибудь заметит, как жалко выглядит ее платье, и догадается, что другого у нее нет. Она успокаивала себя тем, что платья многих других дам выглядели намного хуже ее собственного: старые, аккуратно заштопанные и тщательно выглаженные. По крайней мере ее платье было целым и новым, хотя и отсыревшим, – единственное новое платье на всем празднике, если не считать свадебного платья Фанни из белого атласа.

Памятуя обо всем, что тетя Питти рассказывала о финансовом положении Элсингов, Скарлетт недоумевала. Откуда же взялись деньги на атласное платье, закуски, украшения и музыкантов? Все это стоило немалых денег. Скорее всего заняли у кого-то, или же все семейство Элсингов сложилось и закатило Фанни такую дорогую свадьбу. Такая свадьба казалась Скарлетт бессмысленным расточительством – в том же духе, что и роскошные надгробия на могилах братьев Тарлтонов. Ее охватило то же раздражение и равнодушие, какое она ощутила на фамильном кладбище Тарлтонов. Дни, когда можно было без оглядки сорить деньгами, канули в прошлое. Так почему же люди держатся за привычки прежних времен, хотя прежние времена прошли без возврата?

Она прогнала мимолетное раздражение прочь. Деньги-то чужие, а ей не хотелось портить себе чудесный вечер из-за чужой глупости.

Оказалось, что жених ей хорошо знаком: Томми Уэллберн из Спарты – она еще выхаживала его в 1863 году, когда он получил плечевое ранение. Тогда это был молодой красавец шести футов ростом, бросивший изучение медицины, чтобы вступить в кавалерию. Теперь рана в бедре так его скрутила, что он стал похож на маленького старичка и, как заметила тетя Питти, разбрасывал при ходьбе ноги самым неприличным образом. Но сам он, казалось, совершенно не замечал своей увечности, а может, и не придавал ей значения, и вел себя как человек,

ни от кого не ждущий скидок на свое положение. Он оставил всякую надежду на продолжение занятий медициной и работал подрядчиком – строил отель с бригадой ирландских рабочих. Скарлетт удивилась, как он справляется с такой сложной работой в его-то состоянии, но не стала задавать ему никаких вопросов, с грустью осознав, что нужда всему научит.

Пока стулья и мебель отодвигали к стенам – помещение готовили к танцам, – ее окружили Томми, Хью Элсинг и маленький, похожий на обезьянку Рене Пикар. Хью совсем не изменился с тех пор, как Скарлетт видела его в последний раз в 1862 году. Все тот же худенький, впечатлительный мальчик, на лбу все тот же русский чубчик, все те же хорошо запомнившиеся ей тонкие, не способные к труду руки. А вот Рене изменился со времени своего отпуска, когда он женился на Мейбелл Мерриуэзер. Озорной галльский огонек по-прежнему горел в его черных глазах, в нем ощущалась та же креольская жажда жизни, но, даже несмотря на веселый смех, во всем его облике чувствовался отпечаток войны, которого раньше не было. Пропал и надменный шик, неизменно сопутствовавший ему, пока он носил свою сногшибательную форму зуава.

– Щеки – розочки, глазки – изумруды! – проговорил он, грассируя, и поцеловал руку Скарлетт, тем самым отдавая дань ее нарумяненному лицу. – Такая же красавица, как при первой нашей встрече на благотворительном базаре. Вы помните? Никогда не забуду, как вы бросили свое обручальное кольцо в мою корзину. Очень смелый поступок! Но честное слово, никогда бы не подумал, что вам потребуется столько времени, чтобы заполнить другое!

Его глаза озорно сверкнули, и он толкнул Хью локтем в бок.

– А я никогда бы не подумала, что Рене Пикар будет торговать пирогами с фургона.

Публичное упоминание вслух об унижительном занятии ничуть не смутило Рене. Напротив, ее слова как будто даже польстили ему. Он расхохотался во все горло, хлопнув Хью по спине.

– Туше! – крикнул он. – Это все моя обожаемая теща, мадам Мерриуэзер! Это она заставила меня развозить пироги. Это моя первая работа за всю жизнь. Ведь я, Рене Пикар, рос, чтобы разводить породистых лошадей да играть на скрипке! А теперь вожу фургон, и мне это нравится! Мадам теща, она кого угодно заставит работать. Будь она генералом, мы непременно выиграли бы войну, да, Томми?

«Дожили, – подумала Скарлетт. – Человек с удовольствием развозит пироги на фургоне, а ведь его семья владела участком в десять миль вдоль берега Миссисипи и огромным домом в Новом Орлеане!»

– Да, если бы наши тещи надели погоны, они разогнали бы всех янки за неделю, – согласился Томми, глядя на стройную, несгибаемую фигуру своей новоиспеченной тещи. – Мы только потому и продержались так долго, что за нами стояли женщины, не желавшие сдаваться.

– Они никогда не сдадутся, – добавил Хью с гордой, хотя и чуть ироничной улыбкой. – Сегодня здесь нет ни одной женщины, которая капитулировала в этой войне, что бы ее муж или сын ни делали при Аппоматоксе³. Им пришлось куда тяжелее, чем нам. По крайней мере мы потерпели поражение в бою.

– А они – в ненависти, – подхватил его мысль Томми. – Скарлетт? Кажется, наши прекрасные дамы обеспокоены тем, чем нам теперь приходится заниматься, гораздо больше, чем мы сами. Хью собирался стать юристом, Рене готовился играть на скрипке перед коронованными особами Европы... – Он уклонился, как от удара, когда Рене погрозил ему кулаком. – Я вот собирался стать врачом, а теперь...

– Только дайте время! – закричал Рене. – Я стану принцем пирогов всего Юга! Наш добрый Хью станет королем растопки, а ты, Томми, будешь погонять ирландских рабов вместо

---

³ Городок в штате Виргиния, где в 1865 году произошла капитуляция южан под командованием генерала Ли.

черномазых. Какая перемена... как забавно! А что же станет с вами, мисс Скарлетт? А с мисс Мелли? Вы уже умеете доить коров и собирать хлопок?

– О боже, нет, конечно! – холодно ответила Скарлетт, никак не разделявшая восторгов Рене по поводу тяжелого ручного труда. – У нас этим занимаются негры.

– Я слышал, мисс Мелли назвала своего малыша Борегаром?⁴ Скажите, что я, Рене, вполне одобряю ее выбор. Нет на свете более прекрасного имени... разве что Иисус.

Он говорил шутя, но по глазам было видно, как он гордится отчаянным смельчаком, героем Луизианы⁵.

– Есть еще одно прекрасное имя: Роберт Эдвард Ли, – заметил Томми. – Я ни в коем случае не пытаюсь уменьшить заслуги старины Бо, но своего первенца назову Боб Ли Уэллберн.

Рене посмеялся и только пожал плечами.

– Расскажу вам один анекдот. Вернее, это история из жизни. Вы увидите, что на самом деле думают креолы о нашем славном Борегаре и о вашем генерале Ли. В поезде близ Нового Орлеана едет человек из Виргинии, солдат генерала Ли, и встречает там креола из отряда Борегара. Человек из Виргинии все говорит, говорит, говорит, как генерал Ли сделал то, генерал Ли сделал это. Креол долго морщил лоб, стараясь вспомнить, о ком идет речь. Потом засмеялся и сказал: «Генерал Ли! Ах да! Теперь я вспомнил! Ну конечно! Генерал Ли! Это о нем так хорошо отзывается генерал Борегар!»

Скарлетт из вежливости посмеялась вместе со всеми, хотя, по ее мнению, вся эта история свидетельствовала лишь о том, что креолы любят задирать нос не меньше, чем жители Чарльстона и Саванны. И вообще она считала, что сына Эшли надо было назвать в честь отца.

Настроив инструменты, музыканты заиграли «Старина Дэн Такер», и Томми повернулся к ней:

– Скарлетт, вы танцуете? Я не могу оказать вам такой услуги, но вот Хью или Рене...

– Нет, благодарю вас. Я все еще ношу траур по моей матушке, – торопливо ответила она. – Пожалуй, просто посижу.

Она поискала взглядом Фрэнка Кеннеди и нашла его рядом с миссис Элсинг. Скарлетт сделала ему знак подойти.

– Я посижу вон в той нише. Может, принесете мне что-нибудь перекусить? Мы могли бы немного поболтать, – сказала она Фрэнку, когда остальные трое мужчин отошли.

Пока он бегал за бокалом вина и тонким, как лист бумаги, кусочком кекса, Скарлетт устроилась в нише в дальнем конце гостиной и тщательно расправила складки платья, так чтобы самых худших пятен не было видно. Унизительные события этого утра, проведенного с Реттом, были вытеснены радостным волнением от встречи с множеством старых знакомых и звуками музыки. О поведении Ретта и своем позоре она подумает завтра. Завтра ей вновь предстоит терзаться бессильным гневом. Завтра она опять спросит себя, удалось ли ей произвести впечатление на уязвленное сердце Фрэнка. Но не сейчас. В этот вечер в ней до кончиков пальцев кипела жизнь, все ее чувства были обострены надеждой, глаза искрились.

Выглядывая из алькова в громадную гостиную, Скарлетт наблюдала за танцующими парами и вспоминала, какой красивой была эта комната, когда во время войны она впервые приехала в Атланту. Тогда начищенные деревянные полы сверкали зеркальным блеском, а свисавший с потолка канделябр сотнями хрустальных подвесков ловил, преломлял, отражал и разбрасывал по всей комнате огоньки десятков горевших на нем свечек, переливавшихся и мерцавших, подобно бриллиантам и сапфирам. Старинные портреты на стенах были полны величия и взирали на гостей с милостивой приветливостью. Мягкие диваны розового дерева

⁴ Beauregard – прекрасный взгляд (*фр.*).

⁵ Пьер Густав Тутан де Борегар (1818–1893), бригадный генерал армии конфедератов во время Гражданской войны.

так и манили присесть, а самый большой из них занимал почетное место в той самой нише, где сейчас сидела Скарлетт. На всех званных вечерах это было ее самое любимое место. Отсюда открывался прекрасный вид на гостиную и дальше на столовую, где стоял овальный обеденный стол красного дерева на двадцать персон, а у стены чинно выстроились двадцать тонконогих стульев и массивный буфет, заставленный серебряными приборами, подсвечниками на семь свечей, бокалами, соусниками, графинами и маленькими сверкающими рюмочками. В первые годы войны Скарлетт часто сидела на этом диване всегда в компании какого-нибудь офицера приятной наружности, слушала скрипку и контрабас, аккордеон и банджо и наслаждалась ритмичным шарканьем танцующих ног по натертому воском и отполированному полу.

Теперь же в канделябре не было ни одной свечи. Он весь покосился, большинство подвесок было разбито, словно захватчики-янки задались целью истоптать их своими сапогами. Гостиную освещали лишь масляная лампа да несколько свечей, но главным источником света служило пламя, ревущее в широком камине. В дрожащих отблесках огня становилось особенно заметно, насколько непоправимо изрубцован и расколот старый паркет. На выцветших обоях отчетливо виднелись прямоугольные следы от висевших здесь раньше портретов, а широкие трещины в штукатурке напоминали о том, как снаряд, упавший на крышу во время осады города, разворотил весь второй этаж. Тяжелый старинный стол красного дерева, уставленный графинами с вином и сладостями, хоть и обшарпанный, со следами неумелого ремонта на полованных ножках, все еще царил в опустевшей столовой, но буфет, серебро и тонконогие стулья исчезли. Не было больше и потускневших парчовых штор, когда-то закрывавших арочные, застекленные до самого пола балконные двери в противоположном конце гостиной, остались лишь явно стиранные и штопанные кружевные занавески.

На месте так полюбившегося ей дивана с изогнутой спинкой стояла куда менее удобная жесткая лавка. Скарлетт с болью в сердце опустилась на эту лавку, горько сожалея о том, что отсыревшие, покрытые пятнами юбки не дают ей возможности принять приглашение на танец. Как было бы чудесно снова потанцевать! Но разумеется, в уединении ниши она сможет вернее вскружить голову Фрэнку, чем в вихре танца. Здесь она сможет завороченно внимать его рассказам и поощрять на все новые глупости.

И все же музыка звучала так призывно... Скарлетт машинально отбивала туфелькой ритм вместе со старым Леви, который, притопывая ногой, наигрывал мелодию на дребезжащем банджо и громко объявлял фигуры кадрили. Ноги танцующих шаркали и постукивали по полу, две шеренги то сходились, то расходились, кавалеры кружили дам, поднимая руки дугой.

Старый Дэн Такер напился вдрызг!
(Покружите ваших дам!)
Свалился в камин, поднял кучу брызг!
(Легче скользите, дамы!)

Как приятно вновь слышать звуки музыки и стук каблучков танцующих после скучных и изнурительно долгих месяцев в Таре; как чудесно снова видеть знакомые лица, смеющиеся в тусклом свете свечей, слушать старые шутки, добродушные поддразнивания, насмешки и кокетливый смех! Это было похоже на воскрешение из мертвых. Можно было почти поверить, что все вернулось на пять лет назад, в те веселые времена. Если бы она могла закрыть глаза и не видеть заношенных и перешитых платьев, залатанных сапог и штопанных туфель, если бы в память не врывались лица молодых людей, не вернувшихся с войны, можно было бы подумать, что ничего не изменилось. Но пока она глядела на стариков, толпившихся в столовой у графина с вином, на сидящих у стен матрон, ведущих беседу под прикрытием голых рук без вееров, на кружащихся в танце молодых людей, ей вдруг пришла в голову холодная страшная мысль: все так сильно изменилось, что эти фигуры вполне можно счесть всего лишь призраками.

Да, они выглядят как прежде, но они стали совсем другими. В чем же дело? Может, они все просто стали на пять лет старше? Нет, дело не только в истекшем времени. Что-то пропало в них самих, исчезло из их мира. Пять лет назад чувство безопасности укрывало их так надежно и так незаметно, что они расцветали под его сенью, не задумываясь ни о чем. Теперь оно исчезло, а вместе с ним и бывшее очарование, бывшее ощущение чего-то пленительного и волнующего, поджидавшего прямо за углом, исчезло прежнее волшебство бытия.

Скарлетт знала, что и сама изменилась, но не так, как они, и это озадачило ее. Она сидела и наблюдала за ними, чувствуя себя чужой и одинокой, гостьей из другого мира, говорящей на незнакомом им языке и не понимающей их языка. Тут ее осенило: это чувство сродни тому, что она испытывала, находясь рядом с Эшли. Рядом с ним и подобными ему – а мир вокруг был полон ими – она чувствовала себя исключенной из круга чего-то непостижимого.

Лица мало изменились, манеры не изменились совсем, – вот, кажется, и все, что осталось от прежних друзей. Неподвластное времени достоинство, неизменная обходительность и галантность были и останутся навсегда их неотъемлемыми чертами, их сутью, но до самой могилы в них будет жить неугасающая горечь, слишком глубокая, не поддающаяся описанию. Это были учтивые, усталые, озлобленные люди, пережившие поражение, но так и не познавшие его, сломленные, но с гордо распрямыми плечами. Разбитые и беззащитные жители завоеванных территорий, они смотрели на свой любимый край, растоптанный врагом, и видели, как проходимцы глумятся над законами, как бывшие рабы превращаются в живую угрозу, как мужчины лишаются гражданских прав, а женщины подвергаются оскорблениям. И они ни на минуту не забывали о павших.

Все в их старом мире изменилось, лишь его формы остались прежними. Все понимали, что старые традиции нужно сохранять, ибо больше от прежней жизни ничего не осталось. Все крепко держались за хорошо известные и любимые старые обычаи: за церемонную учтивость, обходительность, очаровательную непосредственность человеческого общения и прежде всего за традиционную роль мужчины, защищающего женщин. Верные традициям, в которых они были воспитаны, учтивые и чуткие мужчины почти преуспели в своей попытке создать атмосферу защищенности и уберечь своих женщин от тревог и невзгод. По мнению Скарлетт, это был верх нелепости: ведь за последние пять лет даже женщины, ведущие чуть ли не монашеский образ жизни, и те уже повидали почти все. Они выхаживали раненых, закрывали глаза умерших, пережили войну, пожар и разорение, познали страх, бегство и голод.

Но чего бы ни повидали их глаза, какой бы грязной работой им ни приходилось и еще придется заниматься, они остались прежними леди и джентльменами, особами королевской крови в изгнании. Они познали горечь, отчуждение и безразличие, но сохранили прежнюю доброжелательность друг к другу, остались твердыми, как алмаз, столь же яркими и хрупкими, как хрусталь из разбитого канделябра, висевшего у них над головой. Старые времена прошли, но эти люди упорно продолжали жить, как и раньше: обворожительно неторопливые, твердо вознамерившиеся избегать суеты и спешки, не поддаваться – в отличие от янки – неприличной погоне за деньгами, не расставаться со своими старыми обычаями.

Скарлетт знала, что сама она тоже сильно изменилась. Иначе она не совершила бы всего того, что уже успела совершить после бегства из Атланты, а сейчас даже не помышляла бы о том, чего так отчаянно хотела добиться. Но между ее решимостью и стойкостью всех этих людей была некая разница, хотя Скарлетт пока никак не могла понять, в чем она состоит. Возможно, разница заключалась в том, что Скарлетт была готова на все, а окружавшие ее люди скорее предпочли бы умереть, чем поступиться существующими нормами поведения. А может быть, все дело было в том, что, не имея в сердцах надежды, эти люди по-прежнему могли смотреть на жизнь с улыбкой и с вежливым поклоном пропускать ее мимо. Скарлетт так не могла.

Она не могла сделать вид, что реальной жизни не существует. Она намеревалась выжить в жесточайших условиях, настолько враждебных, что она и не пыталась приукрасить их или встретить с улыбкой. Скарлетт не замечала ни мужества, ни любезности, ни несгибаемой гордости своих друзей. Она видела лишь глупое упрямство, с которым они наблюдали за событиями, но отказывались посмотреть правде в глаза, предпочитая иронически улыбаться.

Глядя на раздумывавшиеся лица танцующих, она спрашивала себя, что же движет ими, схоже ли это с тем, что движет ею самой: мысли о погибших поклонниках, изувеченных мужьях, голодных детях, потерянных имениях, о любимых домах, под крышами которых теперь разместились чужаки. Ну конечно же, что-то должно двигать ими! Об обстоятельствах их жизни она знала почти так же хорошо, как и о своей собственной. Их потери были и ее потерями. Их нужда была ее нуждой, им приходилось сталкиваться с теми же трудностями, что и ей. Но они вели себя совершенно иначе! Лица в комнате – не лица, а маски! Великолепные маски, которые они не снимут никогда.

Но если в этих жестоких обстоятельствах они страдают не меньше, чем она, – а так оно и есть, – то как, как им удастся сохранить беспечный вид? И зачем вообще прилагать для этого усилия? Все это было выше ее понимания и смутно раздражало: она не могла вести себя как они, не могла оглядывать руины старого мира с вежливой невозмутимостью. Она напоминала загнанного зверя, из последних сил стремящегося укрыться в норе от своры гончих, хотя сердце уже разрывается от бег.

Внезапно она ощутила жгучую ненависть ко всем этим людям за то, что они так не похожи на нее, за то, что они выносят потери с непостижимой невозмутимостью, которой ей никогда не достичь, да она бы и стараться не стала. Она возненавидела этих улыбающихся, порхающих по залу незнакомцев, этих заносчивых глупцов, находивших предмет для гордости в том, что утрачено навсегда, и вроде бы даже гордившихся своими утратами. Женщины держались как настоящие леди, и Скарлетт знала, что они леди, хотя целыми днями они трудились, выполняя грязную работу и не ведая, где взять новое платье. Все они леди! Но себя она таковой не чувствовала даже в этом бархатном платье, с надушенными волосами, даже несмотря на свое благородное происхождение и бывшее богатство. Она своими руками обрабатывала красную землю Тары, тяжкий труд лишил ее внешнего налета аристократичности, и Скарлетт знала, что снова почувствует себя леди, лишь когда на столе вновь появятся серебро и хрусталь, дымящиеся сытные блюда, когда в конюшне будут стоять собственные лошади, а во дворе – экипаж, когда черные руки, а не белые будут собирать хлопок в Таре.

«Вот оно! – сердито подумала она, глубоко вздыхая. – Вот в чем вся разница! Даже в бедности они считают себя леди, а я нет. Похоже, эти тупоголовые идиотки не понимают, что невозможно быть леди без денег!»

Но даже несмотря на эту вспышку озарения, Скарлетт смутно понимала, что, как бы глупо ни выглядели все эти люди, они ведут себя правильно. Так считала бы Эллин. Это беспокоило Скарлетт. Она знала, что ей тоже следует думать и поступать, как они, но это было не в ее силах. Ей следовало искренне верить, что прирожденная леди остается таковой даже в бедности, но она не верила и не могла заставить себя поверить.

Всю свою жизнь она слышала насмешки в адрес янки, потому что все их претензии на аристократичность основывались лишь на богатстве, а не на родовитости. Но теперь, какой бы ересью это ни показалось, она думала, что в этом янки правы, пусть даже они не правы во всем остальном. Чтобы быть леди, нужны деньги. Скарлетт знала, что от таких ее рассуждений Эллин упала бы в обморок. Никакая бедность не заставила бы Эллин стыдиться. Стыд! Вот что чувствовала Скарлетт. Стыд за свою бедность, за необходимость прибегать к унижительным уловкам, жить в нужде и выполнять работу негров.

Она раздраженно повела плечами. Пусть все они правы, а она нет – все равно! Пусть эти дураки живут прошлым, она будет действовать, напрягая каждый нерв и поставив на кон

свою честь и доброе имя, но вернет все, что потеряла. Большинство из них считали ниже своего достоинства опускаться до погони за деньгами. Времена настали суровые и жестокие. Тот, кто хочет чего-то добиться, должен сам стать таким же суровым и жестоким. Скарлетт знала, что семейные традиции удерживают этих людей от вступления в борьбу, главной целью которой является добыча денег. Они все полагают, что зарабатывать деньги открыто и даже просто говорить о деньгах – это в высшей степени вульгарно. Ну конечно, и из этого правила есть исключения. К примеру, миссис Мерриуэзер с ее выпечкой и Рене, развозящий эту выпечку на фургоне. Хью Элсинг рубит лес и торгует дровами, а Томми строит гостиницу. А у Фрэнка хватило здравого смысла открыть магазин. А как же все остальные? Плантаторы будут выжимать все возможное из своего кусочка земли и жить в бедности. Адвокаты и врачи, вернувшись к своей профессии, станут ждать клиентов, которые, возможно, так и не появятся. А что же делать тем, кто вел праздную жизнь на свои доходы? Что будет с ними?

Но она не намерена всю жизнь прозябать в бедности. Ни за что на свете она не станет сидеть сложа руки в ожидании чуда. Она ворвется в эту жизнь и возьмет от нее все, что только сможет. Ее отец начинал бедным иммигрантом, а стал владельцем обширных земель Тары. Уж если отец смог, то его дочь и подавно сможет. Она ни за что не уподобится тем, кто сделал ставку на Правое Дело, все потерял да еще и гордится этим, потому что Правое Дело якобы стоит любой жертвы. Эти люди черпают силы в прошлом. Ей же придает силы только будущее. В настоящий момент ее будущее – Фрэнк Кеннеди. По крайней мере у него есть магазин и наличные. Если бы только ей удалось выйти за него замуж и добраться до денег, она смогла бы сохранить Тару еще на год. А с того, что останется... пусть Фрэнк покупает лесопилку. Она своими глазами убедилась, как быстро отстраивается город, и любой, кто в условиях такой слабой конкуренции займется продажей строительного леса, сможет сколотить себе состояние.

Из глубины памяти вдруг всплыли слова Ретта, сказанные еще в самом начале войны, – по поводу денег, которые он заработал на блокаде. Тогда Скарлетт не сделала даже попытки понять их, но теперь они обрели ясность, и она с удивлением подумала, что, видимо, молодость или глупость помешали ей оценить их по достоинству.

«Деньги можно заработать и на крушении цивилизации, и на создании новой».

«Вот оно – крушение, о котором он говорил, – подумала Скарлетт, – и он был прав. Любой, кто не боится работать или... или взять, что плохо лежит, может нажить кучу денег».

Она заметила Фрэнка, пробиравшегося к ней через залу с бокалом ежевичной наливки в одной руке и ломтиком кекса на блюдечке в другой, и тут же натянула улыбку. Ей и в голову не приходило задуматься: а стоит ли Тара брака с Фрэнком? Она не сомневалась, что стоит, и решила больше об этом не думать.

Сделав глоток, Скарлетт обворожительно улыбнулась ему, зная, что ее румяные щеки выглядят намного привлекательнее, чем у любой из танцующих дам. Она подобрала юбки, чтобы он смог сесть, и принялась как бы невзначай обмахиваться платочком, щекоча ему нос нежным запахом одеколона. Она гордилась одеколоном: ни одна из дам, кроме нее, им не пользовалась, и Фрэнк заметил это. На него накатила приступ храбрости, и он осмелился шепнуть ей, что она прекрасна и благоуханна, как роза.

Ах, если бы он не был так робок! Он напоминал Скарлетт тихого старого полевого кролика. Вот бы ему признать немного галантности и пылкости братьев Тарлтонов или хотя бы грубой дерзости Ретта Батлера! Нет, обладай он такими качествами, ему хватило бы ума разглядеть отчаяние за ее кокетливо потупленными ресницами. Но он мало смыслил в женщинах и даже не заподозрил, что она что-то замышляет. Ей это было на руку, но уважения к нему у нее не прибавилось.

Глава 36

Всего через две недели после молниеносного ухаживания, которое, зардевшись призналась Скарлетт, настолько покорило ее, что у нее не осталось сил противиться его напору, она вышла замуж за Фрэнка Кеннеди.

Он и понятия не имел, что все эти две недели она ночей не спала, ходила, стиснув зубы, по комнате, злилась на его тупоголовость, неспособность понимать ее намеки, молилась, чтобы он, не дай бог, не получил письма от Сьюлин, которое погубило бы весь ее план. К счастью, Сьюлин всегда была прескверной корреспонденткой: она обожала получать письма, но отвечала на них с большой неохотой, и за это Скарлетт благодарила Бога. Но всегда есть шанс, мерно шагая туда-сюда по холодному полу спальни и кутаясь поверх ночной рубашки в старенькую шаль Эллин, думала Скарлетт. Фрэнк ничего не знал о лаконичном письме Уилла, в котором говорилось, что Джонас Уилкерсон снова навестил Тару и, узнав, что Скарлетт уехала в Атланту, разбушевался так, что Уиллу и Эшли пришлось насильно вышвырнуть его с территории поместья. Письмо Уилла напомнило ей об очевидном: времени остается все меньше и меньше, очень скоро придется платить дополнительный налог. Безысходное отчаяние охватывало ее по мере того, как дни утекали один за другим. О, если бы она могла схватить эти песочные часы и остановить неумолимый бег песчинок!

Но она так искусно скрывала свои истинные чувства, так великолепно играла роль, что Фрэнк ничего не заподозрил, он увидел лишь то, что лежало на поверхности: хорошенькую беспомощную молодую вдову Чарльза Гамильтона, которая каждый вечер встречала его в гостиной мисс Питтипэт и с нескрываемым восхищением слушала его рассказы о лавке, о том, сколько денег он заработает и когда сможет купить лесопилку. После мнимого коварного предательства Сьюлин нежное сочувствие и горящие интересом глаза Скарлетт, жадно ловящей каждое его слово, были просто бальзамом на его раны. Поведение Сьюлин нанесло болезненный удар сердцу Фрэнка, его самолюбие – пугливое, чувствительное самолюбие холостяка средних лет, прекрасно сознающего свою непривлекательность для женщин, – было глубоко уязвлено. Он не мог написать Сьюлин и упрекнуть ее за вероломство; одна мысль об этом повергала его в ужас. Но он мог облегчить душу, говоря о ней со Скарлетт. Ни словом не осуждая Сьюлин, – все-таки речь шла о ее родной сестре! – Скарлетт выразила ему свое сочувствие, заверила его, что понимает, как плохо поступила с ним ее сестра, а главное, дала понять, что он, безусловно, заслуживает хорошего отношения со стороны женщины, способной оценить его по достоинству.

Миссис Гамильтон была прехорошенькой и розовощекой малюткой, она то грустно вздыхала, обдумывая свое печальное положение, то рассыпалась веселым смехом, напоминаям перезвон маленьких серебряных колокольчиков, когда он своими шутками пытался ее приободрить. Зеленое платье, безупречно вычищенное Мамушкой, подчеркивало красоту ее стройной фигурки с осиной талией, а какой пленительный аромат исходил от ее платочка и волос! Просто возмутительно, как такая изящная и благородная женщина остается одинокой и беззащитной в жестоком мире, суровость которого она даже не в состоянии постичь. И нет ни мужа, ни брата, ни даже отца, который мог бы защитить ее. Фрэнк полагал, что мир – слишком грубое место для одинокой женщины, и в этом Скарлетт молчаливо и искренне с ним соглашалась.

Он стал заглядывать на огонек каждый вечер, находя атмосферу в доме Питти приятной и успокоительной. Мамушка, встречавшая его у дверей, одаривала Фрэнка лучшей своей улыбкой, приберегаемой для самых достойных, Питти подавала кофе с коньяком и суежилась вокруг него, а Скарлетт трепетно внимала ему, не пропуская ни единого слова. Иногда после обеда, отправляясь в двуколку по делам, он брал Скарлетт с собой. Эти поездки были очень веселыми,

потому что Скарлетт задавала так много глупых вопросов. «Настоящая женщина», – одобрительно думал Фрэнк. Его сместило ее неведение в решении деловых проблем, а она хохотала, приговаривая: «Чего еще можно ожидать от такой дурочки, как я? Вы ведь не думали, что я умею разбираться в мужских делах?»

Впервые за все годы, что он прожил бобылем, она помогла ему почувствовать себя сильным и крепким мужчиной, вылепленным богом из более благородной глины, чем прочая мужская братия, чтобы защищать наивных и незащищенных женщин.

Уже у алтаря, чувствуя ее маленькую доверчивую ручку в своей руке, глядя на эти удивительные густые ресницы, черными полумесяцами лежащие на окрашенных нежным румянцем щеках, он все еще не мог понять, как все это произошло. Он знал лишь одно: впервые в жизни ему удалось совершить нечто волнующее и романтическое. Он, Фрэнк Кеннеди, вскружил голову этому обворожительному созданию, и вот уже она в его сильных руках. Это ощущение просто опьяняло его.

Родственников на свадьбе не было. Свидетелями выступили чужие люди с улицы. На этом настояла Скарлетт, и Фрэнк сдался, пусть и неохотно: ему хотелось видеть на своей свадьбе сестру и ее мужа из Джонсборо, а прием с веселыми тостами за молодых в гостиной тетушки Питти в компании друзей очень порадовал бы его. Но Скарлетт и слушать не хотела даже о присутствии мисс Питти.

– Только вы и я, Фрэнк, – умоляла она, сжимая его руку. – Как беглецы. Я всегда так мечтала сбежать, чтобы выйти замуж! Прошу вас, сердце мое, сделайте это ради меня!

Именно это подкупающее, новое и непривычное для него обращение и слезинки, алмазами сверкающие в уголках ее умоляющих светло-зеленых глаз, сразили его. В конце концов, мужчине следует уступать невесте, особенно если речь идет о свадьбе, ведь женщины придают такое значение всякому сентиментальному вздору.

И не успел Фрэнк понять, что происходит, как оказался женатым.

Несколько сбитый с толку очаровательной настойчивостью Скарлетт, Фрэнк выдал ей триста долларов, правда, немного неохотно: ведь это означало, что лесопилку он теперь купит не скоро. Но он не мог допустить, чтобы семьей его жены изгнали из дома, а его огорчение вскоре рассеялось при виде ее сияющего счастьем личика, а потом и вовсе исчезло, когда она с нежностью и любовью «приняла» его щедрый дар. Никогда прежде Фрэнку не доводилось ощущать женскую благодарность, и он в конце концов решил, что деньги потрачены не зря.

Скарлетт немедленно отправила Мамушку в Тару с тремя поручениями: передать Уиллу деньги, объявить о свадьбе и привезти в Атланту Уэйда. Через два дня от Уилла пришла короткая записка, которую она постоянно носила при себе и с растущей радостью перечитывала тысячу раз. Уилл писал, что налоги уплачены, а Джонас Уилкерсон, узнав об этом, «страшно разозлился», но новых угроз пока не последовало. Записка Уилла заканчивалась весьма формальным и лаконичным пожеланием счастья. Скарлетт не сомневалась, что Уилл знает, что именно она сделала и почему так поступила, он не хвалил и не порицал ее. «Но что подумал Эшли? – лихорадочно пронеслось в ее голове. – Кем он будет считать меня теперь, после всего того, что я наговорила ему совсем недавно в саду Тары?»

Еще она получила письмо от Сьюлин – пестрящее ошибками, злобное, обидное, залитое слезами, пропитанное ядом и содержащее столь верные и нелюбезные характеристики, что Скарлетт так до конца своих дней не смогла ни забыть его, ни простить Сьюлин. Но даже письмо Сьюлин не смогло омрачить ее радости от того, что Тара спасена, по крайней мере, на ближайшее время.

Ей трудно было привыкнуть к мысли о том, что отныне ее дом в Атланте, а не в Таре. Отчаянно пытаясь найти деньги для уплаты налогов, думая лишь о том, как спасти Тару и как отвести удар судьбы, она совершенно позабыла обо всем остальном и даже в момент свадьбы

не задумывалась над тем, что цена спасения родного дома равна вечной разлуке с ним. Теперь же, когда дело было сделано, ее охватила щемящая тоска по дому, от которой трудно было избавиться. Но она заключила сделку и намеревалась следовать ее условиям. Скарлетт была настолько благодарна Фрэнку за спасение Тары, что даже почувствовала к нему нежную привязанность и дала себе слово, что он никогда не пожалеет о своей женитьбе.

Все дамы Атланты были осведомлены о делах своих соседей почти так же хорошо, как и о своих собственных: жизнь соседей всегда куда более интересна. Все прекрасно знали, что вот уже много лет у Фрэнка Кеннеди имелось «взаимопонимание» со Сьюлин О'Хара. Как-то раз он даже робко упомянул о том, что собирается жениться будущей весной. Поэтому объявление о его тайном венчании со Скарлетт неизбежно вызвало взрыв сплетен, догадок и самых черных подозрений. Миссис Мерриуэзер, никогда не упускавшая ни единой возможности удовлетворить свое любопытство, пошла ва-банк и напрямую спросила у Фрэнка, как вышло, что он был помолвлен с одной сестрой, а женился на другой. Потом она рассказывала миссис Элсинг, что наградой за все ее старания стал лишь дурацкий взгляд Фрэнка. Но даже бесстрашная миссис Мерриуэзер не решилась подойти с этим вопросом к Скарлетт. Все последнее время Скарлетт вела себя тихо и скромно, даже мило, только в ее глазах горел огонек самодовольного торжества, страшно раздражавший окружающих, и что-то в ее повадке говорило, что она обижена на весь мир, поэтому никто не решался беспокоить ее расспросами.

Она прекрасно знала, что по Атланте поползли слухи, но ей до этого дела не было. В конце концов, в замужестве нет ничего аморального. Тара спасена. Пусть говорят, что хотят. У нее и без того забот хватало. Отныне самая важная задача для нее – не задевая гордости Фрэнка, убедить его, что лавка должна приносить намного больше доходов. После угроз Джона Уилкерсона она не успокоится, пока они с Фрэнком не заработают денег про запас. И даже если экстренной надобности не возникнет, все равно нужно заработать побольше, чтобы на будущий год заплатить налог за Тару. К тому же в голове у нее засели слова Фрэнка о лесопилке. На лесопилке он может заработать целое состояние. При таких заоблачных ценах это было под силу любому. Про себя Скарлетт подсадовала, что денег Фрэнка не хватило на налог и на лесопилку одновременно. Вот потому-то она и решила, что в лавке ему необходимо любым способом как можно скорее заработать побольше денег, чтобы купить лесопилку, пока ее не перекупил кто-нибудь другой. Она считала, что такую золотую возможность нельзя упустить.

Будь она мужчиной, она уже заполучила бы эту лесопилку, даже если бы пришлось для этого заложить торговую лавку. Но когда на следующий день после свадьбы она деликатно поделилась своими соображениями с Фрэнком, он улыбнулся и попросил ее не забивать делами свою хорошенькую головку. Его поразило и поначалу даже позабавило, что Скарлетт вообще знает, что такое закладная. Но уже в первые дни после свадьбы веселость Фрэнка сменилась потрясением и растерянностью. Однажды он по неосторожности сказал Скарлетт, что «некоторые люди» (называть имена он старательно избегал) должны ему деньги, но не могут заплатить сейчас, а он, конечно, не хочет давить на старых друзей и представителей аристократии. Вскоре Фрэнк пожалел, что вообще упомянул об этом, потому что Скарлетт засыпала его расспросами. С милейшей детской непосредственностью она называла это простым любопытством, уверяла, что ей просто интересно, кто ему должен и сколько. Фрэнк как мог уклонялся от ответа. Он нервно покашливал, всплескивал руками и до одурения повторял, что ей не следует забивать такими вещами свою хорошенькую головку.

До него постепенно стало доходить, что эта «хорошенькая головка» отлично справляется с цифрами, – по правде говоря, намного лучше, чем он сам, – и Фрэнк забеспокоился. Он был просто поражен тем, с какой легкостью она складывает в уме длинные столбики цифр, в то время как ему на операции более чем с тремя цифрами требовались карандаш и бумага. Даже дроби не представляли для нее никакой трудности. Он полагал, что женщине не подобает разбираться в деловых вопросах и в математических дробях, а если уж ей повезло родиться

с таким даром, она должна тщательно его скрывать. Теперь ему настолько не нравилось говорить с ней о делах, насколько он радовался этому до женитьбы. Тогда он думал, что подобные вещи выше ее понимания, и с удовольствием растолковывал ей азы торговли. Теперь же он ясно видел, что она даже слишком хорошо все понимает, и негодовал, как любой мужчина, столкнувшийся с двуличностью женской натуры. К этому примешивалось обычное мужское разочарование от того, что женщина, оказывается, тоже наделена мозгами.

Никто так и не узнал, как скоро Фрэнк раскрыл обман, с помощью которого Скарлетт женила его на себе. Возможно, он обо всем догадался в тот день, когда в Атланте появился Тони Фонтейн, явно свободный от сердечных привязанностей. Возможно, ему все напрямую разъяснила в письме из Джонсборо пораженная его внезапной женитьбой сестра. Как бы то ни было, он узнал об этом не от Сьюлин. Она не писала ему, а он, разумеется, не мог сам написать ей и объяснить случившееся. Да и что толку в объяснениях, когда он уже женат? Его терзала мысль о том, что Сьюлин так никогда и не узнает правды, а будет искренне полагать, что он обманул ее. Вероятно, все думали о нем именно так и не одобряли его поступка. Он оказался в неловком положении. И не было никакого выхода, не было возможности оправдаться: ведь настоящий мужчина не пойдет рассказывать о том, что потерял голову из-за женщины, а настоящий джентльмен не может признаться, что его супруга завлекла его к алтарю обманом.

Теперь Скарлетт его жена, а жена вправе рассчитывать на поддержку со стороны мужа. К тому же Фрэнк не мог заставить себя поверить, что она вышла за него по холодному расчету, не питая к нему никаких чувств. Его мужское самолюбие не вынесло бы самой мысли об этом. Куда приятнее было думать, что она полюбила его до безумия и пошла на хитрость, чтобы заполучить его. И все же Фрэнк пребывал в мучительном недоумении. Он знал, что его никак нельзя счесть завидным женихом для красивой и умной женщины почти вдвое моложе его, но, будучи джентльменом, оставил эти мысли при себе. Скарлетт – его жена, и он не может поставить ее в неловкое положение, задавая глупые вопросы, которые все равно уже ничего не исправят.

Нельзя сказать, чтобы Фрэнк хотел что-то изменить, поскольку брак обещал быть счастливым. Скарлетт была прелестнейшей из женщин, он находил ее совершенной во всем... вот если бы только она не была такой упрямой. В первые же дни супружеской жизни Фрэнк понял, что его жизнь может быть чрезвычайно приятной, если он не будет мешать Скарлетт поступать по своему разумению. Если же она не получит того, что хочет... Получив желаемое, она радовалась как ребенок, смеялась и отпускала глупые шуточки, садилась к нему на колени и щипала его за бороду, пока он не заверял ее, что помолодел на двадцать лет. Она бывала удивительно милой и заботливой, подогревала у огня его домашние туфли, когда он возвращался домой по вечерам, спрашивала, не промочил ли он ноги, беспокоилась о затянувшемся насморке, помнила, что он любит куриный желудок, а в кофе ему надо класть три ложечки сахара. Да, жизнь со Скарлетт была прекрасна и безмятежна... если только не гладить ее против шерсти.

Спустя две недели после свадьбы Фрэнк подхватил грипп, и доктор Мид прописал ему постельный режим. Еще в начале войны Фрэнк два месяца провалялся в госпитале с воспалением легких и с тех пор жил в ожидании нового приступа болезни, поэтому он был даже рад попотеть под тремя одеялами, попивая горячие отвары, которые каждый час исправно приносили Мамушка и тетушка Питти.

Болезнь затянулась, и с каждым днем Фрэнк стал все больше и больше беспокоиться о положении дел в лавке. Все дела были оставлены на приказчика, торговавшего за прилавком. Он приходил каждый вечер и докладывал о том, как прошел день, но Фрэнку этого было мало. Он так тревожился, что Скарлетт, только и ожидавшая удобного случая, подошла к нему и, положив прохладную ладонь ему на лоб, сказала:

– Дорогой мой, вы разобьете мне сердце, если будете так переживать. Пожалуй, я сама отправлюсь в город и посмотрю, что творится в лавке.

И она отправилась в город, заглушив очаровательной улыбкой слабые протесты Фрэнка. Все три недели своего нового брака Скарлетт просто сгорала от желания заглянуть в бухгалтерские книги и выяснить, как обстоят финансовые дела. Какое счастье, что Фрэнк оказался прикованным к постели!

Лавка находилась у Пяти Углов. Ее новая крыша сияла на фоне старых, закопченных кирпичных стен. Деревянные навесы протянулись над тротуаром, а к длинным железным перекидывающимся, соединявшим опоры, были привязаны покрытые рваными стегаными одеялами лошади и мулы, понурившиеся под холодным дождем. Изнутри лавка чем-то походила на магазин Балларда в Джонсборо, разве что у раскаленной докрасна, ревущей огнем печи не толпились бездельники, беспрерывно нарезающие, жующие и сплевывающие в песочницу плиточный табак. Помещение у Фрэнка было просторнее, чем у Балларда, но здесь было гораздо темнее. Деревянные навесы практически отрезали путь скудным зимним лучам, тоненькие струйки света проникали лишь через маленькие, засиженные мухами окошки где-то под потолком. Пол был усыпан грязными опилками, грязь и пыль бросались в глаза повсюду. Лишь в передней части магазина, где к темному потолку поднимались полки с яркими тканями, фарфором, кухонной утварью и галантереей, поддерживался относительный порядок. Но дальше, за перегородкой, царил настоящий хаос.

Здесь не было никакого настила, товары валялись беспорядочной грудой на плотно утрамбованной земле. В полумраке Скарлетт с трудом различала ящики и тюки с товаром, плуги, сбрую, седла, дешевые сосновые гробы. Поддержанная мебель – от самой простенькой, клееной, до дорогой, красного и розового дерева, – высилась во тьме; богатая, но потертая старая парча, местами с прорвавшейся набивкой из конского волоса, нелепо поблескивала среди убогого окружения. Фарфоровые туалетные наборы из ночных горшков, тазов и кувшинов беспорядочно загромождали пол, а вдоль всех четырех стен тянулись вместительные сундуки, такие глубокие, что ей приходилось вплотную подносить к ним лампу, чтобы понять, где хранятся семена, а где – гвозди, болты и плотницкий инструмент.

«А я-то полагала, что такой суетливый и мелочный человек, как Фрэнк, – настоящая старая дева в штанах! – будет держать вещи в большем порядке, – подумала Скарлетт, вытирая носовым платком запачканные руки. – Настоящий свинарник! Как же можно довести лавку до такого состояния? Стоило только стряхнуть пыль со всего этого добра и выставить его на обозрение людям, дела пошли бы куда лучше».

А если товар в таком состоянии, то что же творится с бухгалтерией?

«Проверю-ка я сейчас его счета», – подумала она и, подхватив лампу, направилась в переднюю часть лавки. Приказчик Уилли, торгующий за прилавком, с большой неохотой подал ей засаленный гробсбук: несмотря на свою молодость, он явно разделял мнение Фрэнка о том, что женщинам нечего совать нос в торговые дела. Но Скарлетт быстро заткнула ему рот и отправила обедать. С его уходом она почувствовала себя увереннее: теперь он не будет с неодобрительным видом стоять у нее над душой. Подложив под себя ногу, она устроилась на стуле с треснувшим сиденьем у шипящей печи и раскрыла книгу на коленях. Было время обеда, улицы опустели. Посетители не заглядывали, вся лавка находилась в ее распоряжении.

Медленно переворачивая страницы, Скарлетт внимательно изучала строчки с именами и цифрами, выведенные мелким, но каллиграфически четким почерком Фрэнка. Ее опасения оправдались, и она хмурилась, находя все новые и новые подтверждения тому, что у ее мужа начисто отсутствует деловая жилка. За хорошо знакомыми ей фамилиями числилось долгов долларов на пятьсот, некоторые сроком в несколько месяцев. В списке должников оказались и Мерриуэзеры, и Элсинги, и другие известные ей жители города. Фрэнк так небрежно и походя отвечал на ее вопросы о том, сколько «некоторые люди» ему задолжали, что у нее создалось впечатление, будто речь и вправду идет о какой-то мелочи. Но это!

«Если нечем платить, зачем же они продолжают покупать? – с раздражением подумала Скарлетт. – И зачем он продолжает отпускать им, если заведомо знает, что им нечем платить? Многие могли бы заплатить, если бы только Фрэнк нажал на них. Вот Элсинги, к примеру, наверняка смогли бы, раз они купили для Фанни атласный свадебный наряд и закатали такую дорогую свадьбу. Просто у Фрэнка слишком мягкое сердце, и все этим пользуются. Ведь собери он хоть половину того, что ему задолжали, запросто смог бы купить лесопилку, и еще бы осталось денег на мой налог».

Затем она подумала: «Можно себе представить, как Фрэнк будет управлять лесопилкой. Боже милостивый! Если из лавки он устроил богоугодное заведение, как же он сможет зарабатывать на лесопилке? Да уже через месяц шериф опишет ее и выставит на торги. Уж я бы точно наладила торговлю в лавке гораздо лучше его! И с лесопилкой я справилась бы лучше, хотя ничего не смыслю в этих досках!»

Это открытие потрясло ее: мысль о том, что женщина может вести дела не хуже или даже лучше, чем мужчина, для Скарлетт, которой с ранних лет внушали, что мужчины всеведущи, а женщину Бог обделил мозгами, была поистине революционной. Конечно, она давно уже открыла для себя, что на самом деле все обстоит не совсем так, но внушенная с детства иллюзия накрепко въелась в душу. Никогда раньше она не облекала свое поразительное открытие в слова. Скарлетт замерла с амбарной книгой на коленях, приоткрыв от удивления рот и вспоминая полуголодные месяцы в Таре, когда она выполняла мужскую работу – и выполняла ее хорошо. Ей всегда внушали, что сама по себе женщина не может справиться ни с чем, но ведь до появления Уилла она занималась плантацией совершенно одна, без всякой помощи со стороны. «Вот ей-богу, – пронеслась у нее в голове крамольная мысль, – женщины могли бы сами справиться с чем угодно без помощи мужчин, разве что детей заводить не смогли бы, но, видит бог, ни одна женщина в здравом уме не захотела бы иметь детей, если бы это зависело только от нее».

Осознав, что она ни в чем не уступает мужчинам, Скарлетт вдруг ощутила невероятный прилив гордости и неистовое, неодолимое желание доказать, что она может делать деньги, как любой мужчина. Ее собственные деньги, которые не придется ни выпрашивать, ни отчитываться за них перед кем-то из мужчин.

– Вот бы у меня было достаточно денег, чтобы самой купить эту лесопилку, – сказала она вслух и вздохнула. – Уж у меня бы работа кипела. И я ни одной щепочки не отдала бы в кредит.

Она снова вздохнула. Об этом не могло быть и речи, так как ей негде было раздобыть денег на покупку лесопилки. Просто Фрэнку придется собрать долги и купить лесопилку. Это верный способ делать деньги, а когда лесопилка будет куплена, Скарлетт уж непременно позаботится о том, чтобы Фрэнк вел дела правильно, не то что в лавке.

Вырвав из книги последнюю страницу, она принялась переписывать список тех должников, кто не возвращал деньги уже несколько месяцев кряду. Она поговорит с Фрэнком, как только вернется домой. Убедит его, что эти люди обязаны платить по счетам, даже если они старые друзья, даже если ему неловко требовать с них долги. Фрэнк, конечно, огорчится, ведь он такой стеснительный и так ценит признание друзей. Он такой чувствительный, что скорее потеряет все деньги, чем возьмется их вернуть, как подобает обычному деловому человеку.

Скорее всего, он скажет ей, что им нечем платить. Что ж, возможно, он и прав. Сама Скарлетт хорошо знала, что такое нищета. Но почти всем удалось сохранить какие-то драгоценности, серебро или какую-то недвижимость. Фрэнк мог бы взять это вместо денег.

Скарлетт заранее представляла себе, как будет стенать Фрэнк, когда она выскажет ему такое предложение. Как это – отнимать драгоценности и недвижимость у друзей! «Что ж, – пожалала плечами Скарлетт, – пусть плачется сколько хочет. Я отвечу, что если ему нравится оставаться бедным во имя дружбы, то я с этим точно мириться не буду. Без железной хватки

он ничего не добьется. Но он должен преуспеть! Он обязан зарабатывать деньги, даже если ради этого мне самой придется взять на себя бразды правления».

Она быстро и сосредоточенно писала, нахмурившись и прикусив язычок от усердия, как вдруг скрипнула дверь, и в лавку ворвался холодный ветер. Легкой походкой индейца в темное помещение вошел высокий мужчина. Подняв глаза, Скарлетт увидела перед собой Ретта Батлера.

Одетый во все новое, в щегольском плаще с пелериной на широких плечах, он выглядел необычайно импозантно. Он сорвал с себя шляпу и отвесил ей низкий поклон. Их взгляды встретились, Ретт галантно коснулся рукой безупречной гофрированной рубашки у сердца. На загорелом лице сверкнула белозубая улыбка, дерзкий взгляд смерил Скарлетт с головы до ног.

– Моя дорогая миссис Кеннеди! – воскликнул он, приближаясь. – Моя драгоценная миссис Кеннеди!

Тут он громко и весело расхохотался.

Поначалу Скарлетт так испугалась, словно посреди лавки возникло привидение, затем, поспешно вытащив из-под себя ногу, она напряженно распрямила спину и ответила ему холодным взглядом.

– Что вы здесь делаете?

– Я заглянул к мисс Питтипэт и узнал о вашей свадьбе. И вот я здесь, чтобы поздравить вас.

Вспомнив о пережитом из-за него унижении, Скарлетт залилась краской стыда.

– Удивляюсь, как вы посмели явиться мне на глаза! Откуда в вас столько наглости? – вскричала она.

– Напротив! Это я удивляюсь, откуда у вас берется наглость смотреть мне в глаза?

– Да вы самый...

– Может, прикажем протрубить перемирие?

Глядя на нее сверху вниз, он улыбнулся широкой, ослепительно яркой улыбкой, не без наглости, но без тени осуждения по отношению к себе или к ней. Неожиданно для себя Скарлетт тоже улыбнулась, но ее улыбка вышла кривой и скованной.

– Какая жалость, что вас не повесили!

– Боюсь, многие разделяют ваше мнение. Ну же, Скарлетт, успокойтесь. Вы как будто проглотили шомпол, вам это не к лицу. Ведь у вас было время прийти в себя после моей... э... маленькой проделки.

– Проделки? Ха! Я никогда от этого не оправлюсь!

– Да будет вам! Ваше негодование напускное, ведь вы полагаете, что именно так следует себя вести уважаемым дамам. Вы позволите мне сесть?

– Нет.

Он опустился на стул рядом с ней и усмехнулся.

– Что же вы – даже две недели не смогли подождать ради меня, – заметил Ретт с сокрушенным вздохом. – Вот оно, женское непостоянство! – Не получив ответа, он продолжил: – Давайте поговорим как друзья, как старые добрые и очень близкие друзья. Признайтесь, Скарлетт, не разумнее ли было дожидаться моего возвращения из тюрьмы? Или же чары брачных уз со стариком Фрэнком Кеннеди привлекли вас больше, чем внебрачная связь со мной?

Как всегда, его издевки бесили ее, но всякий раз ему при этом удавалось рассмешить ее своим нахальством.

– Вы несете вздор.

– Не могли бы вы удовлетворить мое любопытство и ответить на один вопрос, давно уже мучающий меня? Неужели вы не испытывали ни капли женского отвращения, неужели у вас не ёкнуло сердце, когда не один раз, а дважды вы выходили замуж не просто без любви, но

даже без влечения? Или, может быть, меня ввели в заблуждение рассказами о разборчивости южанок?

– Ретт!

– У меня есть свой ответ. Я всегда полагал, что женщины обладают твердостью и выносливостью, какие мужчинам даже не снились, хотя мне с детства внушали красивую легенду о том, что женщины – существа хрупкие, нежные и чувствительные. Тем не менее, согласно европейским правилам этикета, считается дурным тоном, если муж и жена любят друг друга. Это просто неприлично. Европейский подход всегда казался мне более здравым: брак по расчету и любовь с кем душе угодно. Весьма разумная система, вы не находите? А вы оказались еще ближе к устоям Старого Света, чем я думал.

Как ей хотелось сейчас крикнуть ему в лицо: «Не ради денег я вышла замуж!» Увы, тут ей деться было некуда, и, начни она строить из себя оскорбленную невинность, Ретт лишь обрушит на ее голову новые колкости.

– Вам просто нравится говорить мне гадости! – холодно обронила Скарлетт и, желая сменить тему, спросила: – Как вам удалось выбраться из тюрьмы?

– Ах, это! – легкомысленно отмахнулся он. – Никаких затруднений. Меня выпустили этим утром. Пришлось слегка надавить на одного моего приятеля в Вашингтоне. Он занимает довольно высокий пост в федеральном правительстве. Замечательный малый, один из настоящих патриотов Союза. В годы войны продавал мне мушкеты и юбки с кринолинами для Конфедерации. Когда до него дошли слухи о моем бедственном положении – разумеется, в правильном освещении, – он поспешил использовать свое влияние, и вот я на свободе. Влияние – это все, Скарлетт. Попомните мои слова, когда вас арестуют. Влияние – это сила, а вопрос вины и невинности имеет всего лишь академический интерес.

– Я бы присягнула, что вы не были невинными.

– О да, теперь, когда суд мне больше не грозит, я честно признаю, что виновен, как Каин. Я действительно убил черномазого. Он нагло вел себя с одной леди, и как же, по-вашему, должен был поступить настоящий южный джентльмен? И раз уж я решил исповедаться, признаюсь заодно, что пристрелил кавалериста-янки, после того как мы с ним не сошлись во мнениях в одном баре. За этот пустяк мне даже обвинения не предъявили, и я подозреваю, что какого-то беднягу повесили вместо меня.

Он так беспечно рассказывал о совершенных им убийствах, что у Скарлетт застыла кровь в жилах. Негодующие слова уже готовы были сорваться с ее губ, как вдруг она вспомнила янки, лежащего под сплетением мускатных лоз в Таре. Он отягощал ее совесть не больше, чем таракан, на которого она могла наступить. У нее нет никакого права осуждать Ретта, раз она виновна в таком же преступлении, что и он.

– И чтобы уж совсем облегчить душу, признаюсь вам под большим секретом (что означает: ни слова тетушке Питтипэт!), что деньги у меня действительно есть. Они надежно спрятаны в банке Ливерпуля.

– Деньги?

– Ну да, те самые деньги, что не давали покоя янки. Поверьте, Скарлетт, вовсе не из скаредности я не дал вам денег, в которых вы так нуждались. Переведи я хоть один вексель, они бы непременно отследили его, и до вас не дошло бы ни цента. Сохранить деньги я мог только при одном условии: ничего не предпринимая. Я знал, что деньги находятся в полной безопасности, потому что в самом худшем случае – если бы они нашли их и попытались отнять у меня – я назвал бы имя каждого патриота-янки из тех, кто продавал мне амуницию и станки во время войны. Поднялся бы страшный скандал, ведь кое-кто из них до сих пор занимает высокие посты в Вашингтоне. По сути дела, именно угроза облегчить душу и перечислить их имена помогла мне выбраться из тюрьмы. Я...

– Вы хотите сказать... что золото Конфедерации в самом деле находится у вас?

– Не все. Боже милостивый, конечно нет! Кроме меня есть еще не меньше пятидесяти бывших капитанов, прорывавших блокаду и заработавших на этом деле солидный куш. Все это надежно спрятано в Нассау, Англии, в Канаде. Это, конечно, не прибавит нам любви со стороны конфедератов, оказавшихся не такими ловкими. У меня накопилось что-то около полу-миллиона. Только подумайте, Скарлетт, полмиллиона долларов! Если бы вы смогли обуздать свою пылкую натуру и не выскочили снова замуж!

Полмиллиона долларов. Ей стало дурно при мысли о таких деньжищах. Она не обратила никакого внимания на его язвительные насмешки. Трудно было поверить, что в этом озлобленном и разбитом бедностью мире существуют такие деньги. Такая уйма денег – и ими владеет человек, который относится к ним беспечно и совсем в них не нуждается. А ей нечего противопоставить этому враждебному миру, у нее есть только немолодой недужный муж и эта жалкая грязная лавчонка. Какая вопиющая несправедливость: этот негодяй и подлец Ретт Батлер имеет все, а она, несущая на своих плечах тяжкий крест, почти всего лишена. О, как она его ненавидела! Расселся тут в своем щегольском наряде и насмехается над ней! Что ж, она не намерена раздувать его самомнение, она не станет хвалить его за ловкость. Ею владело одно лишь злобное желание бросить ему в лицо такие слова, которые заставят его замолчать.

– Полагаю, вы считаете, что это честно – держать у себя деньги Конфедерации. Что ж, вы не правы. Это чистой воды грабеж, и вам это прекрасно известно. Я не смогла бы жить с таким пятном на совести.

– Надо же, до чего зелен нынче виноград! – воскликнул Ретт, прищуриваясь. – И кого же это я ограбил?

Скарлетт молчала, пытаясь сообразить, кого же, в самом деле, он ограбил. В конце концов, он сделал то же самое, что и Фрэнк, разве что Фрэнк присвоил себе всего лишь мелочь.

– Половина этих денег принадлежит мне по праву, – продолжал Ретт. – Я заработал их честно с помощью честных патриотов-янки, охотно продававших Союз за его же спиной и получавших стопроцентную прибыль за свой товар. Кое-что я получил от небольших вложений в хлопок еще в начале войны. Я скупил его по бросовым ценам, а когда британские фабрики буквально взвыли, требуя хлопка, продал по доллару за фунт. Еще часть заработана на перепродаже продовольствия. С какой же стати, скажите на милость, я должен делиться с янки плодами своих трудов? А вот все остальное действительно принадлежало когда-то Конфедерации. Речь идет о хлопке Конфедерации, который я сумел провезти через блокаду, а затем продал в Ливерпуле по заоблачным ценам. Хлопок мне давали под честное слово, чтобы я приобрел на вырученные деньги седельную кожу, оружие, станки. И я брал его, чтобы честно купить вышеозначенные товары. Мне было приказано оставить золото в английских банках под своим именем, чтобы у меня всегда был кредит. Помните, когда блокада сомкнулась, я уже не мог ни вывести, ни ввести хотя бы один корабль в порты Конфедерации, поэтому деньги остались в Англии. И что же мне, по-вашему, оставалось делать? Неужели я должен был, как полный идиот, забрать все это золото из английских банков и попытаться провезти в Уилмингтон? Чтобы его перехватили янки? Разве я виноват, что блокада сомкнулась? Разве я виноват, что Наше Дело провалилось? Деньги принадлежали Конфедерации. Теперь Конфедерации больше не существует, хотя многие здесь до сих пор в это не верят. Так кому прикажете отдать эти деньги? Правительству янки? Мне бы очень не хотелось, чтобы люди считали меня вором.

Он вынул из кармана кожаный портсигар, достал длинную сигару и с наслаждением понюхал ее, с притворным беспокойством наблюдая за Скарлетт, словно вся его жизнь зависела от того, что она сейчас скажет.

«Черт бы его побрал, – подумала она, – вечно он опережает меня на шаг. В его рассуждениях всегда что-то не так, но я никак не пойму – что именно».

– Вы могли бы раздать деньги нуждающимся, – с достоинством заметила она. – Конфедерации больше не существует, но есть множество голодающих конфедератов и их семей.

Ретт запрокинул голову и грубо расхохотался.

– Вы просто неотразимы и безумно смешны, когда подобным образом изрекаете лицемерную чушь! – воскликнул он с откровенным наслаждением. – Мой вам совет, Скарлетт, всегда говорите правду. Вы не умеете лгать. Ирландцы – самые никудышные лжецы. Ну же, будьте искренней. Вам всегда было наплевать на приказавшую долго жить Конфедерацию, и меньше всего на свете вас заботит судьба голодающих конфедератов. Да вы завизжали бы от негодования, посмей я хотя бы заикнуться о том, чтобы раздать все эти деньги... если бы только самый большой куш я не отдал вам.

– Не нужны мне ваши деньги, – начала она, стараясь говорить с холодным достоинством.

– Да что вы говорите? У вас ведь уже ручки чешутся от нетерпения! Покажи я вам четвертак, вы бы кинулись на него как львица.

– Если вы пришли сюда оскорблять меня и смеяться над моей бедностью, мне остается пожелать вам хорошего дня, – парировала Скарлетт, пытаясь убрать тяжелый гроссбух с колен, чтобы встать и придать больше веса своим словам.

В ту же секунду он вскочил, наклонился над ней и со смехом толкнул ее обратно на стул.

– Когда же вы научитесь не впадать в ярость, услышав правду? Вы без обиняков высказываете правду о других людях, так почему же вы не выносите правды о себе? Кстати, я и не думал вас оскорблять. Я считаю стяжательство весьма похвальным качеством.

Скарлетт смутно представляла себе, что такое стяжательство, но немного смягчилась, услышав, что Ретт считает его похвальным качеством.

– У меня и в мыслях не было злорадствовать над вашей бедностью, я просто хотел пожелать вам долгой и счастливой семейной жизни. Между прочим, что думает сестричка Сью по поводу вашего грабительского налета?

– Чего-чего?

– Вы ведь похитили Фрэнка у нее из-под носа.

– Я не...

– Не будем придирааться к словам. Так что же она сказала?

– Она ничего не сказала, – ответила Скарлетт.

В его глазах вспыхнули огоньки, уличавшие ее во лжи.

– Вот пример истинной самоотверженности! Теперь поговорим о вашей бедности. Я ведь имею право знать, особенно после вашего милого визита в тюрьму. У бедняги Фрэнка оказалось меньше денег, чем вы рассчитывали?

Поистине деваться было некуда от его наглости. Ей оставалось либо смириться с этим, либо выставить его вон. Но Скарлетт уже не хотелось, чтобы он уходил. Его слова жалили ее ядом, но это был яд правды. Он прекрасно знал, что она натворила и что ее на это толкнуло, но, судя по всему, это никак не сказалось на его отношении к ней. И хотя он задавал ей неприятные вопросы в лоб, казалось, его интерес полон сочувствия и дружелюбия. Только ему одному она могла сказать правду. И у нее стало бы легче на душе, потому что уже давно она ни с кем не делилась своими подлинными мыслями, никому не объясняла, что ею движет. Стоило ей искренне заговорить о том, что она думает, как все вокруг почему-то приходило в ужас. Разговор с Реттом можно было сравнить только с одним чувством – чувством облегчения, которое ощущаешь, когда засовываешь ноги в старые шлепанцы, протанцевав целый вечер в узких бальных туфельках.

– Неужели вам не удалось раздобыть денег на уплату налога? – Теперь его голос зазвучал совершенно по-иному. – Не говорите мне, что голодные волки все еще кружат у порога Тары.

Их взгляды встретились, и в его черных глазах Скарлетт заметила выражение, поначалу смутившее и озадачившее ее. Но потом она вдруг улыбнулась нежной и очаровательной улыбкой, которая в последнее время почти не появлялась у нее на лице. Несносный негодай, временами он бывает так мил! Теперь она была уже твердо уверена, что он действительно пришел не

поиздеваться над ней, а узнать, нашла ли она деньги, в которых так отчаянно нуждалась. Теперь она убедилась, что он поспешил к ней, как только его освободили, сделав при этом вид, будто никуда не спешит, чтобы одолжить ей денег, если они все еще ей нужны. Но стоит ей высказать это предположение вслух, как он тут же начнет все отрицать, изводить ее насмешками и оскорблениями. Никогда ей его не понять. Неужели он и впрямь равнодушен к ней, только виду не показывает? А может, у него имеются другие причины? Скорее всего, так, подумала она, но кто знает? Порой он ведет себя так странно!

– Нет, – ответила она, – не кружат. Я... я раздобыла деньги.

– Ручаюсь, вам пришлось изрядно потрудиться. Вам удалось обуздать свой нрав, пока обручальное колечко не оказалось на вашем пальчике?

Скарлетт попыталась удержаться от улыбки, услышав столь точную и меткую оценку своего поведения, но не удержалась, и ямочки заиграли на ее щеках. Ретт сел, с удобством вытянув ноги.

– Поведайте мне о вашей бедности. Я полагаю, этот негодяй Фрэнк ввел вас в заблуждение рассказами о своих блестящих надеждах? Его следует хорошенько поколотить за то, что он злоупотребил доверием беззащитной женщины. Ну же, Скарлетт, расскажите мне все. У вас не должно быть от меня никаких секретов. Ведь я уже знаю о вас самое дурное.

– Ох, Ретт, вы самый несносный... я даже не знаю! Нет, не то чтобы он меня одурачил. Но... – Неожиданно она почувствовала непреодолимое желание рассказать все. – О Ретт, если бы Фрэнк собрал деньги со всех своих должников, мне не пришлось ни о чем беспокоиться. Но, Ретт, у него пять десятков должников, а он и не думает хоть немного нажать на них. Он такой бесхарактерный! Говорит, что джентльмен не может так поступить с другим джентльменом. И вот что я вам скажу: пройдут месяцы, прежде чем мы вернем деньги, а может, и никогда не вернем.

– Ну и что? Разве вам придется голодать, пока он не соберет долги?

– Нет, но... честно говоря, мне бы не помешала небольшая сумма прямо сейчас.

У нее глаза загорелись при мысли о лесопилке. А вдруг...

– На что? Опять налоги?

– А вам-то что за дело?

– Что мне за дело? Да я по глазам вижу, что вы уже готовы попросить у меня взаймы. О, все эти маневры мне знакомы! И я дам вам эти деньги, моя дорогая миссис Кеннеди, даже без того очаровательного обеспечения, которое вы не так давно мне предлагали. Ну разве что вы будете очень настаивать.

– Вы самый отъявленный нахал...

– Ничего подобного. Мне просто хочется снять камень с вашей души. Я же знаю, как вы беспокоитесь на этот счет. Не слишком сильно, но все же беспокоитесь. И я готов одолжить вам денег. Но мне бы очень хотелось знать, на что вы собираетесь их потратить. Полагаю, у меня есть на это полное право. Если вы хотите закупить себе красивых нарядов или новый выезд – ради бога, я ссужу их вам с легким сердцем. Но если деньги предназначены на покупку новой брючной пары для Эшли Уилкса, боюсь, мне придется вам отказать.

Ее охватил такой неистовый, обжигающий гнев, что она захлебнулась и не сразу смогла заговорить:

– Эшли Уилкс никогда не брал у меня ни цента! Я бы не смогла заставить его взять у меня деньги, даже если бы он умирал с голоду! Вам в жизни не понять, какой он благородный, какой гордый! Где уж вам понять его, когда сам-то вы...

– Ну не будем переходить на личности. Я мог бы припомнить вам такое, что крыть будет нечем. Вы забываете, что я постоянно в курсе всех ваших дел благодаря мисс Питтипэт, а эта добрая душа готова выложить все, что ей известно, любому, кто готов слушать. Мне известно, что Эшли живет в Таре с момента своего возвращения из Рок-Айленда. Мне также известно,

что вы смирились с постоянным присутствием его жены, хотя вам, конечно, это дается не просто.

– Эшли – это...

– Ах, да, – небрежно отмахнулся Ретт, – где уж мне, простому смертному, понять этого небожителя. Но не забывайте, моя милая, что я был свидетелем волнующей сцены, разыгравшейся между вами в Двенадцати Дубах, и что-то подсказывает мне, что с той поры Эшли не слишком изменился. Да и вы тоже. Если мне не изменяет память, в тот день он повел себя не слишком благородно. И мне почему-то кажется, что примерно так же он ведет себя и сейчас. Почему бы ему не забрать свое семейство и не съехать от вас? Почему бы ему не найти себе работу и не уехать из Тары? Конечно, это всего лишь мой каприз, но я не дам вам ни цента на содержание Эшли в Таре. У мужчин есть очень неприятное определение для таких вот типов, которые позволяют себе жить на содержании у женщин.

– Да как вы смеете говорить такое? Он работает в поле, как чернокожий! – Даже в гневе ее сердце сжалось от одного воспоминания об Эшли, обтесывающем колья ограды.

– Ценный работник, не правда ли? Прямо на вес золота! Воображаю, как ловко он убирает навоз и...

– Он...

– Да-да, я знаю. Допустим, он делает все, что может, только вряд ли от него есть какой-нибудь толк в хозяйстве. Из Уилкса никогда не выйдет фермера... и вообще ничего полезного не выйдет. Это исключительно декоративная порода. А теперь пригладьте ваши взъерошенные перышки и забудьте мои грубые замечания о гордом и благородном Эшли. Странно, что подобные иллюзии все еще держатся в такой трезвой и упрямой голове, как ваша. Итак, сколько денег вам нужно и на что вы их собираетесь потратить? – Не получив ответа, он повторил: – Зачем вам нужны эти деньги? И постарайтесь сказать мне правду. Поверьте, она ничем не хуже лжи. Даже лучше, потому что, если вы мне солжете, я непременно догадаюсь, а вы только представьте себе, как вам потом будет неловко. Запомните раз и навсегда, Скарлетт, я готов терпеть от вас все, что угодно, – вашу неприязнь ко мне, вздорный характер, вспышки злости – все, кроме лжи. Итак, для чего вам нужны деньги?

Скарлетт все еще была вне себя от ярости на него за выпад против Эшли, больше всего на свете ей хотелось с пренебрежением бросить отказ в его нагло ухмыляющееся лицо. Сблазн был так велик, что она уже готова была поддаться ему, но здравый рассудок охладил ее пыл. Проглотив плохо скрытую злость, она попыталась придать своему лицу выражение гордого достоинства. Ретт откинулся на стуле, вытянув ноги в сторону печи.

– Больше всего на свете, – заметил он, – мне нравится наблюдать вашу душевную борьбу, когда надо выбирать между моральными принципами и чем-нибудь практическим, к примеру, деньгами. Конечно, я прекрасно знаю, что практические соображения всегда побеждают, но продолжаю следить: вдруг лучшая сторона вашей натуры однажды возьмет верх? И если этот день когда-нибудь настанет, я соберу свои вещи и покину Атланту навсегда. На свете слишком много женщин, в которых добродетель побеждает... Ну что ж, вернемся к делу. Сколько и зачем?

– Я не знаю точной суммы, – угрюмо буркнула Скарлетт. – Я хочу купить лесопилку. Думаю, удастся получить ее задешево. Еще мне понадобятся два фургона и два мула. Причем мне нужны крепкие мулы. А еще лошадь с повозкой для моего личного пользования.

– Лесопилку?

– Да, и если вы дадите мне денег, то получите половину доходов.

– И на что мне эта лесопилка?

– Делать деньги! Мы сможем получить кучу денег! Или же я выплачу вам проценты с кредита. Что считается хорошим процентом?

– Пятьдесят процентов считается вполне приличным.

– Пятьдесят... да вы просто издеваетесь надо мной! Прекратите смеяться, черт бы вас побрал! Я серьезно.

– Вот поэтому я и смеюсь. Интересно, кто-нибудь, кроме меня, догадывается, что на самом деле творится в вашей головке, за этим обманчиво милым личиком?

– Кому какое дело? Послушайте, Ретт, неужели вам не кажется, что это выгодное дело? Фрэнк рассказал мне об одном человеке, он живет за городом, на Персиковой дороге, и у него есть лесопилка. Так вот, он собирается ее продать. Ему срочно требуются наличные, поэтому он продает почти даром. В округе сейчас не так уж много лесопилок, а посмотрите, сколько людей сейчас восстанавливают свои дома и строят новые! Словом, мы могли бы продавать строевой лес по самой выгодной цене. Бывший хозяин останется управлять лесопилкой за жалованье. Фрэнк мне все рассказал. Он бы и сам купил лесопилку, будь у него деньги. Думаю, он собирался ее купить на те деньги, что дал мне на уплату налогов.

– Бедняга Фрэнк! Что же он теперь скажет, когда узнает, что вы перекупили лесопилку прямо у него под носом? И как вы объясните ему, не загубив свою репутацию, почему я одолжил вам деньги?

Скарлетт об этом даже не подумала: мысленно она уже подсчитывала барыши, которые принесет ей лесопилка.

– Я ему ничего не скажу.

– Но он ведь догадается, что эти деньги не с куста вам достались.

– Ну... я скажу ему... да, я скажу ему, что продала свои серьги с бриллиантами. Я и вправду отдам их вам. Это будет моим об... как там вы это называете.

– Я не возьму ваших серег.

– Мне они не нужны. Они мне даже не нравятся. Да и не мои они, если уж на то пошло.

– А чьи же?

Ей тут же вспомнился неподвижный жаркий полдень, погруженная в глубокую тишину Тара и простертый в холле мертвец в синем мундире.

– Они достались мне... от человека, который уже умер. Так что теперь они мои. Берите их. Мне они не нужны. Я предпочла бы отдать их за деньги.

– Ради всего святого, Скарлетт, – вскричал он с досадой, – вы можете думать о чем-нибудь, кроме денег?

– Нет, – откровенно созналась она, устремив на него холодный и жестокий взгляд зеленых глаз. – Вы бы тоже думали только о деньгах, если бы вам довелось пройти через все то, что пережила я. Я поняла, что деньги важнее всего на свете, и, Бог мне свидетель, никогда в жизни я больше не буду обходиться без них.

Она вспомнила палящее солнце, мягкую красную землю, служившую подушкой для ее раскалывающейся от боли головы, запах негритянской хижины за руинами Двенадцати Дубов, вспомнила припев, упорно выбиваемый ее сердцем: «Я больше никогда не буду голодать. Я больше никогда не буду голодать».

– Когда-нибудь у меня будут свои деньги, куча денег, и я смогу есть все, что захочу. На моем столе никогда не будет ни мамалыги, ни сушеных бобов. У меня будет много разных нарядов, и все из чистого шелка...

– Все?

– Все, – отрезала она, даже не покраснев в ответ на его намек. – У меня будет столько денег, что янки никогда не смогут отобрать Тару. Я закажу для Тары новую крышу, построю новый амбар, в поле будут пахать сильные мулы, а хлопка будет столько, сколько вы никогда не видели. А Уэйд никогда не узнает, что значит испытывать нужду. Никогда! У него будет все. И вся моя семья больше никогда не будет голодать. Я этого добьюсь. Вам этого не понять, эгоистичная скотина. Вы представить себе не можете, каково это – когда «саквояжники» пытаются

выжить вас из родного дома. Вам не приходилось мерзнуть, ходить в отрепьях и гнуть спину, чтобы не умереть с голоду!

– Я провел восемь месяцев на войне в рядах конфедератов, – тихо напомнил он. – Вот уж где был настоящий голод.

– На войне! Ха! Вам никогда не приходилось собирать хлопок и пропалывать кукурузу. Как вы... Не смейте смеяться надо мной!

Ее голос поднялся до визга, и он взял ее за руки.

– Я и не думал смеяться над вами. Я смеюсь над несоответствием между вашим внешним видом и тем, чем вы являетесь по сути. И еще мне припомнилось, как я увидел вас впервые на пикнике у Уилксов. На вас было зеленое платье и маленькие зеленые туфельки. Вы буквально утопали в поклонниках и были полны собой. Держу пари, тогда вы и знать не знали, сколько центов в одном долларе. Ваш ум был занят лишь тем, как заманить в ловушку Эш...

Она выдернула руки.

– Ретт, если мы все-таки хотим поладить, прекратите все разговоры об Эшли Уилксе. Мы никогда не сойдемся в мнениях о нем, потому что вам его просто не понять.

– Ну вы-то, конечно, читаете его как открытую книгу, – бросил Ретт. – Нет, Скарлетт, если хотите, чтобы я ссудил вам денег, я сохраню за собой право обсуждать Эшли Уилкса, как и когда мне заблагорассудится. Я отказываюсь от процентов с кредита, но только не от этого права. Мне еще многое хотелось бы выяснить об этом молодом человеке.

– Я не обязана обсуждать его с вами, – резко возразила Скарлетт.

– Вот тут вы ошибаетесь. Денежки-то пока у меня, стало быть, могу делать, что захочу. Вот разбогатеете, тогда и вы сможете так же поступать с другими... Вполне очевидно, что он вам все еще небезразличен.

– Ничего подобного.

– О, вы так кидаетесь на его защиту, что тут все ясно как божий день. Вы...

– Я не позволю вам насмеяться над моими друзьями.

– Ладно, оставим это пока. А он по-прежнему любит вас или Рок-Айленд заставил его все забыть? А может быть, он наконец понял, какой драгоценный подарок преподнесла ему судьба в виде миссис Уилкс?

При упоминании о Мелани Скарлетт стало трудно дышать, она чуть не крикнула на всю лавку, что Эшли остается с Мелани только из благородства. Она уже открыла было рот, но передумала.

– Ясно, у него так и не хватило мозгов оценить достоинства миссис Уилкс. И даже строгий тюремный режим не остудил его пылкой страсти к вам?

– Я не вижу смысла обсуждать этот вопрос.

– А я вижу, – сказал Ретт, грозно понизив голос, и Скарлетт даже испугалась, сама не зная чего. – И я буду его обсуждать, более того, жду ваших ответов. Скажите, он все еще любит вас?

– Ну и что, если да? – запальчиво вскричала разозленная Скарлетт. – Я не желаю говорить о нем с вами. Все равно вам не понять ни его, ни его любви. Вам только одна любовь известна – шашни с тварями вроде Красотки Уотлинг.

– Вот оно что, – мягко протянул Ретт. – Значит, я способен только на плотские утехы?

– Вы же знаете, что так оно и есть.

– Теперь мне ясно, почему вы не желаете говорить со мной об Эшли. Мои грязные руки и губы не должны порочить чистоту его любви.

– Да, что-то в этом роде.

– Мне бы хотелось побольше узнать об этой чистой любви...

– Не будьте таким гадким, Ретт Батлер. Если вы так низко пали, что могли подумать, будто между нами что-то...

– Ну что вы, мне это и в голову не пришло. Вот почему мне так интересно. Что вам помешало? Почему между вами ничего не было?

– Если вы полагаете, что Эшли мог...

– Ах, значит, это Эшли, а не вам приходится сражаться за чистоту любви? Ей-богу, Скарлетт, нельзя же с такой легкостью выдавать свои секреты.

Сбитая с толку и полная негодования, Скарлетт заглянула в его невозмутимое, ничего не выражающее лицо.

– Все, на этом мы ставим точку, и мне не нужны ваши деньги. Вон отсюда!

– Э, нет, вам нужны мои деньги. И если уж мы так далеко зашли, то почему бы не продолжить? Что может быть дурного в разговоре о целомудренной идиллии... тем более что ничего плохого не произошло. Значит, Эшли любит вас за ваш ум, вашу душу и благородный характер?

При этих словах Скарлетт внутренне съежилась. Конечно, Эшли любит ее именно за все эти качества. Лишь эта мысль помогала ей жить, мысль о том, что Эшли, связанный узами чести, любит ее на расстоянии, любит за то прекрасное, что глубоко скрыто в ней, за то, что видел только он один. Увы, эти прекрасные качества утратили всю свою привлекательность, когда Ретт заговорил о них вслух обманчиво спокойным тоном, за которым скрывался сарказм.

– Ко мне возвращаются мои юношеские идеалы, когда я вижу, что в нашем порочном мире еще существует такая любовь! – продолжал он. – Значит, в его любви к вам нет ничего плотского? Эта любовь была бы прежней, не будь у вас такой белой кожи и хорошенького личика? И не будь у вас этих зеленых глаз, заставляющих каждого мужчину грезить о том, что будет, если он заключит вас в объятия? А ваша походка? Вы так плавно поводите бедрами, что можете соблазнить любого, кому еще не стукнуло девяносто! А эти губы, которые... нет, мне лучше обуздать свою похоть. Неужели Эшли ничего этого не замечает? Или он все видит, но его это решительно не трогает?

Сама того не желая, Скарлетт мысленно вернулась в тот день в саду, когда Эшли обнимал ее дрожащими руками, вспомнила его горячие губы, прижимающиеся к ее губам... казалось, он никогда ее не отпустит. Стоило ей вспомнить, как ее щеки вспыхнули пунцовым румянцем, и это не ускользнуло от Ретта.

– Итак, – его голос зазвенел, в нем зазвучали гневные нотки, – теперь я вижу, что он любит вас исключительно за ваш ум.

Да как он смеет лезть ей в душу своими грязными лапами, превращая то единственное, что было в ее жизни прекрасного и священного, в нечто низкое и отвратительное? Холодно, безжалостно он разрушал последние границы ее самообладания, и то, что ему хотелось услышать, вот-вот готово было выплеснуться наружу.

– Да, именно так! – закричала она, прогоняя воспоминания о поцелуе Эшли.

– Милая моя, он даже не подозревает, что у вас есть ум. Если бы его привлекал ваш ум, ему не пришлось бы так отчаянно бороться с вами, чтобы сохранить эту любовь... гм... мягко говоря, во всей ее священной чистоте. Он мог бы не беспокоиться ни о чем: ведь мужчина, восхищающийся умом и душой женщины, остается благородным джентльменом и не предает тем самым собственную жену. Но смею предположить, верность чести Уилксов дается ему нелегко, когда он так страстно желает вашего тела.

– Вы судите о других по себе, по своей низкой душонке!

– О, я никогда не отрицал того, что желаю вас, если вы об этом. Но я, слава богу, не связан узами чести. Я беру все, что захочу, если только есть возможность, и мне не приходится бороться ни с ангелами, ни с демонами. Веселенький же ад вы устроили для Эшли! Я почти сочувствую ему.

– Я... я устроила ему ад?

– Да, да, вы! Потому что вы – вечный соблазн, а люди его склада предпочитают то, что в наших краях называется честью, самой что ни на есть страстной любви. Мне даже кажется, что теперь у бедняги не осталось ни любви, ни чести, чтобы приободрить себя!

– У него есть любовь!.. То есть я хочу сказать, он любит меня!

– Любит? Тогда ответьте мне на последний вопрос, и покончим с этим на сегодня. Забирайте свои деньги и бросьте их в канаву, если хотите, мне наплевать.

Ретт встал и выбросил недокуренную сигару в плевательницу. Он двигался с той же свободной звериной грацией и сдержанной силой, которые Скарлетт подметила в нем еще в ночь падения Атланты, – зловещей и немного пугающей.

– Если он действительно любит вас, тогда какого черта он позволил вам отправиться в Атланту на поиски денег? Позволить такое любимой женщине... Да я бы...

– Он ничего не знал! Он понятия не имел, что я...

– А вам не приходило в голову, что ему следовало догадаться? – В его голосе клокотало еле сдерживаемое бешенство. – Уж если он и вправду любит вас, как вы говорите, он должен был знать, на что вы способны в отчаянном положении. Он должен был убить вас, но не отпустить сюда... и не к кому-нибудь, а ко мне! Боже праведный!

– Но ведь он ничего не знал!

– Если он не способен догадаться без подсказки, значит, он вообще ничего не знает ни о вас, ни о вашем драгоценном уме.

Скарлетт возмутила его несправедливость. Нельзя же требовать от Эшли умения читать мысли! Да если бы он и догадался о ее планах, он все равно не смог бы ее остановить! Или смог бы? Вдруг она поняла, что Эшли мог остановить ее. Стоило ему тогда в саду хоть намекнуть ей, что все еще может измениться, и она никогда не поехала бы к Ретту. Одно нежное слово или хотя бы ласка на прощание, когда она уже садилась в поезд, удержали бы ее. Но он только и делал, что говорил о чести. И все же... неужели Ретт прав? Неужели Эшли должен был догадаться, что у нее на уме? Она торопливо прогнала предательскую мысль. Он ведь даже не подозревал. Он даже представить себе не мог, что она способна на столь безнравственный поступок. Эшли слишком благороден, ему чужды подобные мысли. Просто Ретт пытается осквернить ее любовь. Он хочет разрушить то, что ей всего дороже. В один прекрасный день, мстительно подумала она, когда в лавке дело пойдет, и лесопилка будет приносить хороший доход, и у нее появятся деньги, она заставит Ретта Батлера заплатить за все горести и унижения, пережитые по его вине.

Он высился над ней и с легкой усмешкой смотрел на нее сверху вниз. Обуревавшие его чувства развеялись.

– Что вам за дело, в конце концов? – спросила Скарлетт. – Это касается только меня и Эшли, но уж точно не вас.

Он пожал плечами:

– Что мне за дело? Я испытываю глубокое и совершенно искреннее восхищение вашей стойкостью, Скарлетт, и не хочу видеть, как ваш боевой дух надломится под тяжестью непомерной ноши. Вам надо заботиться о Таре. Одного этого хватило бы, чтобы обеспечить работой по горло взрослого мужчину. К тому же у вас на руках больной отец. Он вам уже никогда и ничем не поможет. Вам придется содержать его до самой его смерти. Кроме того, есть ваши сестры и слуги. Теперь вы взяли на свое попечение еще и мужа да, пожалуй, и мисс Питтипэт. По-моему, ваша ноша достаточно тяжела и без Эшли Уилкса с его семьей.

– Но он мне не обуза. Он помогает...

– Господи боже! – нетерпеливо перебил ее Ретт. – Не морочьте мне голову, мне это уже надоело. От него нет никакой помощи. Он нахлебник и останется нахлебником до конца своих дней – не для вас, так еще для кого-нибудь. Честно говоря, меня уже тошнит от разговоров о нем... Сколько денег вам нужно?

Ядовитые слова так и просились у нее с языка. После того как он нанес ей столько оскорблений, вытянул из нее себе на потеху все, чем она в жизни дорожила, он все еще думает, что она возьмет у него деньги!

Но она заставила себя промолчать. Как чудесно было бы посмеяться над его предложением и выставить его из лавки вон! Но такая роскошь доступна лишь самым богатым, занимающим прочное положение людям, а ей при ее бедности придется терпеть подобные сцены. Зато, когда она разбогатеет – до чего же заманчивая и согревающая мысль! – она не потерпит ничего такого, что ей не понравится, она будет делать все, что пожелает, не откажет себе ни в одном капризе и не станет миндальничать с теми, кто придется ей не по вкусу.

«Я их всех пошлю к чертям собачьим, – подумала Скарлетт, – и первым будет Ретт Батлер!»

Эта приятная мысль вызвала радостные искры в ее зеленых глазах, и Скарлетт даже слегка улыбнулась. Ретт тоже улыбнулся.

– Вы очаровательны, Скарлетт, – сказал он, – особенно когда замышляете какой-нибудь адский план. За одну только ямочку на вашей щеке я готов купить вам чертову дюжину мулов.

Открылась входная дверь, и в лавку, ковыряя в зубах гусиным пером, вошел приказчик. Скарлетт поднялась со стула, накинула на плечи шаль и крепко завязала ленты шляпки под подбородком. Она приняла решение.

– Вы сегодня не заняты? Можете съездить кое-куда со мной прямо сейчас?

– Куда?

– Я хочу, чтобы вы отвезли меня на лесопилку. Я обещала Фрэнку не ездить за город одна.

– На лесопилку? В такой-то дождь?

– Да, я хочу купить ее сейчас же, пока вы не передумали.

Ретт так громко расхохотался, что приказчик за прилавком вздрогнул и оторопело уставился на него.

– А вы часом не забыли, что вы замужем? Миссис Кеннеди не может на глазах у всех выезжать за город с негодяем Реттом Батлером, которого не принимают в лучших домах. Вы совсем не печетесь о своей репутации?

– Да ну ее, эту репутацию! Я хочу получить лесопилку, пока вы не передумали, пока Фрэнк не узнал, что я ее покупаю. Не будьте же таким увальнем, Ретт. Что нам какой-то дождик? Поспешим.

Лесопилка! Фрэнк мысленно рвал на себе волосы при каждом упоминании о лесопилке и проклинал тот день и час, когда рассказал о ней Скарлетт. Мало того, что она продала свои серьги – да не кому-нибудь, а капитану Батлеру! – и купила лесопилку, даже не посоветовавшись с ним, со своим мужем, так она еще и не передала ему право на управление этой самой лесопилкой. Это выглядело просто ужасно. Как будто она ему не доверяет или сомневается в его умении вести дела.

Как и все знакомые ему мужчины, Фрэнк считал, что жена должна полагаться на мудрость своего мужа и полностью руководствоваться его суждениями, не имея собственного мнения ни по какому поводу. Он охотно позволил бы любой другой женщине поступать по-своему. Ведь женщины – такие глупенькие и забавные существа, почему бы не побаловать их, потакая их маленьким прихотям? Мягкий и добрый от природы, Фрэнк почти ни в чем не смог бы отказать жене. Он с радостью исполнял бы всякие причуды какой-нибудь очаровательной куколочки и ласково пенял бы ей на глупость и мотовство. Но то, на что решилась Скарлетт, не умещалось ни в какие рамки.

Взять, к примеру, эту лесопилку. Он едва устоял на ногах, когда в ответ на его вопрос она с милой улыбкой заявила, что собирается управлять ею сама. «Я сама займусь этим делом» – таковы были ее слова. Никогда Фрэнку не забыть эту ужасную минуту. Она сама займется делом! Да это просто немыслимо! Во всей Атланте никто из женщин не управлял делами

самостоятельно. Более того, Фрэнк вообще слыхом не слыхал о том, чтобы женщины управляли делами. Если уж женщинам, к несчастью, и приходилось зарабатывать, чтобы прокормить семью, они делали это чисто по-женски. К примеру, миссис Мерриуэзер зарабатывала на выпечке, Фанни – на росписи посуды и на шитье, миссис Элсинг – на квартирантах, миссис Мид преподавала в школе, а миссис Боннелл давала уроки музыки. Да, они зарабатывали, но при этом сидели дома, как и положено женщинам. Но как может женщина покинуть надежные стены собственного дома и заниматься делами наравне с мужчинами, врываться в их жестокий мир и объявлять им конкуренцию, сталкиваться с их грубостью, становиться мишенью сплетен и оскорбительных нападок... Особенно когда ничто не принуждает ее к этому, когда у нее есть муж, способный обеспечить ее сполна!

Поначалу Фрэнк надеялся, что она просто хочет подразнить его и все это лишь шутка сомнительного свойства, но очень скоро понял, что Скарлетт настроена работать всерьез. Она действительно управляла лесопилкой. По утрам она вставала раньше его, отправлялась на Персиковую дорогу и частенько возвращалась уже после того, как он, закрыв лавку, ждал ее к ужину у тети Питти. Она ездила далеко за город в сопровождении одного лишь осуждающего ее поведения дядюшки Питера и под его охраной, а леса так и кишели вольными неграми и белой швалью. Фрэнк никак не мог ездить с ней – кто-то должен был заниматься лавкой, а в ответ на его протесты она лишь заявила: «За этим прохвостом Джонсоном нужен глаз да глаз, иначе он будет воровать мои доски и продавать их, а деньги положит к себе в карман. Как только найду достойного человека, который сможет занять мое место на лесопилке, мне не придется так часто туда ездить. Я останусь в городе и буду торговать прямо здесь».

Торговать лесом в городе! Хуже некуда. Время от времени она действительно оставалась в городе и торговала лесом. В такие дни Фрэнку хотелось забиться в темную кладовую своей лавки и не показываться никому на глаза. Его жена торгует лесом!

По городу уже поползли слухи. Люди отзывались о ней ужасно. Вероятно, о нем тоже: как он позволяет ей вести себя столь неподобающим для женщины образом? Он не знал, куда глаза девать, когда, стоя у прилавка, был вынужден выслушивать слова покупателей: «Я только что видел миссис Кеннеди тут неподалеку...» Никто не упускал случая досадить ему рассказами о ее «подвигах». Дюжину раз кряду ему пришлось выслушать отчет о том, что произошло возле строящегося отеля. Скарлетт подъехала, как раз когда Томми Уэллберн закупал лес у другого торговца, вышла из экипажа, смешавшись с толпой грубых ирландских каменщиков, которые закладывали фундамент, и напрямую заявила Томми, что его обманывают. Она сказала, что ее лес лучше и дешевле, в подтверждение своих слов быстро произвела в уме длинный подсчет и выложила ему подробную смету. Мало того, что леди толкалась среди грязных рабочих, гораздо хуже было то, что она публично продемонстрировала свои математические способности. Томми принял ее смету и сделал заказ, но Скарлетт и этого оказалось мало: вместо того чтобы скромно, тихо и быстро удалиться, задержалась на стройплощадке и вступила в разговор с Джонни Гэллегером, бригадиром ирландских рабочих, злобным коротышкой с дурной репутацией. Весь город еще одну неделю гудел слухами. В довершение всего она действительно имела доходы с лесопилки! Любой мужчина лишился бы душевного покоя, увидев, что его жена преуспевает в столь неженском деле. Все заработанные деньги Скарлетт отправляла в Тару и писала бесконечные письма Уиллу Бентину с указаниями, как следует ими распорядиться, не оставляя мужу даже части прибыли для использования в лавке. Кроме того, она огорошила Фрэнка сообщением о том, что если когда-нибудь покончит с ремонтом Тары, то начнет давать деньги под залог.

– О боже, боже, боже!!! – содрогался Фрэнк, вспоминая об этом. Женщина даже знать не должна, что такое залог.

В голове у Скарлетт роились грандиозные планы, и каждый следующий казался Фрэнку хуже предыдущего. Она даже заговорила о постройке салуна на том месте, где раньше распо-

лагался ее склад, сожженный армией Шермана. Фрэнк яростно возражал против этой затеи, хотя и не был трезвенником. Владение салуном – дело скверное, да к тому же еще и сомнительное: все равно что сдать свое жилище под публичный дом. Он никак не мог внятно объяснить, почему владеть салуном стыдно, а на все его неуклюжие доводы она отвечала лишь: «Вздор! Чепуха!»

– Владельцы салунов – отличные арендаторы. Дядюшка Генри так говорит, – отвечала она ему. – Они всегда исправно вносят арендную плату, к тому же, поймите, Фрэнк, я могла бы построить для салуна недорогое здание из низкосортного леса, который не могу продать, и получать с него хороший доход, а потом на полученные деньги, на доход с лесопилки и на те, что я буду получать, давая под залог, можно будет купить еще несколько лесопилок.

– Сахарок, зачем вам новые лесопилки? – в ужасе вскричал Фрэнк. – Вам и эту-то лучше продать. Она отнимает у вас все силы: вы же знаете, как трудно заставить работать вольных негров!

– От вольных негров, несомненно, нет никакого толку, – согласилась Скарлетт, пропустив мимо ушей его намеки на продажу лесопилки. – По словам мистера Джонсона, каждое утро, приходя на работу, он не знает, удастся ли ему набрать полную бригаду или нет. На чернокожих теперь просто невозможно положиться. День-другой поработают, потом бездельничают, пока деньги не кончатся, а бывает, что и все за одну ночь разом сбегут. Смотрю я на эту их свободу и вижу, что это настоящее преступление. Свобода просто погубила негров. Большинство из них вообще не хотят работать, а те, кого удастся нанять на лесопилку, настолько ленивы и непоседливы, что от них никакого толку нет. А попробуй их ругнуть – я уж не говорю, всыпать им немного для их же блага, – Бюро содействия свободным гражданам тут как тут.

– Сахарок, вы ведь не разрешаете мистеру Джонсону бить этих...

– Нет, конечно, – нетерпеливо перебила его Скарлетт. – Я ведь только что сказала, что за это янки могут упечь меня в тюрьму.

– Готов поклясться, ваш отец ни разу в жизни не ударил ни одного негра, – сказал Фрэнк.

– Только однажды. Мальчишку-конюха, который не вычистил лошадь после целого дня охоты. Но, Фрэнк, времена были иные. Вольные негры – это совсем другое дело, хорошая порка пошла бы им только на пользу.

Фрэнка поражали не только взгляды и планы супруги, но и те перемены, что произошли с ней со дня свадьбы. Женился он на милом, нежном, женственном существе. В краткий период своего жениховства он полагал, что нет в мире более привлекательной, скромной, несведущей и беспомощной леди. Теперь же все ее поведение было чисто мужским. Несмотря на все эти ямочки на розовых щеках и очаровательные улыбки, она вела себя как мужчина. Говорила отрывисто и убедительно, решения принимала на лету, без девичьих колебаний. Прекрасно знала, чего хочет, и, как мужчина, шла к цели самым коротким путем, хотя любая другая женщина на ее месте непременно попыталась бы действовать скрытно и в обход.

Фрэнку и раньше доводилось видеть властных женщин. В Атланте, как и в других южных городах, было множество вдов, которым окружающие старались не перечить. Никто не умел так навязывать другим свою волю, как могучая миссис Мерриуэзер, трудно было найти женщину более деспотичную, чем хрупкая миссис Элсинг, или более искусную в достижении своих целей, чем седовласая и сладкоголосая миссис Уайтинг. Но к каким бы уловкам ни прибегали эти дамы, чтобы поставить на своем, все равно речь шла о чисто женских уловках. Они почтительно прислушивались к мужскому мнению, хотя и не всегда руководствовались им. Они милостиво делали вид, что признают главенство мужчины, – большего от них и не требовалось. А вот Скарлетт следовала только своим собственным представлениям и вела дело как настоящий мужчина, поэтому весь город перемывал ей кости.

«И наверняка, – сокрушался Фрэнк, – обо мне тоже судачат, потому что я позволяю ей слишком много».

А тут еще и этот Батлер. Его частые визиты в дом тети Питти стали для Фрэнка источником бесконечного унижения. Никогда Батлер не нравился Фрэнку, даже когда у них были совместные дела еще до войны. Фрэнк проклинал тот день, когда привез Батлера в Двенадцать Дубов и представил его друзьям. Он презирал Батлера за бессовестную расчетливость в спекуляциях во время войны и за то, что тот не сражался в армии. О восьми месяцах, проведенных Реттом в рядах Конфедерации, знала только Скарлетт: Ретт с притворным ужасом упросил ее никому не рассказывать о своем «позоре». Больше всего Фрэнк презирал Батлера за присвоение золота Конфедерации, в то время как честные люди, например, адмирал Баллок и другие, оказавшиеся в подобной ситуации, вернули свои тысячи в федеральную казну. Увы, Фрэнку пришлось мириться с тем, что Ретт был частым гостем в доме.

Он являлся якобы повидать мисс Питти, а она по наивности верила этому и кокетничала с ним напропалую. А Фрэнка преследовало неприятное чувство, что Батлер ездит в дом отнюдь не ради мисс Питтипэт. Маленький Уэйд, стеснительный, сторонящийся взрослых мальчик, очень привязался к нему и даже называл его «дядей Реттом», хотя это коробило Фрэнка. К тому же Фрэнк никак не мог отделаться от воспоминаний о том, что во время войны Ретт ухаживал за Скарлетт и тогда об этом много говорили. Он опасался новой волны слухов, еще хуже прежних. Правда, никто из его друзей и знакомых не осмеливался высказаться на эту тему, хотя все дружно осуждали Скарлетт за успешное управление лесопилкой. Фрэнк не мог не заметить, что его и Скарлетт все реже и реже приглашают на званые обеды и приемы, да и к ним в дом все меньше заглядывают гости. Но огорчился по этому поводу только он один. Большинство соседей не вызвали у Скарлетт ни малейшей симпатии, к тому же она была слишком занята на лесопилке, чтобы поддерживать отношения с теми немногими, кто не был ей неприятен, поэтому отсутствие светской жизни ее совсем не тяготило.

Фрэнка всегда заботило, что скажут соседи, его глубоко ранило и шокировало поведение жены, пренебрегавшей приличиями. Он видел, что все осуждают поведение Скарлетт, а заодно и его за то, что он позволяет ей «позорить свой пол». Она совершала множество поступков, которые муж должен был бы ей запретить, но стоило ему заикнуться об этом, возразить или хотя бы сделать замечание, как на его бедную голову тут же обрушивалась буря.

«О боже, боже! – беспомощно мысленно стонал он. – Еще никогда не видел, чтобы женщина приходила в бешенство так быстро и так надолго!»

Даже в те дни, когда все шло, казалось бы, замечательно, приходилось только удивляться, с какой необыкновенной быстротой любящая и нежная жена, хлопчущая по дому и беспечно напевающая что-то себе под нос, превращалась в фурию, стоило ему сказать: «На вашем месте, Сахарок, я бы...»

Ее черные брови стремительно сдвигались под острым углом у переносья, и у Фрэнка душа уходила в пятки. Она была наделена поистине варварским темпераментом, а в такие моменты в ней просыпалось бешенство дикой кошки: казалось, она не замечала, что говорит и как больно ранят ее слова. Когда раздражался очередной скандал, весь дом погружался во мрак и уныние. Фрэнк уходил в лавку пораньше и оставался там допоздна. Тетя Питти забивалась в свою спальню, как загнанный кролик в нору. Уэйд с дядюшкой Питером прятались в каретном сарае, а повариха не высовывала носа из кухни и даже воздерживалась от пения псалмов. Одна лишь Мамушка невозмутимо выносила бешеные взрывы темперамента Скарлетт, но ведь Мамушка прожила долгие годы рядом с Джералдом О'Хара и ко многому успела привыкнуть.

На самом деле Скарлетт совершенно не хотелось скандалить. Она искренне стремилась быть хорошей женой Фрэнку, она питала к нему теплые чувства и была ему благодарна за спасение Тары. Но он так часто и порой столь неожиданно испытывал ее терпение, что ей никак не удавалось держать себя в руках.

Она не могла уважать мужчину, позволявшего ей помыкать собой, а его смущение и нерешительность в любой неприятной ситуации, в столкновении с ней или с другими, раздра-

жали ее до чертиков. Она могла бы закрыть глаза на эти вещи и быть счастливой, поскольку ее денежные затруднения по большей части успешно разрешились, но ее недовольство росло с каждой новой мелочью, доказывающей, что Фрэнк – мало того, что сам никудышный управляющий, – и ей не желал успеха в делах.

Как и ожидала Скарлетт, Фрэнк долго отнекивался, не желая собирать деньги с неплательщиков, а когда она его все-таки вынудила, принялся за дело через пень-колоду, извиняясь на каждом шагу. Ей не требовалось других доказательств, чтобы убедиться, что семья Кеннеди никогда не выбьется из нужды, если только она в одиночку не заработает, сколько считает нужным. Теперь она знала, что Фрэнк до конца своих дней готов довольствоваться тем, что ему дает его грязная лавчонка. Похоже, он не сознавал, сколь ненадежно их положение и как важно зарабатывать побольше денег, ибо только деньги в эти опасные и трудные времена могли служить защитой от всех невзгод и напастей.

Может быть, до войны, когда это не составляло труда, Фрэнк и преуспевал в делах, но по нынешним временам, считала Скарлетт, его поведение было ужасающе старомодным: он упрямо держался за прошлое, хотя давно пора было понять, что от прошлого уже и следа не осталось. Ее муж был начисто лишен предприимчивости, столь необходимой в изменившейся, более суровой обстановке. Что ж, самой Скарлетт предприимчивости было не занимать, и она намеревалась использовать ее сполна, нравится это Фрэнку или нет. Им нужны деньги, и она добывает деньги, хоть они и нелегко ей достаются. А Фрэнк, считала Скарлетт, мог бы хоть не вмешиваться в ее планы, уже приносившие плоды, о большем она бы уж и не мечтала.

При ее неопытности управлять лесопилкой было непросто, тем более что конкуренция с каждым днем становилась все более жесткой по сравнению с тем, что было вначале, и Скарлетт возвращалась домой поздно вечером, усталая, сердитая и озабоченная. А когда Фрэнк, сконфуженно покашляв, говорил ей: «Сахарок, я бы этого не делал» или: «Будь я на вашем месте, Сахарок, я поступил бы по-другому», она, как могла, сдерживала гнев, но у нее далеко не всегда хватало на это терпения. Если он сам по своей бесхарактерности не способен оторваться от стула и заработать денег, зачем же придирается к ней? К тому же он пилил ее по таким пустякам! Что за важность в теперешние-то времена, если она ведет себя не по-женски? Тем более что именно ее «позорящая ее как женщину» лесопилка приносит столь необходимые ей, ее семье, Таре и даже самому Фрэнку деньги.

Фрэнку хотелось тишины и покоя. Война, в которой он честно сражался, подорвала его здоровье, лишила состояния и превратила в старика. Он ни о чем не жалел и после четырех лет войны желал в мирной жизни лишь спокойствия и добра, хотел видеть вокруг себя любимые лица и ощущать одобрение друзей. Он очень скоро понял, что мир в доме имеет свою цену и цена эта – позволять Скарлетт делать все, что ей взбредет в голову. Устав бороться, Фрэнк принял мир на ее условиях. Иногда он думал, что дело того стоит: лишь бы видеть ее улыбающейся, когда холодными вечерами она открывала ему дверь и целовала в ухо, в нос, куда попало, когда она, укутанная в одеяла, засыпала, положив голову ему на плечо. Домашняя жизнь была просто раем, если все было так, как хотела Скарлетт. Но этот мир был лишь пустой видимостью, и Фрэнк заплатил за него непомерно высокую цену: пожертвовал всем, что считал правильным в семейной жизни.

«Женщина должна больше внимания уделять дому и семье, а не болтаться где ни попадя, как мужчина, – думал он. – Вот если бы у нее был ребенок...»

При мысли о ребенке Фрэнк улыбнулся. Он часто думал о ребенке. Скарлетт весьма откровенно заявляла, что не хочет детей, но ведь дети часто появляются на свет без приглашения. Фрэнк знал, что многие женщины говорят о своем нежелании иметь детей, но это всего лишь порождение глупости и страха. Будь у Скарлетт малыш, она любовно заботилась бы о нем и согласилась бы оставаться дома и заниматься хозяйством, как все другие женщины. Тогда ей пришлось бы продать лесопилку, и всем его мучениям пришел бы конец. Всем женщинам для

полного счастья нужен ребенок, а Фрэнк видел, что Скарлетт несчастлива. Не будучи знатоком женщин, он тем не менее не был слеп и замечал, что временами она очень и очень несчастна.

Иногда, проснувшись ночью, он слышал, как она тихонько плачет в подушку. Проснувшись от ее рыданий в первый раз, он тревожно спросил: «Что такое, Сахарок, что случилось?» – но в ответ получил лишь отчаянный крик: «Оставьте меня в покое!»

Да, ребенок сделает ее счастливой и отвлечет от всяких дел, которыми ей не пристало заниматься. Иногда Фрэнк тяжело вздыхал и думал, что поймал ослепительно прекрасную тропическую птицу, хотя мог бы удовольствоваться простым воробушком. Это было бы даже гораздо лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.